

**Анвар Ридван (Малайзия)**

**Были и небыли  
островов «Огонсото»**

*Перевод с малайского Виктора Погадаева*

Санкт-Петербург  
2005

*В 1971 году за несколько дней до отъезда в Россию после годичного пребывания в Университете «Малайя» в качестве стажера по малайскому языку ко мне подошел один из местных студентов и робко протянул стопку печатных листов. Он сообщил, что сочиняет стихи и рассказы и хотел бы передать часть из них мне для оценки.*

*Вернувшись в Москву, я посмотрел произведения внимательно. Некоторые из них показались мне любопытными и с точки зрения сюжета, и с точки зрения языка. Студент несомненно подавал надежды. В это время Владилен Сигаев готовил к изданию антологию малайзийской новеллы, и я предложил ему посмотреть рассказы моего знакомого из Малайзии. Сигаев согласился, что рассказы неплохие и особенно выделил один из них (это был, кажется, рассказ «Не этого я хотела»), но в то же время отметил, что в сборнике уже есть рассказ со схожим сюжетом.*

*Откровенно говоря, когда сборник вышел, я не нашел там ничего похожего на рассказ «Не этого я хотела». Возможно, Сигаев ошибся или подумал, что новичку не место среди маститых малайзийских писателей, чьи произведения были включены в антологию (Усман Аванг, Крис Мас, Абдул Самад Саид и др.). А тем временем студент, о котором шла речь, стал маститым литератором Анваром Ридваном, имя которого не нуждается в особом представлении сейчас в Малайзии.*

*Издавая, насколько позволяли обстоятельства, я следил за его творческими исканиями. Многие его рассказы, демонстрировавшие совершенство языка и стиля, получали престижные национальные премии и включались в антологии наряду с произведениями его старших знаменитых предшественников. И это было признаком признания. Конечно, информация из Малайзии во времена «железного занавеса» поступала скудная. Но когда однажды мне в руки попался сборник малайской прозы и я нашел в нем рассказ Анвара Ридвана «После войны», я сходу перевел его и послал профессору Александру Оглобину в Петербург, который поместил его в 1996 году в одном из сборников по культуре Юго-Восточной Азии.*

2001 год занял особое место в творчестве Анвара Ридвана. Именно в этом году он опубликовал повесть, которая сразу же привлекла внимание как любителей литературы, так и литературных критиков.

Повесть эта «Были и небыли островов Огонсото», возможно, лучшая среди книг, изданных в последнее время в Малайзии. Она получила несколько престижных региональных премий, в том числе премию Юго-Восточной Азии (2002) и премию Мастера, присуждаемую международным жюри АСЕАН (2003), и почти сразу же была переведена на английский, китайский и голландский языки — небывалый случай в малайзийской литературе! Она в русле местных традиций и в то время отражает основные течения мировой литературы. Анвару Ридвану удалось превратить повествование из простого занимательного рассказа в драму интеллектуального поиска, когда трудно определить, где заканчивается интеллектуальная игра и где начинается мистический опыт, и наоборот. Короче, когда писатель дает волю своей фантазии и не ограничивает поток сознания.

Я называю это произведение повестью, хотя точнее было бы назвать новеллистической повестью, ибо она распадается на совершенно самостоятельные новеллы, объединенные лишь местом действия и образом Президента, который зримо и незримо присутствует в каждой из историй. Сама форма эта новая для литературы Малайзии и поэтому некоторые критики рассматривают книгу как сборник рассказов. Собственно говоря, каждая новелла раскрывает одну из сторон жизни созданного воображением писателя архипелага Огонсото. Повествование очень плотное с очевидным подтекстом, но написано простым и ясным языком. Образы героев при этом настолько яркие, что их трудно забыть.

Архипелаг Огонсото, небольшой по размеру и расположенный почти что на краю земли превращается писателем в место, где дают о себе знать все основные проблемы современного человечества: свобода, демократия, диктатура, бедность, забота об окружающей среде. Жестокость царит в этом мире. И одновременно происходят странные и мистические события, которые стирают границу между реальностью и вымыслом. Там нет единства и взаимопонимания между людьми. Вечная печаль пронизывает все события, и ощущается постоянная безысходность. В мире, полном мистики, все подчи-

няется закону, который никто не в состоянии осознать. Закон этот определяет поведения людей. Никто не свободен от него, даже всеильный диктатор Президент. На этом архипелаге люди как бы и вовсе не живут, а исполняют ритуал, смысл которого не понимают. Разве не так же трагична судьба индивидуума в современных развитых странах?

Достоинство повести в том, что все в ней — и сюжет, и подоплека, и символизм, и волшебство проистекают из малайзийской реальности, оплодотворены ею и, преобразованные воображением писателя, остро и точно отражают проблемы современной жизни страны. Жизнь на Огонсото — это не только магия, мечты, фантазии, но и вражда между властью и простыми людьми, которая порой приводит к кровопролитию и гибели невинных. Все это противно общечеловеческой морали и заповедям Бога. Поэтому закономерно, что в конце архипелаг погибает, смытый цунами.

В дискуссиях по поводу книги критики иногда указывают на ее сходство с романом Маркеса «Сто лет одиночества». Влияние несомненно. Мотив одиночества в повести Анвара Ридвана просматривается довольно четко. Одиночество задержания (отважный Генерал, привыкший командовать людьми, в конце томится в тюрьме — глава «Генерал»), одиночество власти (даже Президент одинок в своем дворце и, видимо, поэтому любит играть в жестокие игры — глава «Игра»), одиночество старости (глава «Айсберг»), одиночество непорочности (девушка предпочитает одиночество браку с убийцей отца — глава «Ястреб»).

Конец повести — предостережение. Не только в отношении стихийного бедствия цунами, но и «цунами», притекаемого из жестокости, разлитой в человеческой крови. Несмотря на трагические и апокалипсические ноты, повесть, отнюдь, не пессимистична: горстка людей, построивших ковчег, смогла спастись, чтобы начать новую жизнь.

И не только это. Трагизм в повести уравновешан скрытым юмором — например, несмотря на трагизм ситуации, эпизод с пенисом молодого политика в главе «Ястреб» вызывает улыбку. А как известно на примере мифов и сказок, юмор помогает переходу из состояния смерти к состоянию жизни. По В.Я. Проппу, юмор и смех сопровождают переход из смерти в жизнь, то есть смех

*при убивании превращает смерть в новое рождение, уничтожая убийство.*

*Что сделано, то сделано. Прошлого не вернешь. Но история повторяется. Как отмечал Ницше, все развивается по спирали с вечным повторением той же ситуации. Так что каждая нация, совершившая ошибки в прошлом, имеет шанс исправить их на новом витке истории.*

*Хорошая книга, имеющая успех у читателей, всегда является тяжелым испытанием для писателя, ибо не исключается мнение, что успех этот – всего лишь счастливая случайность. Будем надеяться, что Анвар Ридван продолжит свои творческие поиски и напишет новую, не менее интересную книгу, которая откроет читателям новые горизонты и снова приятно поразит всех.*

*Виктор Погадаев*

## Пролог

### «Каваи Мару»

В течение многих лет мы работали на корабле «Каваи Мару», приписанном к порту Кобе. Этот гигантский корабль принадлежал господину Каваи, который в пятнадцать лет стал рыбаком и поэтому знал моря от побережья Хоккайдо до острова Паресе-Вела на юге лучше, чем сушу.

Когда ему перевалило за тридцать, он стал вполне самостоятельным человеком и мог бы, если бы захотел, жить в свое удовольствие где-нибудь в Токио, Осаке или Киото. Но зов моря оказался сильнее всех соблазнов городской жизни. Он построил большой корабль и дал ему свое имя. Некоторые среди нас говорили, что он отдал кораблю не только имя, но и душу и кровь, чтобы вдохнуть жизнь в это металлическое чудовище.

Господин Каваи вложил в дело огромные средства, поскольку как никто другой из японцев знал цену рыбе и морепродуктам. Никто из работавших на корабле не мог похвастаться такими знаниями о море и его обитателях, как он. Господин Каваи долго занимался ловлей рыбы у побережья, был искушен в разведении ее в искусственных водоемах и всегда говорил, что ему стыдно за Японию, которая импортирует рыбу из Америки, Китая, Таиланда, России и даже из такой дали, как Индия и Чили. «Каваи Мару» был для него частью решения этой проблемы. Более трех миллионов тонн рыбы ежегодно вылавливается в японских водах, и немалая доля в этом улове принадлежит его кораблю.

Выходя на промысел в море, «Каваи Мару» становился домом для двух сотен рабочих. Два яруса в трюме превращались в кубрики, один ярус занимали камбуз и столовая. Еще два яруса были отведены под холодильные камеры для хранения рыбы. Сам господин Каваи располагался в каюте недалеко от отсека с телевизиром и компьютером, который поддерживал связь со спутником. Господин Каваи иногда шутя говорил, что готов пожертвовать двумястами парами глаз на корабле ради одного большого глаза – спутника, находящегося на орбите в космосе.

Сигнал спутника неоднократно направлял корабль то в Мариинскую впадину, то к Галапагосским островам и Науру, где шли мощные косяки рыбы. Нередко «Каваи Мару» заплывал

аж к берегам небольшого острова Сала-и Годец возле Чили, Комодорским островам в России и острову Кэмпбелл в Новой Зеландии. Но на корабле было несколько старых рыбаков, которые не доверяли всевидящему оку спутника, ибо не понимали то, что показывал компьютер. Они считали, что рыба, плывя косяками в глубоководье, излучает магнитные волны и притягивается металлической массой корабля.

Когда господин Каваи впервые услышал эту байку про рыбу и магнит, — он как раз в то время курил сигарету — то сплюнул и растоптал брошенный окурок. И сказал, что если исходить из такой логики, то магнитом можно считать и чрево проституток, к которым толпами устремляются матросы, когда «Каваи Мару» бросает якорь в Гуаме, на Маршалловых островах или Акапулько. Три-шесть месяцев на корабле, которые проходили, прежде чем господин Каваи принимал решение зайти в какой-либо порт, — немалый срок. Многим из нас приходилось сдерживать плотские желания. А «Каваи Мару» тем временем продолжал разбивать волны и пополнять свои трюмы рыбой и другими морепродуктами. «Каваи Мару» — единственный корабль в своем роде и равного ему не было во всем Тихом океане.

Благодаря современной связи и хорошо налаженной системе сбыта к «Каваи Мару» каждую неделю подходили небольшие суда. Большая часть добытой рыбы продавалась в международных водах без захода в порт. Господина Каваи совершенно не волновала судьба проданной рыбы: пойдет ли она на консервы, будет ли засолена, закопчена или заморожена. Не успев продать рыбу, он снова устремлял свой взор на море, представляя, как где-то там, в глубине, ходят огромные косяки, и снова внимательно всматривался в экран монитора компьютера в надежде получить добрые вести.

Наибольшим спросом пользовались разные виды красной рыбы и тунцовые, красивые с виду и замечательные на вкус, которые водились в водах Огонсото — республики, расположенной на шести островах в тысячу пятисот милях от острова Пасхи, принадлежащего Чили. Некоторые из нас, впервые подходя к архипелагу Огонсото на «Каваи Мару», удивлялись: название архипелага японское, а находится он в самом центре Тихого океана, далеко от Японии. Но это удивление постепенно рассеивалось, как утренний туман над морем, который уносит шторм или высушивает солнце. В конце концов ведь никого

не удивляет, что западные путешественники и колонизаторы называли открытые ими территории или колонии в Африке и Азии по своему усмотрению. Так что и японцы не являются исключением.

По рассказам господина Каваи, этот архипелаг открыли японцы в период правления династии Эдо и назвали его Огонсото, хотя аборигены каждый остров именуют по-своему, например, Гора-Гора, Раи-Рапа, Футу-Ата. И хотя японское правительство в 1633 году запретило всякие сношения с внешним миром, начав политику изоляции, связи с Огонсото никогда не прерывались. Нет правил без исключений, и поэтому между архипелагом и Японией постоянно курсировали корабли Хососен. Узнав все это, мы больше не удивлялись, видя явные свидетельства японского влияния на Огонсото, включая значительное метисное население, особенно на острове Футу-Ата.

Через несколько дней после того, как мы впервые бросили якорь в Огонсото, мы услышали от местных жителей о впечатлении, которое произвел на них наш гигант-корабль. Вечером перед заходом солнца появился он из западной морской впадины подобно четырехстам девяноста голубым китам, выстроившимся в семь рядов — по семьдесят китов в ряд. Шум стоял невероятный и эхом прокатывался по поверхности моря. У людей от страха волосы вставали дыбом, и даже макушка солнца поспешно скрылась за горизонт где-то за тушей этого идущего к берегу гиганта.

Когда бы и откуда бы мы ни приближались к архипелагу, вид островов просто зачаровывал. Однажды мы подходили к Огонсото с востока ранним утром, когда солнце только-только начало показывать свое лицо из-за Анд. Верхушка вулкана на острове Гора-Гора, отливая золотом, величественно высилась над сине-зелеными горами и холмами. Такой же золотой бывала она, когда солнце погружалось в воды Полинезии вечером, как в тот наш первый заход. Непрístupно высокая, она как бы приветствовала моряков и корабль-гигант. Ночью при свете полной луны на ясном небе вулкан на острове Гора-Гора по-прежнему сиял золотом, хотя и более тускло, чем днем, — словно кто-то забыл отполировать его золотую верхушку. Говорят, что своим свечением вулкан обязан прилипшему к вершине и склонам белому и серому пеплу, который крадет золотистый свет у солнца и луны.

Ну а если выдавалась темная ночь? Тогда вулкан на Гора-Гора становился невидимым. Но когда вулканы на Раи-Рапа и Футу-Ата начинали извергать лаву — такое зрелище мы наблюдали у восточного побережья островов, находясь в полной готовности на случай если извержение приобретет угрожающий характер, — то она стекала золотым потоком в море. Сияние ее было таким мощным, что затмевало огни порта, а фонари в городах Туре, Кури и Аиту беспомощно меркли перед ним.

Решение господина Каваи задержаться в Татаману — столице и главном порте Огонсото, — которое он принимал каждый раз при заходе на архипелаг, было связано не только с его сентиментальным отношением к этим открытым японцами островам. Господин Каваи опасался огромных волн, которые неожиданно возникали в водах Огонсото, и считал, что лучше переждать в порту. Каким бы мощным ни был «Каваи Мару», все-таки разумнее было не рисковать и не искушать судьбу. Огромные волны, раз появившись, могли бушевать неделями. И только несколько стариков на Огонсото могли по некоторым признакам на поверхности моря и по движению рыб предсказать, когда утомонится морская стихия, и корабли, включая «Каваи Мару», могут снова отправиться в путь.

Но несмотря на это, господин Каваи не хотел отказываться от плавания к Огонсото, поскольку воды архипелага, как никакой другой район Тихого океана, были богаты рыбой отличного качества. При этом он приговаривал, что люди используют огонь, хотя он и жжется, и люди любят розы, несмотря на их колючие шипы.

Итак, работая на «Каваи Мару», нам пришлось несколько раз побывать на Огонсото. «Каваи Мару» бросал якорь в глубоком заливе Палавана, и мы по очереди на шлюпке отправлялись на сушу, где в первую очередь отмечались в иммиграционной службе порта Татаману. А затем разбредались кто куда. Одни отправлялись в Пукана на Футу-Ата, другие нанимали лодку и, переплыв через пролив Мораука с удивительно чистой и изумрудной водой, оказывались в Рунакита на Раи-Рапа. Те же, кто хотел оторваться по-настоящему, предпочитали Малагану на севере. Большая часть моряков, однако, оседала в отелях Татаману. Оставшиеся на корабле продолжали трудиться: красили, драили палубу, приводили в порядок машинное отделение, чинили сети. Обычно через пять дней они тоже получали воз-

можность отправиться на сушу, а те, кто отдыхал, возвращались на корабль.

Высадиться на Огонсото означало для нас не только радость вновь почувствовать под ногами твердую землю, но и ощутить вместо надоевшего запаха рыбы аромат влажного и теплого воздуха и душистых цветов. Общаясь с гостеприимными жителями, мы обнаружили, что они в отличие от нас, говоривших в основном о море и его обитателях (рыбах, кальмарах, крабах, акулах), знают много интересных историй. Их рассказы меркли перед нашими собственными разговорами о течениях и волнах, о сухих ветрах, штормах и тайфунах, атоллах, эпидемиях на островах, картах морского дна, дождях, найденных в море бутылках, компасе, радаре и спутнике.

И, возвращаясь на «Каваи Мару», мы перед сном вспоминали рассказы жителей Огонсото. Мы их повторяли множество раз, так что каждый был отшлифован, как речная галька. По последняя точка была поставлена после разрушительного цунами. На одном из островов мы встретили шкипера и некоторых спасшихся жителей Огонсото, которые искали для себя новое прибежище. Все, что мы услышали от них, мы тоже принесли с собой в наши спальные кубрики на «Каваи Мару».

«Каваи Мару», это чудище из металла, мягко покачивался на набегающих волнах. Некоторым из нас это напоминало далекое детство, когда высунувшись из платка, перекинутого через плечо матери, мы припадали к ее груди. Или когда, находились в коляске, которую мать толкала перед собой, отправляясь на базар, чтобы купить свои любимые фрукты и овощи. Или когда сидя на велосипеде вместе с матерью, которая лихо крутила педалями, проносились весной мимо цветущей сакуры возле синтоистского храма. И по пути среди этих мягких покачиваний мать что-то рассказывала своему малышу..., который сейчас став уже взрослым и, растянувшись в кровати, слушает были и небыли островов Огонсото.

## I

### Колонизатор

Разговаривая с ним в официальной обстановке, люди обращались к нему, используя самые уважительные эпитеты. В Огонсото было не так уж много тех, к кому обращались со сло-



вами, происходившими от титулов богов. Таких можно было пересчитать по пальцам. Да и в неофициальной обстановке люди говорили с ним, как с богом. Ведь известно же, что с богов никогда не сходит величие, почивают ли они, совокупляются с женщинами или отправляют естественные потребности.

Но те, кто не любил президента, находили для него уничижительные слова. Правда, неизвестно, знал ли об этом сам президент. Называли его, например, «угрем пролива Мораука» — у этой рыбы гибкое и скользкое тело и куда бы она ни заплывала, всегда возвращалась в родной пролив. Или «богом-носорогом», который по легенде Раи-Рапа, был ненасытным чудовищем, способным проглотить даже лаву вулкана. Или «черной обезьяной», известной не только темной мордочкой, но и жестоким нравом. Были и другие прозвища — все отвратительные и мерзкие. До того отвратительные, что их не вытерпит даже бумага. Еще его называли «колонизатором» или если быть точнее, то «новым колонизатором».

Однако его прозвища, в том числе и «новый колонизатор», не упоминались ни в одной из изданных в Огонсото биографий президента. Не встречались они и в местной прессе и не звучали по радио и телевидению. Ведь все средства массовой информации Огонсото находились под контролем правительства, а поскольку их руководителями были доверенные люди президента, то некоторые, не колеблясь, говорили, что средства массовой информации в Огонсото принадлежат президенту.

Конечно, тот, кто недавно прибыл в Огонсото и провел там непродолжительное время, возможно, сначала и не услышит недовольные голоса. Но постепенно, подобно сильному подводному течению, они будут пробиваться наружу и улавливаться не только органами слуха, но и чувствами. Ведь подводные течения можно услышать и почувствовать душой. Но, конечно, ничего этого вы не найдете в официальных биографиях президента, которые, как считают некоторые, были написаны за приличное вознаграждение самого президента подкупными журналистами. Поэтому ни одну из них нельзя считать правдивой. Его жизнь представляла в них без единого пятнышка, подобно полотну, долго пролежавшему на дне сундука, — оно остается там белым и чистым на протяжении десятков лет. Казалось, что в книгах описана жизнь не человека, а бога. Поверить в его существование и его земные деяния было задачей биографов президента.

Но может ли непорочное дитя, только что появившееся на свет из чрева матери и отмытое дочиста, оставаться таковым всю жизнь? Ведь ребенок сосет молоко, ползает по земле, потом бегаёт по берегу моря, плавает, учится. По словам биографов президента и его приспешников, так оно и есть: президент чист, как первозданное полотно. И только другая, незначительная группа людей, за глаза осмеливалась утверждать, что полотно это отнюдь не первой свежести, и от него несет нестерпимой вонью.

В семь лет этот незаконнорожденный из Малаганы только и знал, что болтался с такими же незаконнорожденными мальчишками, никогда не знавшими своих отцов, на побережье мыса Такатеа. Тогда Огонсото оставался еще колонией, и Малагана была самым значимым местом страны. Поэтому и рождалось здесь так много детей, не знавших отцов.

Однажды, когда его друзья беззаботно предавались играм, он засмотрелся на большой корабль, стоявший недалеко от берега, и стал разглядывать флаг, развевавшийся на мачте. Он знал, что это иностранный флаг, флаг людей из чужой страны, которых так много было на Огонсото. Это они в основном работали в офисах, они охраняли город и порт, они составляли костяк полиции и армии. Он слышал, что эти белокожие чужестранцы из Европы.

«Где она, эта Европа?» — спрашивал он себя, разглядывая большой корабль, стоявший на якоре. Корабль вместе с небом отражался в спокойной и чистой воде и казалось, что он покачивается не в синем море, а на небесах. Но такое чувство возникло лишь на мгновение. Конечно же корабль был окружен морем, как и архипелаг Огонсото. Он еще ничего не видел в своей жизни, кроме островов Гора-Гора, Раи-Рапа и Футу-Ата. Своим взглядом он пытался проникнуть далеко за пределы горизонта, но повсюду было видно только синее море. Море, одно только море и горизонт, синеву которого кое-где нарушали лишь набегавшие на небо белые облака.

Видимо, в мире Огонсото господствовал Синий Бог, — думал он. Синее море, синий зонтик неба над головой. Даже клубящийся над вулканом Гора-Гора дым, растворяясь в синем небосводе, как бы перенимал от него синеву.

Так размахляя, он неожиданно для самого себя бросился в волны и поплыл, удаляясь от берега и своих друзей, к большому

кораблю, стоявшему на рейде. Корабль становился все ближе и ближе, закрывая ему обзор, и только теперь он понял, что в действительности корабль был намного больше, чем это казалось ему с берега. Подобно четырем связанным в одну упряжку голубым китам, громадина корабля покачивалась на волнах, вызывая его восхищение. А он все продолжал плыть, пытаясь разыскать цепь якоря, брошенного в море, не переставая восхищаться громадиной.

Когда он, наконец, увидел наискось висящий якорь, до которого оставалось лишь несколько рывков, он вспомнил рассказ рыбаков, поймавших однажды кита гарпуном. Самый прекрасный и волнующий момент, по их словам, наступил тогда, когда кит, изнывая от боли, с силой потащил за собой канат, гарпун и лодку. Позже, ослабев от потери крови и от разъедающей раны соленой морской воды, он успокоился.

Наконец, ему удалось ухватиться за канат, на котором висел якорь. Волны, играя, бились об его тело и, подобно загарпуненному киту, тянули за собой. Унесите меня хоть на край света, думал он про себя.

Солнце почти скрылось за горизонтом, а он, укрывшись между деревянными ящиками, смотрел, как сумерки стремительно охватывают все вокруг. Вскоре он почувствовал голод. Услышав скрежет поднимавшегося якоря, он понял, что корабль поплыл. Морской ветер, проникавший в пространство между ящиками, заставлял его тело трепетать от холода. Но решимость плыть в Европу — без ведома матери, без ведома друзей — не покидала его.

Ему было наплевать на то, что почувствует мать, узнав об его исчезновении, и на волнение друзей, которые теперь, вероятно, обнаружили, что его больше нет на берегу. Как бы ни волновались они сейчас, позже, узнав, что он жив, они лишь посмеются над своими тревогами. Он просто исчез. Он просто исчез, чтобы оказаться в Европе.

Голод время от времени заставлял его вспоминать и мать, и друзей, несмотря на все их проделки. Ведь раньше, почувствовав пустоту в животе, где о стенки бился лишь ветер, он приходил к матери, и та всегда находила для него пищу. Или вместе с друзьями шнырял по чужим огородам и лавкам, пытаясь стащить что-нибудь съестное. При этом он никогда не

чувствовал за собой вины: это считалось делом ловкости рук и не более того.

Рядом пробежала серая мышка, в шерстке которой застряло несколько зерен. Она на минуту застыла, встав на задние лапы, и уставилась на него. Но тут же исчезла в щели между ящиками. «Воровка», — подумал он, но был рад, что не один скрывается здесь. Ему было приятно также сознавать, что она, как и он, крадя чужое, действует достаточно ловко, чтобы не попасться, и остается на свободе. А что будет, если он превратится в мышку, — подумал он, — и представил, как уменьшается и покрывается волосами его тело, заостряется мордочка, появляется длинный хвост. Он даже попробовал пискнуть, как мышь, чтобы убедиться, что не хнычет, как маленький ребенок. Но лишь сам и услышал этот звук, заглушаемый ревом волн. Мышки больше не было видно. Лишь звезды с неба смотрели на него.

Когда он проснулся, солнце было высоко и согревало его своими лучами. Он быстро взглянул на свое тело, не превратился ли он действительно в мышь. Но нет, он по-прежнему оставался мальчиком. Одежда на нем высохла, а живот подвело от голода. Гигантский корабль, покачиваясь и разрезая волны, шел вперед. Зажав живот руками, он пытался сдерживать голод хотя бы еще на несколько часов. По крайней мере до наступления ночи. К этому времени корабль будет уже далеко от Огонсото, и даже если его застанут за тем, как он крадет еду на камбузе, шкипер вряд ли захочет повернуть обратно только для того, чтобы вернуть его на архипелаг. Да, вряд ли.

Но и двуногая мышка оказалась ловким воришкой. Он проныкал в камбуз почти беззвучно, брал ровно столько, чтобы было незаметно, не оставляя за собой никаких следов. Спал, не разговаривая во сне. Но на десятый день плавания его обуряла лихорадка. Он без конца чихал, да так громко, что звуки эхом отдавались по всей палубе. Моряки набросили на ящики сеть. Он понимал, что оказался в ловушке, как мышь в мышеловке. Но не пытался оказать сопротивления, ибо хотел, чтобы его поймали. Ему уже ничего не было страшно — ведь минуло десять дней с начала путешествия.

Рассказа об этом вы не найдете в его официальной биографии. В ней говорится лишь, что шкипер корабля из Европы давно заметил умного мальчика с Малаганы и подумал, что



Огонсото много потеряет, если этот способный ребенок не получит высшего образования.

Если бы шкипер попросил разрешения у его матери отпустить мальчика в Европу, она вряд ли бы согласилась. В бедных странах третьего мира, так говорится в биографии, матери не желают расставаться со своими детьми, ибо рассчитывают на их помощь в старости. Даже если они останутся глупыми и необразованными. Поэтому шкипер, чтобы осуществить задуманное, тайно увез мальчика с Малаганы в Европу, не испросив позволения его матери. В биографии даже утверждается, что Президент с детства считался самым смышленным на Огонсото. Да что там на Огонсото, чуть ли не во всей Океании! Роль шкипера поэтому во всей этой истории считалась второстепенной: ведь если бы мальчик был глупым, вряд ли шкипер захотел взять его в Европу. Это все равно, что цветок и пчела. Пчела (шкипер) — лишь посредник: цветок ценнее, ибо содержит нектар.

Деревья уже сбрасывали листву, когда корабль пришвартовался в Европе. Здесь было намного холоднее, чем на покинутом им архипелаге. Он почувствовал запах гниющих листьев, прохладу и морской ветер, совсем не похожий на тот, что был на родине. Он увидел ручных белочек, которые выгрызали орешки из шишек, высокие, ярко освещенные здания позади деревьев с красочными желтыми и коричневыми листьями, серый дым, тянувшийся из заводских труб. И лишь этот дым напоминал ему Огонсото, пробуждая ассоциации с клубами дыма над вулканом Гора-Гора.

Но у него почти не было времени тосковать по родине. Его взял к себе в дом старый моряк, отошедший от дел. Затем его определили в школу — к несчастью для него, учебный год только-только начался. Только тут он понял, как горька жизнь сироты в чужой стране. Ему хотелось бы по-прежнему проводить время в свое удовольствие, как это было несколько месяцев назад на Огонсото. Но он быстро осознал, что среди белокожих учеников, которые видели в нем лишь предмет насмешек и забавы, лучше держать язык за зубами и старательно учиться.

В официальной биографии об этом говорится совсем иначе. Как только большой корабль прибыл в Европу, шкипер усыновил его. Он жил в большом и красивом доме шкипера пока учился — сначала в школе, а потом в университете. Шкипер восхищался стремлением мальчика из Малаганы к знаниям

— ведь первыми словами, которые он произнес в доме шкипера, якобы были: «А можно мне уже завтра пойти в школу?» Когда шкипер уходил в очередное плавание на долгие месяцы, за мальчиком присматривала его жена, высоко нравственная женщина, получившая образование в Сорбонне и Оксфорде. «Это была необыкновенная женщина, — говорил президент в воспоминаниях, вошедших в биографию. — Для меня она была еще одним университетом». Приводятся также слова шкипера на одном из мероприятий в школе, где учился его приемный сын. Он якобы говорил, что восхищен мальчиком из далекого архипелага, который, попав в Европу, быстро освоился здесь и проявил такие способности, которые снискали ему уважение одноклассников.

На самом деле он не входил даже в двадчатку лучших учеников класса и с трудом поступил в колледж. Иногда он вспоминал о своих проделках на Огонсото, о том, как шастал с друзьями по чужим садам и огородам, о серой мышке среди деревянных ящиков, о том, как сам воровал на корабле. В один из таких моментов его врасплох застал вопрос учителя.

— О чем будет твоя дипломная работа?

— О тайных обществах, — ответил он, почти не задумываясь.

— Где?

Он подумал немного и ответил:

— На... на Востоке. В Китае и Японии.

До этого он редко заглядывал в библиотеку и теперь был поражен ее размерами. Только в восточной коллекции хранилось пятьсот тысяч томов, среди них несколько десятков названий книг о тайных обществах в Китае и Японии. Тема эта неожиданно захватила его, и он часами просиживал в библиотеке, не отрываясь от книг. Наконец он закончил дипломную, в которой коснулся причин и времени появления тайных обществ, их состава, назначения лидеров, приема новых членов, ритуалов, которые сопровождали прием новых членов, способов распространения влияния, попыток и методов устранения врагов, отличительных знаков обществ и ответственности каждого участника, источников доходов, наказания предателей, методов противодействия властям и т.п.

Свою дипломную он передал преподавателю. После того, как она была прочитана и оценена, она через несколько недель

исчезла из кабинета преподавателя. В биографии президента говорится лишь, что он получил высший балл за дипломную на тему «Роль властей по уничтожению влияния тайных обществ в Китае и Японии». И никаких деталей за исключением того, что на чествовании Президента по случаю успешной защиты диплома оркестр играл произведения Вивальди, Баха и Генделя. Потом он поступил в университет.

Там его дипломная работа, как сообщается в Биографии, была на тему появления и развития демократии в Тихоокеанской Азии. Но на самом деле он написал работу о диктаторских режимах. В ней он рассмотрел истоки диктатуры, начиная с Древнего Рима, сделав упор на правлении Суллы, Юлия Цезаря, Гитлера, Сталина. В заключительной главе он проанализировал понятие диктатуры в трактовке Макиавелли, изложенной в книгах «Discourses on Livy» и «The Prince». Эта дипломная работа, как и предыдущая, тоже исчезла из библиотеки кафедры и его профессора.

Окончив университет, он получил предложение работать в одной европейской фирме. Но прежде чем приступить к работе, он решил немного отдохнуть и провести пару недель на море. Он и трое его друзей наняли яхту и набили ее трюмы провизией, достаточной на четырнадцать дней.

Но через три дня после выхода в море ночью в кромешной мгле на них обрушился тайфун необычайной силы. Огромные, как гора, волны, бросали судно из стороны в сторону. Все мачты были сломаны. Яхта, как гигантская безголовая и безногая черепаха, сдалась на милость волнам и ветру, и невозможно было определить, где восток и запад, где север или юг.

Опасаясь, что им не хватит съестных запасов, они начали урезать пайки. Ведь неизвестно было, когда стихнет буря. Небо постоянно застилало черные тучи и трудно было разобрать, когда кончается ночь и начинается день. Не на шутку разбушевавшийся тайфун поглотил горизонт. Потоки воды, как в сильный дождь, проливались на палубу и затем смывались набегающей волной. Корабль несло в неизвестном направлении.

В этом неистовстве стихии он увидел перст судьбы. Это она посадила его на корабль, обрушила на него ураган, оставила его посреди бушующего моря, наказывая за шалости детства. И чем сильнее расходилась стихия, тем сильнее охватывала его тревога. Разве можно сопоставить его прошлые проступки, будь

то воровство еды или собственной дипломной работы, с тем жестоким наказанием стихии, которое преследует его, круша мачты и бросая беспомощный корабль на волю судьбы в открытом море. Нахмурившись, он смотрел дикими глазами на происходившее вокруг и пытался предугадать, чем закончится это безумство стихии.

Он сильно отошал. Уже несколько недель, а может быть и месяцев не прекращалась эта безумная игра. Волны продолжали нести судно в неизвестном направлении. Мрак, окутавший все пространство до горизонта, не хотел отступать. Крепчал ветер, тонны воды с грохотом обрушивались на яхту. Шум урагана и грохот волн был таким громким и производительным, как будто тысячи китов, отфыркиваясь окружили судно.

Но вот однажды на рассвете, когда он лежал, обессиленный, на кровати, ему показалось, что киты удалились, унося с собой волны и ветер, и фырканья их стало уже почти не слышно. Корабль больше не бросало на волнах. Он понял, что игра стихии прекратилась, что он победил, но победа эта отняла у него все силы.

Он чувствовал себя, как беспомощный кальмар, брошенный на палубу корабля. Он был не в силах подняться и лежал, размышляя о том, как отпраздновать победу, когда тело его станет снова сильным и здоровым. Может быть, выпить и побаловаться с женщинами, как он это делал после успешно сданных экзаменов или защиты диплома? Неожиданно он почувствовал запах серы, а тело его впервые за многие годы ощутило горячий воздух, исходивший от суши. Увидев, как на востоке полыхает алая заря, он собрался с силами, встал на колени и выглянул наружу. И глазам его предстала верхушка горы, покрытая серым пеплом. Жерло вулкана выбрасывало клубы дыма, которые пронзались лучами занимающейся зари, от чего казалось, что это не заря, а гора выбрасывает на небо горящие угли. Присмотревшись к форме верхушки и очертаниям склонов, он понял, что это вулкан Гора-Гора.

— Ураган принес нас к берегам моей родины! — закричал он громко, насколько хватало сил, своим товарищам, которые все еще валялись в изнеможении, измотанные морской качкой. И его слова стали первым лучом надежды после стольких дней испытаний, которым подверг их океан и тайфун.

А он продолжал говорить, и ему было безразлично, слышат ли его друзья или нет. Он говорил об Огонсого и его островах. О

вулканах. О колонизаторах, которых националисты изгнали из страны через несколько лет после того, как он оказался в Европе. Теперь президента избирают из местных жителей. Обо всем этом он знал из поступавшей в Европу газеты Огонсото, где иногда публиковались статьи и о его успехах в университете.

Тем временем к кораблю приближались две лодки. Он поднялся и помахал рукой, давая знак гребцам, чтобы они продолжали плыть. Когда лодки коснулись корабля, он назвал себя. Оказалось, что люди знали его имя.

— Вы вернулись в такой дикий шторм?

— Как же мне не вернуться, — сказал он. — Это же моя любимая родина.

— Вас отвезти на берег?

— Нас четверо, — ответил он. — И мы поместимся в двух лодках. Но... сначала найдите мою мать в Малагане. Пусть она придет на берег. Я хочу выйти и прильнуть к ее коленям.

Поиски матери всполошили весь остров. Выходец с Огонсото, находившийся в Европе более двадцати лет, овеванный славой и успехами, вернулся в родные края. Около дюжины журналистов и тысячи людей наводнили берег, ожидая волнующего момента, когда блудный сын обнимет колени своей матери. И когда это случилось, все замолчали, боясь неосторожным словом нарушить торжественность момента, но в душе они ликovali.

Вот он, дитя Огонсото, способности которого разглядел шкипер из Европы. Вот он, сумевший на чужбине стать родным для семьи шкипера и снискать уважение одноклассников и учителей. Его работы о борьбе с преступными кланами и о демократии высоко оценены преподавателями и профессорами. Мало этого, он вернулся, мужественно преодолев тайфун, и вот теперь почтительно склонился перед бедной и старой женщиной, обнимая ее колени. Он, настоящий сын своей матери, не забыл своих истоков. И ураган был по-видимому вовсе не случаен: ведь в старых преданиях Раи-Рапа говорилось, что однажды придет тайфун и родится на свет необыкновенный ребенок. Он и есть этот ребенок. Зачатый в чреве природы и европейской науки, он как бы заново родился сейчас и плачет, орошая слезами колени матери на родном берегу.

Он решил больше не покидать родину. Три его товарища, поправившись, улетели в Токио, а оттуда в Европу. В аэропорту

перед отлетом они рассказали местным журналистам о том, что пережили во время жуткого тайфуна. Они восхищались своим другом, который не только подбадривал их, но и сумел привести корабль, несмотря на сломанные мачты, в воды Огонсото. Если бы не он, быть им всем сейчас бездыханными на дне моря.

Они, естественно, не уточняли, насколько их слова соответствовали действительности. Да они и не могли бы уже сказать точно, когда обрушился на них ураган. И был ли это тот же самый тайфун, что бушевал в водах Огонсото как раз в это время каждые три года.

Он вступил в самую популярную партию Огонсото, которую поддерживала полиция, армия и государственный аппарат. Он стремительно поднимался по карьерной лестнице и одновременно собирал сведения о слабостях и просчетах партийного руководства, включая президента страны. Любимым его занятием было перечитывать заново свою дипломную работу о тайных обществах: о том, как они расширяют влияние, пытаются и убивают врагов, наказывают своих членов за предательство. После трех лет политической деятельности он был назначен заместителем президента. Через шесть месяцев после этого назначения президент скончался во сне. Его тело было захоронено на могиле героев Огонсото. Тридцать дней длился траур. Следующим президентом был провозглашен он.

Одну из своих важных речей после вступления в должность президента, в которой определяется характер и философия его правления, он произнес на заседании президентского совета.

— Почему европейские колонизаторы смогли удерживать Огонсото в подчинении сотни лет? — спросил он, сурово оглядев членов совета.

Но все молчали под его жестким взглядом.

— Потому что они подавляли в корне любое сопротивление. В конце концов колонизаторы проявили слабость, позволив националистам поднять голову и укрепить свое влияние, и были в результате этого изгнаны.

Сейчас колонизаторов нет. Мы сами управляем своей страной. Мы определяем ее будущее. Как долго сумеем мы продержаться? Долго, если не дадим болезни подточить себя. Долго, если исключим всякое противодействие нашей политике. Поэтому любая попытка сопротивления должна искореняться, как вредоносный микроб, решительно и без промедления.

Он замолчал, всматриваясь в лица участников совещания. Некоторые как бы в сомнении склонили голову.

— Какую цену придется заплатить за уничтожение этого микроба? — продолжал Президент. — Огромную. Но государство в состоянии компенсировать ее, как и другие затраты, членам совета и нашим сторонникам.

Так поступали западные колонизаторы, когда правили на Огонсото. Они подавляли всякое сопротивление и пользовались богатствами страны по своему усмотрению. Получение богатств теми, кто правит и кто их поддерживает, нельзя рассматривать лишь с точки зрения «хорошо» или «плохо». Все это происходит из политики Огонсото, выбравшей демократию и капитализм. Выбор этот, к сожалению, ничего не дает простому народу.

Народ не привык к свободной конкуренции и считает ее несправедливой. Точно также он не понимает смысла демократии. Для счастливой жизни ему надо не так уж и много: минимум образования, крыша над головой, одежда, еда, сохранение традиций и умение выстоять в борьбе со стихией.

Все, что я изложил, лишь общая концепция, которую еще необходимо конкретизировать и дополнить в ходе дальнейшего обсуждения.

Хотя речь, произнесенная Президентом, предназначалась лишь для ушей членов комитета, ее содержание мало помалу стало известно и за пределами правительства. Особенно бурную реакцию она вызвала среди студенчества, настроенного резко критически по отношению к политике Президента. Можно сказать, что именно студенты первыми стали тем вредоносным микробом, о котором предупреждал Президент.

Президент и члены президентского совета тоже не бездействовали и разрабатывали меры защиты системы политического правления. Образно говоря, они искали противовоиде против микроба, который был готов поразить их кровеносную систему. Было принято решение закрыть все общежития — этот рассадник антиправительственных настроений. Студенты вынуждены были теперь снимать жилье у частных лиц и не имели места для своих встреч. Любые антиправительственные акции были запрещены. По новому закону, студенты должны были заниматься только учебой и больше времени проводить в библиотеке. Нарушителей судили и безжалостно наказывали.

Через пару недель стало очевидно, что меры принесли свои плоды. Противовоиде против заразного вируса оказалось успешным. Президент мог беспрепятственно проводить свою политику, не опасаясь распространения болезни. Его лицо сияло от радости и возбуждения.

— Вирус обнаружен, — сообщил он на следующем заседании президентского совета. — Более того, он уничтожен в зародыше. — Хотя Огонсото богата ресурсами, она затеряна в Тихом океане. Что будет с ней, если она по-прежнему останется отсталой страной? И все только потому, что кто-то мешает нашим планам развития.

Почему такое становится возможным? Потому что наши люди издавна считают прогресс вредным для традиционных семейных и моральных ценностей, а также для природы. Спрашивается, зачем тогда они голосовали за капитализм и демократию?

Через несколько месяцев страна стала преображаться. Повсюду были видны стройки, отеснявшие крестьян и рыбаков с их традиционных мест. Бурным потоком устремился в Огонсото иностранный капитал. На Футу-Ата, где жило метисное японское население, преобладал японский капитал. Через несколько лет город и промышленные зоны Футу-Ата напоминали Йокогаму: и порт, и архитектура зданий, и профиль дорог, парков, даже надписи иероглифами были, как в Японии. А из ресторанов доносился запах японской лапши, суси или сасими. Порой можно было забыть даже, что ты находишься в Футу-Ата, на затерянном в Тихом океане архипелаге.

Вскоре стало заметно, как изменилась жизнь членов президентского совета, их семей и сторонников. Выступая на очередном закрытом совещании перед ними, Президент обратил внимание на то, что «капитализм каждому предоставляет возможность стать богатым».

— И вы, кажется все преуспели в этом, поскольку Огонсото пошла по этому пути. Богатства страны массам ни к чему, поскольку не богатство — их конечная цель. Они за простую жизнь, ибо считают, что нажитое с собой на тот свет не возьмешь.

Люди из окружения президента все больше проникались его философией, приобретенной в результате учебы в демократической капиталистической стране Европы, его пониманием

прогресса и богатства в буржуазном обществе. Каждый из них стремился обогатиться, смеясь над народом, полагавшим, что богатым должно быть общество, а не отдельный индивид. Как узко мыслит этот народ, стремящийся жить на принципах традиционной культуры и общинных ценностей! Почему люди так любят собираться вместе в свободное время? Разве так можно выпестовать талант отдельной личности? Что ж, пусть народ, мечтающий о процветающем обществе, так и остается со своими мечтами. Пусть народ, ошибочно проголосовавший за капитализм, позволит тем, кто разбирается в политике, обогатиться и трактовать капитализм по своему усмотрению.

И они, люди из президентского окружения, совсем потеряли голову и уверились, что правильно понимают капитализм. Они все больше укрепляли свое положение, чтобы становиться все богаче. Если народ, выбравший капитализм, сам отказывается от наживы, то что плохого в том, если приближенные президента и их семьи станут богаче? Да и сам президент, главный толкователь основ капитализма, не промах. Его жену в народе прозвали «Джу», что по-японски значит «десять»: за каждую совершенную сделку в стране она получала десять процентов комиссионных, естественно, неофициально.

— Демократия и капитализм — это две науки, — разъяснял президент на одном из совещаний, отвечая на вопросы. — Истинные сторонники и ревнители демократии и капитализма должны мыслить объективно. Этого требует научный подход. Разве малообразованный народ Огонсото может мыслить объективно, чтобы разделить проблемы демократии и капитализма? Простые люди действуют, по обыкновению, руководствуясь порывами сердца. Мы же не можем себе этого позволить. Порывы сердца несовместимы ни с демократией, ни с капитализмом.

Однажды Огонсото посетил президент одной африканской республики. Это был генерал, пришедший к власти в результате военного переворота и разогнавший правительство, созданное по итогам только что прошедших первых всеобщих выборов. Жизнь демократии и избранного народом президента оказалась в равной степени короткой.

Судя по прессе, целью визита было установление сотрудничества в области образования и экономики. Было проведено несколько раундов переговоров. Но президенты не преминули

обменяться мнениями и опытом относительно методов управления государством.

— Может быть, мне больше повезло, — сказал Президент. — Структура общества в моей стране вертикальна. Уже тысячи лет в таком обществе принято почитать руководителя. Люди не любят также прямой критики, так что я их только похваливаю, практически ничего не давая им при этом. А поскольку богатство для них ничто, я делю его между своими приближенными. И хотя их немного, они знают, как делать прибыль при капитализме. И чем активнее движение капитала, тем больше открывается рабочих мест для народа и тем лучше становится их жизнь.

В аэропорту глава африканской республики на прощанье сказал:

— Я восхищен тем, как члены президентского совета и народ Огонсото уважают господина Президента.

Пристально смотря на своего коллегу, Президент ответил ему словами Калигулы:

— Они не уважают меня, Они меня боятся.

После того, как самолет улетел, Президент вернулся во дворец.

Разбросанная по островам оппозиция в Огонсото, конечно, не могла слышать того, что сказал президент на аэродроме африканскому диктатору, но знала, что Президенту нравится, когда его боятся, а не уважают.

Они никогда не бывали во дворце да и не могли туда попасть. Вечером, когда в здании и в парке зажигались огни, дворец как бы превращался в волшебное царство.

Студенты, не хотевшие сдаваться, но вынужденные прятаться, тихо-тихо рассказывали друг другу, что дворец Президента окружают семь волшебных заборов: из вырванных и зарытых в землю душ студентов; из страданий привязанных цепями к земле рыбаков; из стенаний прикованных к черным камням, выброшенным вулканом, крестьян; из голосов журналистов, которым не дают свободно излагать свои мысли в прессе; из протестов писателей, произведения которых не публикуют; из крови противников режима, криков жерв пыток и тайных убийств.

Эти заборы, по их мнению, и есть истинные семь чудес света. Они высоки, прочны, массивны, и за ними Президент



чувствует себя в безопасности. И еще они добавляют, что дворец этой резиденция не только Президента, но и нового колонизатора.

## 2

### Генерал

В том году несколько голубых китов не единожды появились у входа в пролив Гарева. Но жителям Раи-Рапа и Футу-Ата тот год запомнился не только этим. Их внимание привлек еще и Генерал.

Он только что удалился в отставку после службы в армии. И хотя у него был большой особняк в Татаману, поселился он в Туре, городе на северо-востоке Раи-Рапа, купив себе там небольшой дом. Время от времени он возвращался в Татаману, пересекая пролив Гарева, а затем пролив Мораука, на своей быстроходной моторке. Говорили, что там его родина, но старики на Футу-Ату утверждали, что родился он на самом деле в Пукане.

О его героизме и мужестве, проявленном во время прошлой войны на островах Тихого океана, ходили легенды. Особенно им восхищались жители Футу-Ата, метисы с японской кровью.

Поселившись в своем маленьком доме в Туре, он устроил новоселье, чтобы почтить «духов дома» и пригласил на него метисов с Футу-Ата, корреспондентов газеты и телевидения, видных жителей Туре.

— Находясь на крайнем востоке, — говорил он, — Туре первым встречает солнце. Для того, кто подал в отставку, заря ежедневно приносит новые жизненные силы, напоминает о победах в прошлых сражениях.

«Бог воистину создал его воином и покорителем», — говорил один из его почитателей. Но тех, которые присутствовали на новоселье, Генерал покорила своим радушием и гостеприимством. Жители Туре были польщены тем, что знаменитый Генерал предпочел поселиться в их краях.

Его слова о новых жизненных силах, приносимых зарей, не были пустыми словами. Каждое утро, находясь в Туре, он со своей женой выходил на берег моря, когда заря только-только начинала алеть на востоке, и совершал пробежку вдоль моря.

После завтрака они посещали рыбацкие деревушки, шли в город или к крестьянам, чтобы просто поприветствовать их или спросить, не нуждаются ли в чем их новые друзья и соседи. Его высокий и мощный торс, облаченный в простую рубашку рыбака или крестьянина, иссох от солнца и ежедневных пробежек. И даже полная жена его постройнела, забыв о своих красивых шелковых нарядах, оставленных в Татаману.

Через пару месяцев после новоселья они уже почти не возвращались в Татаману. Свой большой дом они отдали дочери, которая недавно закончила университет Васеда и устроилась на работу в Татаману. Теперь они постоянно жили в Туре. Их переезд туда произошел ровно через неделю после того, как голубые киты появились у входа в залив Гарева, впервые за последние четыре года. Киты плавали и ныряли, разбивая хвостом голубую поверхность залива Гарева, оставляя за собой белую пену, тут же поглощаемую волнами.

— Появление китов — хороший для нас знак. Мы правильно сделали, что решили здесь жить, — говорил Генерал.

Но руководителю провинции Туре желание Генерала поселиться тут не сулило ничего хорошего.

С первого же дня, как только он узнал, что Генерал купил домик в Туре, он понял, что рано или поздно им придется столкнуться друг с другом. Как бы он хотел, чтобы голубые киты никогда не появлялись в заливе, чтобы этого домика никогда не существовало и чтобы Генерал был убит в сражении на Кирибати — сражении, которое сделало его знаменитым.

Годами он наращивал свое влияние в Туре. И уже видел результаты своего труда: посаженные им семена дружно вззошли, превратившись в густые деревья с зелеными листочками дружины. Он старательно ухаживал за ними, научился вести себя и даже шутить, как жители Туре. Задолго до появления Генерала он стал здесь своим: на работу ходил в строгом официальном костюме, но посещая рыбацкие деревни, одевался, как обычный рыбак. В городе появлялся в простой городской одежде, а в лесных поселениях, подражая аборигенам, ограничивался набедренной повязкой с желтой полоской из птичьих перьев.

К чему это Генерал поселился в Туре и пытается, как и он, завоевать сердца местных жителей? Непокойно было на душе правителя провинции. Как хотел бы он, чтобы Генерал, как голубой кит, появился бы здесь на время, а потом повернул



обратно в океан и покончил с собой где-нибудь на побережье Чили.

Да, присутствие Генерала постоянно внушало ему страх, отравляло жизнь в этой провинции. Как избавиться от него, знавшего все тонкости стратегии борьбы и вкусившего победы в сражениях? Понятно, что здесь необходимо более мощное оружие, чем простая тактика заигрывания с населением.

Правитель провинции поделился своими тревогами с теми, кто поддерживал его на Туре и которые многим были обязаны ему. И они не только выразили ему сочувствие, но и пообещали, если будет необходимо, все же бороться против Генерала. От их обещания у него полегчало на сердце, хотя он и знал, что они с ним только потому, что могут греться в лучах его власти. Он не слишком рассчитывал на людей, которых привлекала его власть, считая их малополезными для себя. Как гласила пословица Раи-Рапа, в раковине ценной является лишь жемчужина. Сама же раковина вместе с моллюском — не что иное, как отбросы. Он всегда считал, что на Туре он и есть та жемчужина, единственная и бесценная.

И народу Туре не нужна другая жемчужина, тем более поддельная с Татаману. Туре для турейцев, а не для выходцев из других провинций. И приближенные правителя провинции начали работу среди населения. Они разъезжали по деревням и призывали не верить Генералу. Ведь он чужой: родился не в Туре, а в Пукане на острове Футу-Ата. В своих рассуждениях они доходили до прямых оскорблений в адрес Генерала, говоря, что мать его, видно, была великаншей: рожала в Пукане, а ребенок появился из чрева в Туре!

Эти слова дошли в конце концов и до ушей Генерала. Но сильнее всего они заделали его жену, которой было обидно не только за свою свекровь, но и за свою честь. Она усматривала в этих словах намек на свой необычный для этих мест большой рост и полноту. Впервые с тех пор, как они поселились в Туре, она плакала.

— Еще до переезда сюда с Татаману я предупреждал, — успокаивал ее Генерал, — что у нас будет много врагов. В политике это обычное дело. Но разве это может сравниться с битвой на Кирибати, когда на карту была поставлена жизнь?

Жена вытерла слезы и спросила:

— Ты и вправду родился в Пукане?

— Это я и хочу знать, — говорил по телефону правитель провинции Туре своему знакомому, работавшему в регистрационной палате в Пукане. — Если Генерал действительно родился там, пришли мне копию записи в регистрационной книге. За мной не станется. Мы вместе съездим в Малагану и покутим недельку за мой счет.

Необходимо было подождать пару дней, пока придут копии документов, если таковые имелись. С их помощью можно было значительно уменьшить влияние Генерала или подорвать его совсем. И тогда ему с позором придется покинуть Туре.

Пока чиновник ожидал ответа, Генерал с неизменной улыбкой на лице продолжал свои поездки в удаленные деревни. Обычные люди не знали, что каждый военный, работавший в разведке за рубежом, имел вымышленную биографию. Такая практика стала практиковаться после событий в Гваделупе во время прошлой войны. Тогда противнику удалось захватить мексиканского офицера-разведчика родом из Тампико. Поскольку офицер не хотел сообщать никакой информации, противнику, в Тампико убили всех его родственников. Эта трагедия произошла, ибо личность и место рождения офицера не были скрыты. После этого в армии Огонсо все офицеры-разведчики легендировали свою биографию. Биография Генерала была изменена еще до битвы на Кирибати, которая прославила его имя. За четыре месяца до сражения ему поменяли имя и уничтожили запись о его рождении в регистрационной книге.

По разработанной легенде, он в случае захвата его в плен и невыносимых пыток, должен был указать в качестве места своего рождения Западное Самоа. Если же противнику каким-либо образом станет известно его огонсхотское происхождение, он должен был назвать вымышленное место рождения на Огонсо. Таким образом, ему не надо было беспокоиться о безопасности родных на своей настоящей родине.

К счастью, миссия на Кирибати увенчалась большим успехом, и легенда Генералу не понадобилась, оставшись лишь в его воспоминаниях. За месяц до отставки он, выправляя себе гражданские документы, избрал местом своего рождения Туре. И на это у него были веские основания.

Руководитель провинции был разочарован, когда узнал от своего приятеля из Пуканы, что имя Генерала не значится в регистрационной книге этого города. Как ни досадно было

это признавать, но, видимо, Генерал действительно родился в Туре.

К этому времени у Генерала появились почитатели и преданные последователи, которые не зная устали, вели активную работу среди населения. Они распространяли копии удостоверения личности Генерала, в котором местом его рождения значился Туре, и распространяли слухи о том, что руководитель провинции на самом деле родился на корабле, совершавшем плавание из Тубуа в Туре. Мать родила его как раз тогда, когда корабль находился в проливе Мораука между Гора-Гора, Раи-Апа и Футу-Ата. Он скорее дитя моря, чем суши. И хотя мать с ребенком поселилась потом в Туре, все-таки у Генерала больше оснований считать себя настоящим выходцем из Туре.

Все больше людей начинали верить, что чиновник этот не является их земляком. Мать родила его в проливе, и он может считать своей родиной Гора-Гора, Раи-Апа или Футу-Ата, но отнюдь не Туре. Самое страшное, что и сам чиновник начал сомневаться в своем происхождении. Мысль об этом, как раскачивающие корабль волны, билась в его голове, не давая покоя. А вдруг он действительно родился на корабле. И никто не мог развеять этих сомнений: мать умерла уже сорок лет назад, и прах ее развеян на побережье Туре.

Туре, по мнению Генерала, не только самое красивое место на Огонсото, где можно провести оставшуюся жизнь. Он решил поселиться здесь, поскольку видел, что Туре — самое слабое звено в политической системе государства. Член Президентского совета от Туре — старый развалина, не вылазивший из болезней. Занимая эту должность несколько сроков подряд, он ничего не сделал для развития Туре. Город, как состоял из двух рядов ветхих домишек, так таким и остался. Рыболовный причал был построен еще японской армией, а дорога, соединявшая Туре с Ранаита, была обычным проселочным трактом, покрытым гравием. В Туре имелась лишь одна начальная школа, ютившаяся в стареньком доме с земляным полом на берегу реки. Только треть учащихся могла продолжать обучение в средней школе в Ранаита, но ни один из них не имел шанса поступить в университет в Татаману, не говоря уж об университетах за рубежом.

По сообщению прессы, этот член Президентского совета неоднократно заявлял о нежелании выдвигать свою кандидатуру на предстоящих выборах. Причиной этого он называл возраст

и склероз. Однажды во время заседания совета в Татаману он попросил у председателя разрешения выйти в туалет и пропал. Через час, когда заседание закончилось, его начали искать и нашли на берегу залива Пинавана: он сидел, скрестив ноги, на камне, курил трубку и смотрел на море. Когда у него поинтересовались, почему он не вернулся в зал заседаний, он удивился и спросил: «А разве в Малагане сегодня есть совещание?»

Член Президентского совета как политический противник не представлял опасности. Он был беспомощен, как брошенный на дно лодки старый тощий тунец, который будучи не в силах бороться, засыпал, судорожно хватая воздух.

Противником, с которым предстояло сразиться серьезно, был руководитель провинции. Но и у него были слабости. Он мог вести активную кампанию лишь после работы, испытывал ограничения в средствах и был нехорош собой. Его левый глаз выпирал наружу, как у старой красной рыбы. От него всегда дурно пахло. И таких толстых губ, как у него, не было ни у кого во всем Огонсото. Говорил он невнятно неприятно пискливым голосом.

Приняв все это во внимание, Генерал и остановил свой выбор на Туре. Войдя в отставку и получив гражданские документы, он вступил в правящую партию. Его ближайшей целью было принять участие в предстоящих выборах и стать членом Президентского совета. Это поможет ему упрочить свое положение. Ну а разные блага потекут сами собой. Посмотрите на нынешнего члена Президентского совета от Туре, который раньше был простым рыбаком. Его белый дом с синей черепицей и видом на море почти не уступал дворцу Президента в Татаману. У него четыре роскошных яхты, каждая вместимостью сто человек, десять скоростных катеров, пять немецких и три английских автомобилей, на которых можно было ездить лишь между Туре и Ранаита по гравийной дороге.

Принадлежность к правящей партии обеспечивала высокое положение и многие материальные блага. Поэтому Генерал не стал связываться с оппозицией, говоря, что стать оппозиционером на Огонсото это все равно, что броситься в жерло вулкана. Нельзя найти смельчака, готового покончить с собой таким образом, за исключением разве что идеалиста, который верит, что его идеализм сможет погасить все вулканы на Огонсото и обратить их лаву в золото для народного блага.

— Сегодня вечером я приглашаю вас в ресторан морской кухни, — сказал член Президентского совета Генералу и руководителю провинции по телефону. — Вы знаете этот ресторан. Да, единственный ресторан морской кухни в Туре. Другого нет. Мы встретимся там через полчаса после захода солнца.

«Серьезное приглашение» — подумал руководитель провинции. «Искреннее приглашение» — подумал Генерал. Он решил принять его. Впервые они встретятся вместе и посмотрят друг другу в глаза, хотя и мало удовольствия лицезреть выпученное око одного из них.

Привыкший к дисциплине, Генерал прибыл в ресторан в строго назначенное время, т.е. через тридцать минут после захода солнца. На нем были серые брюки и простая навыпуск рубашка с изображением четырех голубых китов, которая прикрывала торчащий за поясом пистолет с золотым покрытием. Ему как Генералу в отставке разрешалось иметь пистолет и двадцать пять патронов к нему. Он не думал, что когда-нибудь сможет воспользоваться им и носил его лишь как знак особого отношения к нему властей. К тому же, как военный, он настолько привык к оружию, что не представлял себе жизни без него. Генерал без оружия, — говорил он своей жене, — это все равно, что море без рыбы, Огонсото без вулканов или избирательная урна без избирательных бюллетеней.

С пятнадцатиминутным опозданием подошел руководитель провинции. На нем были черные брюки и белая рубашка.

— Я, кажется, опоздал, — сказал он, здороваясь с Генералом.

— Да, немного, — ответил Генерал. — Но член Президентского совета еще не пришел.

— Надеюсь, он не забудет о встрече, — сказал чиновник. — Я умираю от голода.

— Пройдите туда, — пригласил их официант. — Советник заказал столик на отдельной платформе.

Они прошли к платформе, которая примыкала к основной части ресторана. Платформа покоилась на двухметровых сваях прямо в воде. На ней располагались стол и четыре белых стула. От руководителя провинции нестерпимо несло смесью одеколона и едкого запаха пота. Определив направление ветра, Генерал сел с подветренной стороны, чтобы не задохнуться от неприятного запаха.

На ясном небе мерцали звезды, золотом сияла луна, волны прибывающего моря лениво били о берег, рассыпаясь брызгами.

С платформы был виден пыхтящий вулкан Раи-Апа и вершина вулкана Гора-Гора, крадущая золотистый цвет луны.

Они сидели и болтали о том, как оживленно в Татаману по субботним вечерам, особенно на набережной возле пирса в заливе Пинавана; о водах у мыса Такатеа, которые становятся золотисто-желтыми от обилия рыбы в сезон нереста; о том, как были спасены четыре рыбака из Нуку-Нива, которые девяносто дней пропадали в море и потом неожиданно появились, несомые северо-западным течением; об американском авианосце в Тихом океане, курсирующем между Гонолулу и британским островом Хендерсена, расположенном на 24 градусе южной широты.

Лишь час спустя после захода солнца появился запыхавшийся член Президентского совета.

— Еще полчаса назад я находился на корабле, — сказал он, поприветствовав их и садясь за стол. — И вдруг вспомнил, что у меня есть какое-то дело, но какое — забыл. Мучался, пытаюсь вспомнить. Аж живот заболел. Почувствовав голод, захотел есть. Тут-то и вспомнил о нашей встрече в ресторане. Память стала никудышной. Ну какой из меня теперь член Президентского совета? На следующих выборах я выставиться не буду. Правду говоря, не буду.

Во время обеда и беседы на разные темы он снова заговорил о своем желании уйти из политической жизни.

— Я уже стар. Все забываю. Беда будет, если в один прекрасный момент не узнаю самого Президента, — сказал он. — Я слышал, ты собираешься участвовать в выборах. Это так? — спросил он. И взгляд его уперся в руководителя провинции.

— Ни в коем случае. Пока вы здоровы...

— Я же сказал, что уже стар и что здоровье не позволяет мне больше нормально работать в совете.

— Все зависит от состояния вашего здоровья, — снова уклончиво ответил чиновник. — И от поддержки населения. Мне придется подать в отставку с поста руководителя провинции, если я решусь участвовать в выборах.

— Ну а у тебя какие планы? — спросил член Президентского совета Генерала.

— Я человек новый в Туре, — ответил Генерал. — И совсем не думаю об участии в выборах. К тому же есть вы, и вы давно представляете Туре в Президентском совете.

Встреча и обед завершились через час.

— Где мой катер? — спросил советник владельца ресторана.

— Но вы приехали не на катере. Ваш шофер с машиной ждет вас там, — ответил владелец ресторана, показывая на белый автомобиль, стоящий под пальмой.

— Да, да, — пробормотал советник обескураженно. — Но я должен еще заплатить за обед, — сказал он и начал рыться в карманах брюк.

— Но вы уже все заплатили.

Он усмехнулся и заковылял к большой немецкой машине. Генерал поддерживал его и помог ему сесть. Затем машина тронулась, оставив Генерала с руководителем провинции вдвоем.

— Да, его склероз все чаще дает о себе знать, — сказал Генерал. Вполне понятно, что он хочет уйти из политики. Вполне понятно. А ты без сомнения займешь его место.

— Спасибо, — ответил руководитель провинции, пожимая на прощанье руку Генерала. — Кто знает, может быть ваши слова станут пророческими.

Руководитель провинции вернулся домой в приподнятом настроении. Советник собирается в отставку. Генерал, по всей видимости, не имеет серьезных амбиций вовлекаться в политическую жизнь в Туре. Более того, Генерал считает, что именно он заменит этого развалину на посту члена Президентского совета. Видимо, надо подумать о том, чтобы уйти с поста руководителя провинции и распрощаться с жизнью, полной пустых совещаний, бюрократии и нехваткой достатка.

Генерал тоже вернулся домой с более полным представлением о сложившейся ситуации. Советник очевидно уйдет в отставку: признаки старческого маразма налицо. Его люди же пойдут в народ вести кампанию, как прежде. Неспешной походкой он, наконец, достигнет коридора власти. Руководитель провинции полон радужных надежд в связи с открывающимися перспективами заменить советника. Конец коридора власти для одного должен стать началом для другого. Однако, в своей радости он беспечен, а это может притупить его бдительность. Генерал знал из военной тактики, что нападать лучше на беспечного врага.

Неделю спустя начальник провинции подал в отставку. Выступая на прощальном обеде перед журналистами, он заявил о своем намерении выставить свою кандидатуру от правящей партии на предстоящих выборах. Отвечая на вопрос, сможет ли он получить поддержку от провинциального комитета партии в Туре, заседание которого должно состояться через две недели, он ответил:

— Поддержка растет. Более того, один из членов комитета готов помочь мне, а другой прямо заявил о своей поддержке».

Он и его люди прекратили работу в деревне, заменив ее бесконечными совещаниями — неискоренимая практика, свойственная всем госчиновникам.

Доверенные Генерала, однако, тем временем продолжали кампанию по мобилизации общественного мнения. Все свое внимание они сконцентрировали на членах провинциального комитета партии и их семьях. Говорили о планах строительства нового порта в Туре, открытия средней школы, асфальтирования дороги Туре-Ранаита и создания туристического комплекса в районе Туре и вулкана Раи-Апа. Будущую прибыль обещали поделить между членами комитета, а это означало для них роскошные яхты, немецкие машины и много денег. Конечно, при условии, что они поддержат Генерала, ибо только он один способен осуществить задуманное.

За четыре дня до заседания провинциального комитета партии в Туре бывший руководитель провинции неожиданно понял, что большинство склоняется в пользу Генерала.

— Проклятие! — негодовал он. — Раньше говорил, что еще новичок в Туре и не собирается участвовать в выборах. Лучше бы он сдох в Кирибати!

Он пригласил к себе двух своих сторонников, чтобы обсудить стратегию борьбы с Генералом. Но время было упущено, час сражения слишком близок. Единственная возможность склонить на свою сторону сердца членов комитета — дать им как можно много купюр с изображением Президента, напечатанных в Швейцарии. Он достал чековую книжку и выписал чек на все имевшиеся у него на банковском счету деньги, за исключением небольшой суммы обязательного депозита. Надо было спешить, и оба его приближенных отправились в банк Татаману.

Не успел он оправиться от волнения, как раздался телефонный звонок. «Только бы с деньгами было все в порядке, только бы моих людей не ограбили», — молил он Бога.

«Вам важное сообщение из департамента Президента», — услышал он хриплый, полный достоинства голос в телефонной трубке. «Такое же сообщение направлено Генералу. Сегодня ровно в девять вечера Президент встретится с вами, только с вами двумя, на яхте у пирса. Президент внимательно следит за развитием ситуации в Туре и желает предложить решение, которое бы устроило всех».

«Так значит дело дошло до Президента? Хотя ничего странного в этом нет», — подумал бывший начальник провинции. «Поговаривают, что Президент даже любит появляться переодетым. Последний раз он вроде бы переоделся шофером и возил на своей машине участников семинара неправительственных организаций».

Эту встречу надо использовать максимально. Он выразит свою преданность Президенту, даст понять, что почитает советника как своего отца и всегда следует его советам. Уважительно отзовется о Генерале как герое войны. Генерал, — скажет он, — доказал свои способности на поле брани, стал знаменитым. Дайте теперь мне возможность проявить себя в Туре. Пусть моя отставка станет более значимой для партии и народа Огонсо. Я уже давно в Туре, знаю, чем живет и чего хочет народ. Отдайте мне Туре в левую руку, а правой я осыплю эту землю золотом.

Оба — и Генерал, и бывший руководитель провинции — прибыли на пристань за десять минут до назначенного времени в парадных косямах, чтобы предстать перед Президентом во всей красе. На воротах, ведущих к пирсу, висел замок, но с того места, где они стояли, через кружево проволоки были видны лодки и катера, в том числе только что пришвартованная в самом конце яхта. Они слышали шум волн, бьющихся о старые сваи пристани, и видели лодки, покачивающиеся на воде, в которой отражался желтый свет фонаря.

— Отойди в сторону, — сказал Генерал, вытаскивая пистолет. — Надо сбить этот замок, и тогда мы сможем пройти на пристань.

Чиновник послушался и спрятался за спину Генерала. Как только Генерал нажал на курок, раздался выстрел. Вспышка от разрыва пули осветила падающие на землю обломки замка.

Генерал толкнул ворота, и они оба направились в дальний конец пристани.

Под ногами было скользко от брызг разбивавшихся волн, и поэтому они шли осторожно. Но приблизившись к яхте, увидели, что там уже темно. Яхта покачивалась одиноко. На ней не было заметно никаких следов пребывания человека, тем более Президента. Да и яхта была из местных — не их Татаманы.

— Там дальше еще есть свободное место, — сказал чиновник. — Президент, наверно, еще не прибыл.

— Да, наверно, — ответил Генерал. — Море сегодня неспокойно, и, возможно, яхта Президента задерживается.

Они стояли, разглядывая море на востоке, увидели свет и решили, что прибыла президентская яхта. Но затем поняли, что ошиблись — это была простая рыбацкая лодка.

— Не терпится встретиться с Президентом, — сказал Генерал. — Это ничего, что нам придется ждать. Хуже было бы наоборот.

— Хоршо, что ты захватил пистолет, — сказал чиновник. — Иначе нам было бы не совладать с замком.

— Да, ответил Генерал, вынимая пистолет. — Я раньше считал, что от него нет пользы, раз я в отставке.

Желтый отблеск пистолета, покрытого золотом, привлек внимание чиновника.

— Красивое у тебя оружие. Можно я посмотрю его?

Не ожидая подвоха, Генерал протянул пистолет чиновнику. Пистолет действительно был красивым и не походил на обычный пистолет со свинцово-черной или коричневой рукояткой. Чиновник чуть отошел к свае пристани и сказал: «Я вдруг вспомнил про краба».

Генерал опешил, не понимая, что может быть общего между крабом и пистолетом. И подумал: «Или обладание пистолетом придает чиновнику смелость? Он что, собирается убить меня и сказать Президенту, когда тот придет, что я не пришел на встречу?»

— Сдохни ты, Генерал! — прокричал чиновник, направляя на Генерала пистолет.

Но Генерал не двинулся с места. Он даже сделал шаг навстречу чиновнику, чувствуя, как охватывает его ярость, которая помогла ему стать героем на Кирибати.

— Пистолет не заряжен, дурак! — крикнул он, выхватывая оружие из рук чиновника.



— Ты в своей жизни ни разу не держал пистолета и не умеешь стрелять. Ты что, не знаешь, кто я? Не знаешь, сколько врагов погибло от моей руки?

С этими словами он толкнул чиновника так, что тот отлетел на несколько шагов.

Да, его догадка была правильной. Захватив пистолет, чиновник попытался убить его. А что если самому избавиться от него? Точно так же, как пытался это сделать чиновник. Когда появится Президент, он скажет, что чиновник почему-то не пришел.

Эта мысль двигала его рукой, когда он доставал пулю из кармана, заряжал пистолет и, наконец, выстрелил чиновнику прямо в сердце. Звук выстрела смешался с шумом волн. Генерал видел, как исказилось лицо чиновника, прежде чем тот упал и замер без движения на пристани. Сильным броском левой ноги Генерал столкнул труп в воду. Очень скоро подводное течение унесет его в море, где он будет растерзан акулами, и лишь кости найдут покой на дне Тихого океана. Он знал, что подводные течения у Огоното значительно сильнее подводных течений в Полинезии — там трупы уносятся лишь со скоростью десять миль в час.

Огромная волна обрушилась на пристань — языки соленой воды орошили доски, смывая следы крови. Генерал спрятал пистолет и, всматриваясь в море, продолжал стоять в ожидании прибытия Президента.

И вот настал день заседания комитета правящей партии в провинции Туре. Накануне, в последний день регистрации, Генерал официально выдвинул свою кандидатуру. По словам представителя партии, чиновник, который, как утверждают, тоже хотел выставиться, так и не объявился. По-видимому передумал. В день заседания Генерал пришел рано, чтобы присутствовать в качестве наблюдателя. Этот день, как он считал, должен стать не днем выборов, а днем его триумфа. Десять из тринадцати членов комитета были на его стороне. Он уже предвкушал радость победы, видел, как вступает в коридоры власти и богатства. И мысли эти оттеснили чувство сожаления по поводу того, что Президент так и не объявился в тот памятный вечер.

«Продолжать ждать или уйти», — думал он тогда, стоя на пристани, когда стало уже совсем холодно. Сердце его разрывалось между стремлением показать свою верность Президенту и желанием немедленно уйти.

В конце концов он проторчал на пристани час, правда, скорее для того, чтобы убедиться, что труп несчастного чиновника уже унесен подводным течением в море. Когда труп исчез, он вернулся домой, не ощущая за собой ни капли вины. «Солдат, который вспоминает об убийстве, убивает собственный боевой дух» — так он поучал в свое время своих подчиненных.

Заседание под председательством советника проходило быстро. Перед тем, как приступить к выборам — главному пункту повестки дня — советник предложил сделать перерыв на тридцать минут, чтобы попить кофе. В ответ на голоса, требующие немедленно приступить к процедуре выборов, он, поглядывая на Генерала, многозначительно сказал:

— Не следует волноваться. Мы все догадываемся, кто одержит победу.

Когда присутствующие стали покидать зал заседания, советник махнул рукой Генералу, приглашая подойти поближе. Улыбаясь, Генерал направился к нему, не подозревая, что в это самое время у дома тихо, без сирен, появились две полицейские машины такого же цвета, что и голубые киты.

Когда они остались в зале вдвоем, советник бросил на стол конверт.

— Подлый поступок! — сказал он, не глядя в лицо Генералу. — Взгляни на эти фотографии.

— Фотографии? — спросил удивленно Генерал. Но рука его уже вынимала из конверта снимки.

О, Боже! Это были фотографии того, что произошло на пристани в тот вечер, когда несчастный чиновник нашел свою смерть. Откуда снимки? Неужели с яхты, что была в конце пирса и казалась темной и пустой?

— Все члены комитета партии в Туре уже видели эти фотографии, — сказал советник. — Зря ты приехал в Туре.

Четверо полицейских, таких же сильных и слаженных, как Генерал, подошли к нему. Зал заседания неожиданно оказался ловушкой, из которой не было спасения. Ему и в голову не пришло сопротивляться: все его мечты и планы рухнули в одно мгновение еще до того, как наручники сковали его руки.

— Ввиду нового развития событий место от Туре в Президентском совете останется за мной, — сказал советник, закрывая заседание. — Для Президента важны не сами выборы, а их результат.



Нечто подобное собирался произнести и Генерал, заранее готовя свою победную речь. Но он уже не слышал слов советника, ибо находился в полицейской машине, которая тряслась по неровной, покрытой гравием дороге.

Ему вспоминались волны разбушевавшегося моря в тот трагический вечер и грезилось, что голубые киты вновь появились в заливе Гарева. Один из них захватил его в свое чрево, всплеснул гигантским хвостом по поверхности моря и унес в самую темную впадину Тихого океана.

### 3

#### Переодетый Президент

Много месяцев, а, говорят, и даже несколько лет жители Огонсото не могли решить, правда ли, что Президент, переодетый, принимал участие в событиях «Тубуа».

Тубуа – небольшой портовый город на западе Гора-Гора, расположенный на одном из двух островов в устье реки, которая в своем нижнем течении огибает подножие вулкана Гора-Гора. На территории Тубуа находятся несколько горячих источников с кристально чистой водой. Температура источников позволяет купаться в них часами и наслаждаться природой: вершиной вулкана, синими водами океана, пышной растительностью или пробегавшими мимо зверьками.

Приближенные Президента с его благословения решили заняться развитием этого района как раз от места слияния трех рек в долине Тубуадо до подножия вулкана Гора-Гора. Для строительства дороги планировалось спрямить склоны гор и вырубить там все деревья. В будущем благодаря этой дороге туристы получат прямой доступ к вулкану, где будет сооружен развлекательный центр и казино. Обосновывая проект, приближенные президента указывали, что район Тубуа остается единственным отсталым районом в западной части Гора-Гора.

Группа жителей глубинных районов Тубуа выступила против этих планов. Они создали комитет, который разработал тактику и поэтапность действий, которые должны были вовлечь в акции протеста не только жителей Тубуа и провинции Гора-Гора, но и других территорий: Раи-Рапа и Футу-Ата.

И вот лозунги протеста появились в городе Тубуа и его окрестностях, и даже на рыбацких лодках. Странно, но о протестах заговорило радио и телевидение, появились сообщения в газете. Приближенные президента если и испытывали чувство сожаления, то лишь по поводу того, что благодаря средствам массовой информации протесты стали достоянием гласности. Вмешательство президента в это дело исключено. Это они знали наверняка. Разве не ему принадлежали слова о том, что протесты никогда не приносили Огонсото процветания. Да и потом неизвестно было, дошли ли эти события до его ушей.

Движение достигло своего апогея как раз тогда, когда президент отправился с официальным визитом в Гватемалу, Бразилию и Перу. Вернуться он должен был через двадцать один день в сезон затишья ветров.

Приближенные президента не хотели верить в серьезность событий в Тубуа. В любом случае, как поговаривали в народе, они постараются утаить от президента плохие вести. Но кампания протеста продолжалась, и о ней уже знали жители Аиту, самой северной части Футу-Ата, и жители Туреб восточной части Раи-Рапа.

Но в остальной жизни на Огонсото протекала спокойно. Лодки рыбаков с бамбуковыми балансирами скользили по поверхности залива Гарева и Мораука. Утром ветер со стороны вулкана Гора-Гора надувал их паруса, подгоняя в залив, а днем восточный ветер помогал им возвращаться обратно к берегу, где они находили успокоение на белом песке.

Только большие рыболовные суда были в состоянии бороздить воды океана, но и они не уходили слишком далеко от залива из-за сильных ветров и идущих накатом волн на поверхности моря. Лишь в сезон затишья ветров они осмеливались уходить далеко в открытый океан.

Однажды вечером полотно с лозунгами протеста в Тубуа вдруг перестали трепыхаться на ветру. Верхушки деревьев застыли, пронзая синеву неба. Серый дым вулкана Гора-Гора столбом устремлялся вверх. В это время жители Тубуа заметили старика, идущего вдоль обрыва реки навстречу им. Он был одет как рыбак из Кури. По мере приближения старика стала видна его сгорбленная фигура. Лица почти не было видно из-за усов, бороды и бакенбардов. На нем были дешевенькие темные очки, которые можно купить в любой придорожной лавке Татаману.

Запахавшись, старик поздоровался с группой мужчин, стоявших под полотнищами с лозунгами протеста.

— Я слышал о вашем протесте, — сказал он, — и поспешил сюда из Кури.

— Переночуйте сегодня здесь, — сказал один из мужчин, — а завтра вернетесь домой.

— Одну ночь можно, — согласился старик, садясь на траву. — Ничего не случится, если одну ночь я не выйду в море. Рыба никуда не денется. Судьба моих братьев в Тубуа важнее рыбы, кальмаров или крабов.

— Ты один открыто сочувствуешь нам и поддерживаешь нас, — сказал руководитель группы протеста. — Президент и его люди не желают разговаривать с нами и игнорируют нас.

— Президент? — переспросил старик. — Смешно даже говорить, что он захочет приехать сюда. Я думаю, вернувшись из Перу, он опять засел в своем дворце.

— Мне нравится, как ты говоришь, — сказал юноша лет двадцати. — Ты не боишься критиковать президента.

Старик лишь улыбнулся краешком губ.

— Я приглашаю тебя к себе домой, — сказал руководитель группы протеста. — Переночуешь у меня. Принимать гостей из Кури для нас большая честь.

Руководитель группы пригласил к себе еще несколько человек.

В этот вечер кроме риса, жареной рыбы, овощей и супа из мидий подали еще и хмельной напиток типа японского сакэ. Этот напиток был известен на всем архипелаге, знатоки считали, что «сакэ» Гора-Гора самый сногшибательный в буквальном смысле этого слова. О рыбаках из Кури ходила слава как о больших любителях спиртного. Существовала даже пословица, которая гласила: «Курийский рыбак умеет распознавать рыбу только под мухой».

Старик из Кури несколько раз подносил напиток к лицу и принохивался, словно не решаясь пригубить его. Некоторые уже опорожнили свои стаканы и просили налить им снова этого коричневатого-желтого без пены напитка.

— Пей, наш курийский друг, не стесняйся, — говорил хозяин дома. — Сегодня тебе не надо распознавать рыбу. Сегодня ты знакомишься с теми, кто ведет борьбу.

Старик улыбнулся и сделал глоток, но не проглотил его сразу, а задержал во рту.

— Вот так, хорошо, — сказал юноша лет двадцати, который тоже оказался среди приглашенных. — Я добавлю еще.

И стакан, опустевший наполовину, снова был наполнен до краев.

У старика не оставалось выбора, и он проглотил задержанную во рту порцию напитка. За первым глотком последовали другие. Старик стал пить быстрее, лицо его покрылось потом.

— В былые времена, — говорил хозяин дома, — президенты страны часто встречались с народом. Они хорошо знали, чем живет и дышит наш брат.

— Некоторые даже переодевались в обыкновенное платье и по вечерам общались с простыми людьми, чтобы узнать, хорошо ли им и не голодают ли они.

Старик рассмеялся.

— Что-нибудь не так?

— Переодеваться это не дело президента, — ответил он. — Это работа священников. Сейчас нет больше таких президентов. Мир изменился. Давно изменился.

— Мир продолжает меняться, — ответил хозяин дома. — Но почему должно меняться отношение к людям?. Проблемы, которые возникли в Тубуа, не пустяк. Почему хотя бы не выслушать нас?

— Мы в Огонсото забыли обычаи предков, — произнес старик. — Раньше, если возникала какая-либо проблема, люди собирались под пальмой и обсуждали выход из ситуации. Сейчас ни жители Раи-Рапа, ни Футу-Ата, ни Гора-Гора уже не хотят делать этого.

— Не мы в этом виноваты, — возразил юноша двадцати лет. — Эти традиционные собрания заменили Президентским советом, который заседает за закрытыми дверями, и мы редко узнаем о его решениях.

— У меня есть знакомый юноша с Кури, выпускник Калифорнийского университета. Говорят, он работает в администрации президента. Он вспыльчив, как его покойный отец. Но с ним, наверно, можно было бы все обсудить. Если мы прекратим акции протеста и восстановим порядок в Тубуа, у него не будет оснований сердиться, и он согласится выслушать нас.

Хозяин дома и другие гости переглянулись. Старик проглотил очередную порцию «сакэ».

— Нет, — возразил юноша двадцати лет, правой рукой доливая напиток в стакан старика. — Еще ни один протест в Огон-

сото не затягивался так долго. Давайте хоть в Тубуа поддержим его огонь.

— Скажите, — снова раздался голос старика, — а действительно ли Тубуа пострадает в результате осуществления планов развития?

Только тут хозяин дома осознал, что голос старика стал меняться. К слову Кури стал примешиваться еще и говор Татаману. «Спиртное начало сказываться, — подумал он. — Уж если напьется «сакэ» Гора-Гора, то три дня потом будет приходить в себя. От нашего «сакэ» этот старик из Кури не только потеряет способность «узнавать рыбу», но и контролировать себя».

— Для чего ломать традиционную жизнь в Тубуа, — начал свои объяснения хозяин дома. — Тем более для притонов азартных игр. Ну кто приедет сюда играть в рулетку? Жители Огонсото, которые, увлекшись, забросят свои семьи? Жители из других островов или из Латинской Америки? Там есть свои казино. Им наплевать на Тубуа. Им нужен только игорный стол и хорошенькие женщины.

Один из гостей выглянул в окно и посмотрел на вершину вулкана, затянутую облаками.

— Когда вулкан извергнется в последний раз? Около ста лет назад, — сказал он. — Если Господу Богу не угодно превратить Гора-Гора в злачное место — да разве он может одобрить подобное? — вулкан снова извергнется да посильнее, чем век назад.

Старик из Кури одобрительно кивал головой.

— Представьте только, горы лишатся растительности, — заговорил хозяин дома. — Деревья будут уничтожены строительством дороги. Ничто не сможет сдержать оползней, и они испоганят чистые горные источники. Конечно, природа не может ничего сказать, не может постоять за себя. Но мы, люди, можем и должны это сделать, ибо наша жизнь зависит от природы.

Старик из Кури лишь кивнул головой, а потом снова пригубил «сакэ» Гора-Гора.

— Воды в Раи-Апа достаточно только для жителей Раи-Апа, — сказал один из гостей. — Воды в Футу-Ата довольно только для жителей Футу-Ата. Так же обстоят дела и в Гора-Гора, где водохранилища наполняются водами реки Тубуа. Если леса в районе сбора дождевых вод будут уничтожены, нехватку воды станут испытывать не только Тубуа и Малагана, но и Татаману.

Конечно, Тихий океан не высохнет от этого, но разве можно пить морскую воду?

Разговор в доме продолжался до глубокой ночи. Он протекал так же быстро, как и «сакэ» Гора-Гора, которое переливалось из бутылок в стаканы, а из них уже в глотки мужчин.

Солнце всюду припекало в Раи-Апа и Футу-Ата на следующий день, а старик из Кури все спал. Он проснулся позже всех и то лишь после того, как были открыты окна и солнечный луч коснулся его лица. Лево́й рукой он пытался нащупать что-то возле головы. И лишь, вероятно, осознав, что в комнате нет того, что он ищет, открыл глаза.

— Когда мы вчера легли спать? — спросил он.

— Поздно ночью. Возможно уже на рассвете, — ответил хозяин дома.

— Хороший был разговор. Очень хороший, — продолжал старик. — Президенту следует знать наши проблемы. Не надо больше откладывать. Сегодня же мы отправимся в город Тубуа.

— Этого мало, — сказал хозяин дома. — Нам надо дойти до Татаману, до самого дворца президента.

— Пожалуй, ты прав, — сказал старик из Кури. — Но сначала мы отправимся в Тубуа. Проведем там ночь и наведем шороху. А утром с плакатами пойдем в Татаману по суше.

«Вчера старик дал понять, что ушел из Кури только на одну ночь, — подумал хозяин дома. — Если он вместе с другими участниками проведет ночь в Тубуа, это уже будет две ночи, как он покинул дом. Как велико его желание бороться вместе с жителями Тубуа!»

Уже не первый раз собирались толпы народа для демонстрации протеста, но теперь их собралось особенно много. Плакаты и лозунги готовы. Все ждали только сигнала к выступлению.

Действительно, ветры в сезон затишья как бы совсем покидали Огонсото. Дым вулкана Гора-Гора струился строго вертикально. Ветви деревьев окаменели, глядя в небо. Но толпа была оживлена — разворачивались полотнища с лозунгами протеста, жители Тубуа сердито потрясали кулаками.

— Сегодня Тубуа, Гора-Гора, Раи-Рапа и Футу-Ату станут свидетелями невиданной ранее в истории Огонсото акции протеста, — громко прокричал старик с порога дома, оглядывая толпы людей, собравшихся во дворе.

— Мы заставим нашего президента прозреть и увидеть красоту лесов Тубуа. Мы откроем ему глаза, чтобы он смог увидеть воды рек — источника жизни в Тубуа. А если он не захочет увидеть это, то пусть его поглотит лава вулкана Раи-Рапа.

Полудни все толпой направились в Тубуа: сто взрослых мужчин, семьдесят женщин и тридцать подростков, которые несли двадцать транспарантов со словами проклятия и надежды. Воодушевление их не знало границ. И во главе процессии был не кто иной, как старик из Кури, который шел нетвердой походкой, видимо, еще не оправившись после выпитого накануне «сакэ» Гора-Гора.

К вечеру они прибыли в Тубуа и решили переночевать на берегу моря. Их лозунги и зажигательные речи подняли на ноги часть жителей города Тубуа и около сотни из них присоединились к тем, кто был на берегу. А когда на следующее утро процессия продолжила путь на юг, к ней присоединились еще добрые полторы сотни человек. Утренние часы в сезон затишья ветров — самые приятные на Огонсото. Солнце ласкает нежными лучами, небо ослепительной синевы.

Старик из Кури был по-прежнему впереди. По пути он рассказал, что скоро они выйдут на развилку трех дорог, две из которых ведут в Татаману. Они пойдут по левой, ибо она короче, чем та, которая идет вдоль моря. Так они быстрее достигнут дворца президента.

Усиливавшийся жар восходящего солнца заставлял их идти энергично. Крики их эхом разносились над Гора-Гора. И в такт их быстрым шагам трепыхались транспаранты.

Юноша двадцати лет, который в ту памятную ночь вместе со стариком из Кури пил «сакэ» Гора-Гора, заметил изменения в поведении старика. Тот время от времени поглаживал свою бороду и оглядывался в нерешительности назад на толпу, которая выкрикивала проклятия в адрес президента. Может быть, старик протрезвел, наконец, от выпитого «сакэ» и пришел в себя, поняв, что он всего лишь старый рыбак, которому следовало бы давно вернуться в Кури и что его место не во главе колонны протестующих жителей, а в долбленке, вышедшей на ловлю рыбы.

Изменения в поведении старика стали особенно заметны, когда они подошли к развилке дорог.

Он замедлил шаг. Другие сделали то же самое, ибо увидели, что обе дороги на Татаману перекрыты колючей проволокой. За ней стояли несколько рядов солдат, одетых в темнозеленую форму, с автоматами, щитами и дубинками наготове. Позади них на дороге стояло несколько грузовиков, похожих на детские китов.

Расстояние между толпой и солдатами не превышало пяти-сот футов.

Все замолкли, туго натянутые транспаранты замерли. Строки слов на них, как бы набегавшие друг на друга, сейчас застыли.

Старик из Кури дал знак, чтобы все оставались на своих местах. Он сделал около двадцати шагов вперед и в раздумье, наклонив голову, стал шагать из стороны в сторону.

Толпа наблюдала за ним с беспокойством, особенно после того, как генерал дал приказ солдатам направить оружие на старика и толпу.

Все ждали, какое решение примет старик. Многие на своей шкуре испытали ужасы сезона большой волны в море, но впервые в жизни столкнулись лицом к лицу с солдатами на суше.

Сейчас взгляды всех, и демонстрантов, и солдат, были устремлены на старика, который стоял между этих двух групп, преследующих разные цели. Все молча стояли не шелохнувшись под палящими лучами утреннего солнца.

Внезапно старик метнулся к солдатам и прокричал: «Я из Кури».

Дымовая шашка взорвалась прямо перед толпой, и желтый дым поглотил все пространство. Старика больше не было видно.

В обстановке оцепенения демонстранты почувствовали резкий запах, исходящий от желтого дыма, клубившегося над дорогой. Едкий дым вызывал слезы на глазах. Газ казался страшнее самой большой морской волны. Некоторые тут же свалились, другие стали отступать, ища спасения.

Дымовая завеса охватила большое пространство и держалась несколько минут — ведь ветра в сезон затишья не бывает.

Наконец, дым постепенно рассеялся. Старик из Кури исчез, а несколько грузовиков с солдатами тронулись в сторону Татаману.

Оставшиеся солдаты продолжали окуривать газом демонстрантов. Их стройные ряды были нарушены, и они сломя го-

лову бежали назад в Тубуа. Плакаты и транспаранты валялись вдоль дороги, как венки, прикрывающие свежие могилы. Буквы на них более не трепетали, как раньше, а съезжились под солнцем, прикрытые, как саваном, тканью транспарантов.

В эту ночь в Тубуа и его окрестностях было тихо и скорбно, как в дни траура. Только шорохи ночного леса нарушали тишину.

Мужчина, руководивший группой демонстрантов, смотрел на свое отражение в зеркале. Глаза, в которых раньше проглядывала надежда, теперь покраснели от слезоточивого газа, и он больше не видел в них ни надежды, ни радости. Лицо его заросло, ведь с начала кампании протеста на прошлой неделе он так ни разу и не побрился.

Он взял пену для бритья и густо намазал виски, усы и бороду. Белая пена закрыла часть его лица, другая часть лица осталась открытой. Правой рукой он достал бритву. И именно в этот момент, всматриваясь в зеркало, он увидел в нем лицо старика из Кури. Если снять с него очки, сбрить бороду, усы и бакенбарды, одеть в костюм, рубашку и галстук, он будет вылитый президент.

Эта догадка быстро распространилась на другой день в Тубуа. Но единственная на Огонсото газета проигнорировала этот слух и рутинно сообщила, что президент, вернувшись из Перу, четыре часа работал в своей резиденции и на время выпуска газеты проводил совещание во дворце. А на третьей странице маленькая, набранная петитом заметка сообщала об аресте и допросе мужчины, замешенного в событиях Тубуа.

На следующей неделе несколько человек, выдававших себя за жителей Малаганы, Аиту, Туре, Пукану и Ранакита, посетили Тубуа. Они сидели в закуточных, общались с местными жителями или болтали с рыбаками на пристани. И если в разговоре всплывал вопрос о президенте, переодевшемся стариком, они пытались опровергнуть эту догадку, называя ее полнейшим вздором. Якобы кто-то из их знакомых встречал президента в аэропорту после возвращения из Перу и сопровождал его до дворца. Он, этот знакомый, находится постоянно при президенте и знал бы, если бы тот куда-либо отлучался.

Большинство участников похода к президентскому дворцу перестали верить в эту догадку и старались вообще забыть о

событиях «Тубуа», которые никак не помогли их делу. Каждый вернулся к своим делам. Одни продолжали ловить рыбу, другие занимались мелкой торговлей, третьи с наслаждением погружались в горячие источники у подножия вулкана Гора-Гора.

Но вопрос о том, кто же все-таки был этот старик, не переставал волновать их лидера и его близких друзей.

— Вспомите, как вел себя старик, когда был пьяным, — говорил руководитель кампании протеста. Речь его была похожа на говор Кури, но потом он часто переходил на говор, который характерен для Татаману. Затем, с трудом отбросив хмель, он снова старался говорить, так, как говорят в Кури.

— Да, старик этот странный, — поддакивал кто-нибудь другой. — Он появился неожиданно и так же внезапно исчез. И не снимал черных очков. Конечно, может быть у него действительно болят глаза.

— Нет, возражал их лидер, — он не снимал очков, потому что выдавал себя за другого человека. Помните, что он сказал перед тем, как исчезнуть? Его последними словами были «Я из Кури».

Они снова и снова вспоминали эти тревожные минуты, когда перед ними неожиданно возникла завеса желтого дыма, отделившего демонстрантов и старика от солдат.

— Мне кажется, — пролжал лидер, — слова «Я из Кури» вовсе не означают место, откуда прибыл этот старик. Скорее всего это пароль, который могли понять только определенные люди, например, генерал. И слова эти означали, что президент нуждается в помощи. Не случайно ведь, как только он произнес слова «Я из Кури», появился дым, который скрыл его от нас.

Проходили месяцы, годы, но тайна появления старика так и не была раскрыта. Действительно ли старик этот рыбак из Кури или это все-таки был переодетый президент?

Администрация президента, как толстые и непроницаемые стены вокруг его дворца, хранила молчание. Что или кто может побудить человека сказать правду? Может быть, напиток покрепче «сакэ» Гора-Гора?



## Айсберг

Первая флотилия, состоявшая из семи судов, уже тащила гигантский айсберг на Север. Этот ледяной гигант покачивался белым пятном на фоне голубого неба. Шкипер на одном из кораблей сообщил по радио, что они покидают район Южного полюса.

Голос шкипера услышали капитаны судов второй флотилии. Они только-только окружили огромный айсберг, сверля его со всех сторон и опутывая веревками. Второй айсберг был больше первого, с верхушкой и склонами, на которых можно было свободно играть в снежки и кататься, как с горки. Шкиперы второй флотилии надеялись закончить работы по закреплению айсберга засветло. До того, как стемнеет, они уже смогут отправиться вместе с ним за первой командой.

Ночной мрак уже окутывал землю, становилось все холоднее, а айсберг не двигался с места. Один из шкиперов еле сдерживал раздражение.

— Что вы там сверлите, айсберг или скалу, — крикнул он сердито рабочим.

Специалист по айсбергам услышал крик шкипера. Он вырос на острове Диско, к западу от Гренландии и не единожды доставлял айсберги с Южного полюса. Он обернулся к шкиперу и сказал:

— Айсберг слишком большой, и его трудно сдвинуть с места. Айсберги у Южного полюса обычно огромны и могут достигать двухсот километров, в то время как у Северного полюса не больше ста пядидесяти. Доверьте это дело специалистам. Забота шкипера — лишь корабль.

Шкипер ничего на это не ответил и только пригубил из чашки горячего кофе, чтобы немного согреться — температура уже упала ниже нуля.

Только около девяти ночи айсберг начал проявлять признаки «покорности». Двигатели надрывались из последних сил, пытаясь раскачать айсберг и потянуть его за собой на Север. Но как только суда начинали продвигаться вперед, волны сзади начинали отталкивать айсберг к югу, и он на мгновение снова замирал, как будто не хотел покидать родные места. Но мощь двигателей семи судов — большая сила и им все-таки удалось

преодолеть непокорность и нежелание айсберга идти за ними. Этот белый островок смирился с неизбежным и кротко последовал за судами.

Специалист по айсбергам и рабочие поднялись на свой корабль. Они уже получили плату за работу. На своем корабле рабочие вернутся в Дунедин, а специалист по айсбергам — в Кристбург, и уже оттуда самолетом в Копенгаген. Там он сядет на корабль, пересечет Северное и Лабрадорское моря, пролив Дежнева и прибудет на свой родной остров Диско.

Поднявшись на палубу, они помахали вслед удаляющимся семи кораблям. Издалека в ночной мгле айсберг казался большим островом, который одиноко плывет в сторону Тихого океана. Необычным было не только то, что остров находился в движении, но и то, что перед ним светились огоньки, указывавшие ему путь, как будто было мало разбросанных по небу звезд. И еще слышался надрывной гул, как будто гудел сам айсберг, утомленный плаванием в эту холодную ночь.

Семерка кораблей слаженно шла на Север, таща за собой величественный айсберг, и сцена эта напоминала китобоев, тоторые тянут за собой загарпуненного кита. Но если кит оставлял за собой кровь, то айсберг — белую пену, которая постепенно рассасывалась и исчезала во чреве ночи.

Солнце проглянуло над океаном с востока вместе с ревом трех патрульных самолетов из Новой Зеландии. Железные птицы начали кружить над движущимся на север айсбергом. Убедившись, что айсберг плывет не сам по себе, а следует за семью кораблями, самолеты исчезли в сторону островов Антиподес.

Один из шкиперов проследил взглядом за удаляющимися на запад самолетами. Они напомнили ему самолеты ИР, которые появлялись в небе над Северной Атлантикой в определенное время. Их задача состояла в том, чтобы отследить появление айсбергов у западных берегов Гренландии, плывущих в сторону Ньюфаундленда. Если те заплывали слишком далеко на юг, то их уничтожали или растопляли с помощью разбрасываемых химикатов. Трагедия с «Титаником» не дает пилотам расслабиться; айсберги по-прежнему считаются здесь главной помехой мореплаванию. Часто их просто бомбардируют, и тогда их белое тело рассыпается на мелкие куски и поглощается морем. В море они рождаются, и в море же находят свою смерть.



Все в айсберге тайна, рассуждал про себя шкипер. Образуются они только в полярных районах и на семьдесят пять процентов скрыты в воде. Айсберг — чистое и стыдливое существо. Существо, которое ненавидят и в то же время высоко ценят. Если бы не ценили, то разве тащили бы теперь в Огонсото?

Еще пару месяцев, и в Огонсото наступит засуха, которая, по прогнозам, продлится не менее девяти месяцев. И за это время там не прольется ни одного дождя. Ни облачка не появится ни с Западной Полинезии, ни с Востока от Анд, ни с Юга или Севера Тихого океана.

Но шкипер не знал, что засуха наступила раньше. Уже несколько недель в Огонсото держалась сухая погода. Деревья на склонах вулкана Гора-Гора уже давно вырублены, а реки иссохли. Если раньше дождевые облака по меньшей мере хотя бы раз в неделю окутывали вершину вулкана и покрывали небо вплоть до Тубуа, и озеро Рака темнело от переполнявшей его воды, то теперь лишь нестерпимая жара властвует кругом.

Такая же погода и в Раи-Рапа. На небе ни облачка, хотя обычно хоть раз в неделю от Туре до Рунаките все затягивалось темными облаками. И река, протянувшаяся на юго-восток, вконец обмелела, выставив напоказ черные камни, выброшенные из чрева вулкана.

И на Футу-Ата не лучше. Облака, белой дымкой покрывавшие небо от Пуканы до Аиту, совсем исчезли из глаз.

В сезон затишья ветров днем на Огонсото так жарко, что палящее солнце, не сдерживаемое облаками, сжигает поверхность земли, кожу людей и животных. А ночью жар вулканов продолжает терзать Огонсото. Красная лава непрерывным потоком заливает землю, так что жар, исходящий от нее, не дает людям заснуть. Богатым, конечно, не страшно. У них есть кондиционеры, и они, если захотят, могут остудить комнату до любой температуры, даже до температуры айсберга.

И вот теперь шкиперы не только нашли средство борьбы с жарой, но и везли его домой.

Впервые за два дня плавания обе флотилии стали видны друг другу. Одна находилась на северной выпуклости моря, другая — на южной. Правда, видны были лишь айсберги, превратившиеся в белые точки на синей поверхности моря, сливавшейся с горизонтом.

Шкипер на фланговом корабле решил, что пора сообщить в Огонсото об успешном покорении айсбергов. Через несколько минут депеша была уже получена в Татаману.

А еще через полчаса телевидение и радио республики передали речь президента, в которой тот торжественно поведал народу радостную весть. Четырнадцать шкиперов, заявил он, — новые герои страны. Они, не щадя себя, покорили айсберги и теперь везут их домой ради блага людей и сохранения жизни на Огонсото. Многие не верили в успех экспедиции. Даже специалисты по айсбергу сомневались, продолжал президент, но мы им сказали, что их дело просверлить айсберги и прикрепить их веревками к кораблям. Остальное сделают сыны Огонсото. И вот смотрите: два айсберга с Южного полюса покорились Огонсото. Мы всегда верили, что в Океании только одна страна Огонсото — не Маршалловы острова, ни Кирибати, ни Тувау, ни Полинезия — способна достать айсберги из такой дали. Засуха — это лишь слово, сказал президент в заключение. Мы можем изменить природу и жизнь Огонсото с помощью льда с Южного полюса.

Речь президента взволновала всю страну от Малаганы до Западного Пинавана, от Туре до Аиту. Но особенно довольны были в Огонсото пятнадцать человек. Один из них — агент по контракту специалиста из Гренландии, а четырнадцать — владельцы кораблей, которые тащили айсберги. Это предприятие сулило им немалую прибыль. Но, как отметил корреспондент шестого канала японского телевидения, Огонсото не пришлось бы вообще прибегать ни к каким затратам, если бы проводилась разумная политика в области охраны окружающей среды, особенно в районах сбора осадков: Гора-Гора, Раи-Апа и Футу-Ата. Но кто из жителей Огонсото смотрит шестой канал японского телевидения?

Разве что владельцы кораблей — доверенные люди президента. Но если они и слышали это сообщение, то тут же переключили телевизор на другой канал.

Вечер навевал новые мечты о прохладе, о холодной воде, приятно охлаждающей горло, о кусочках льда, позвякивающих в стакане, и инее, которым покруты фрукты, только что взятые из холодильника. Вечер пробуждал также воспоминания у тех, кому посчастливилось покататься на лыжах в Саппоро или в Альпах. Если правда, что первого айсберга достаточно, чтобы

безболезненно пережить девять месяцев засухи, то может быть, второй айсберг можно поставить на якорь у берегов Тутуа, превратив его в ледяную горку или каток.

Как только весть об успешном покорении айсбергов дошла до Огонсото, на берег залива Палавана стали приходить люди и часами ждать появления на южном горизонте белых ледяных глыб. Когда они уходили, так и не дождавшись айсбергов, на их место приходили другие. В одну из таких групп случайно затесался старик из Рунакиты. Он бродил по берегу, слышал, как люди с восторгом говорят о кораблях, тянущих ледяные глыбы, и не мог представить себе, как это выглядит — ведь он никогда в жизни не видел айсбергов. Но большинство людей на берегу понимали, о чем идет речь, и, всматриваясь в безбрежное море, рисовали в воображении и корабли, и айсберги. О, как ослепительны эти глыбы льда, как сверкают они под лучами солнца на фоне синего неба! И как огромны они! Совсем, как острова Раи-Рапа и Футу-Ата. Но в отличие от них, покрытых слоем пепла вулкана Гора-Гора, знойных и бесплодных, «белые острова» полны влаги и несут прохладу.

И по мере того, как картины с айсбергами заполняли воображение людей, они начинали забывать об иссушающем небо и землю Огонсото зное. О том, что уже давно не видно дождевых облаков. О том, что потрескалась земля, что пожухла и завяла растительность.

Мечта увидеть бога-спасителя под названием «айсберг» с Юга завораживала, отгесняя реальный мир. Такое же происходит с алкоголиками, которые считают фатаморганный мир реальным и ищут утешения в мире воображений.

— Может быть, и вправду две глыбы льда появятся в заливе Пинакавана, — бормотал старик из Рунакиты.

Он устал и хотел вернуться домой на своей лодке. Идя к пристани, он купил в Татаману четырнадцать пустых бочонков. По пути домой он, если найдет какой-либо источник, наполнит их водой. Или купит воду. Пусть он припозднится домой, но зато будет с водой.

В это время чиновники, работавшие в одном из административных зданий Татаману, наслаждались послеобеденным чаем и смотрели в окно, наблюдая, как в пролив Морауке уходит лодка, груженная боченками для воды. Чиновники только что закончили обсуждать вопрос о том, как пришвартовать айсберг-

ги к берегу и как использовать их. Обсуждение было недолгим. Они вкушали чай и болтали, время от времени поглядывая на то, как лодка удалялась от берега пролива. Скоро она совсем исчезла из виду.

Несколько лезозаготовительных компаний, которым леса в Футу-Ату, Раи-Апа и Гора-Гора были обязаны своим исчезновением, получили подряд на распилку айсбергов до размеров, удобных для транспортировки. Ведь только у них были пилы, способные разделить ледяные глыбы.

Владельцы портовых кранов стали ответственными за погрузку кусков айсберга и доставку их на палубы кораблей или в грузовики. После этого корабли, нагруженные льдом, без промедления направятся в Футу-Ата и Раи-Рапа, а оттуда грузовиками лед будет развозиться по резервуарам.

В Гора-Гора работа будет проще. Грузовики один за другим доставят лед из залива Пинавана сразу к основному водохранилищу и жители вплоть до Малаганы смогут наслаждаться холодной водой с Южного полюса.

Оба айсберга будут пришвартованы в заливе Пинавана, а не в каком-либо другом месте. Сначала их распилят, а затем уже займутся доставкой. Поскольку льда будет много, несколько глыб оставят прямо на территории порта. Их разделят на небольшие куски, и простые люди смогут забрать их домой. Наверняка возникнет давка. Значит, место их нахождения нужно определить заранее. Для поддержания порядка и контроля за соблюдением очереди будут привлечены войска. Каждому будет разрешено взять столько, сколько он сможет увезти на велосипеде или мотоцикле. Но, конечно, никаких грузовиков, тем более большегрузных.

Чиновники решили также, что второй айсберг, значительно превышающий по размерам первый, начнут распиливать сразу же после того, как будет пришвартован первый. Процесс транспортировки глыб льда кораблями или грузовиками к водохранилищам в Гора-Гора, Футу-Ата, Раи-Рапа будет тем же. Хотя водохранилища будут наполнены водой до краев, через сутки после первых поставок планируется ввести нормирование воды. Оно будет сохраняться в течение девяти месяцев до наступления сезона дождей, когда все водоемы, ручьи, реки, озера вновь наполнятся водой, и ветер мелкой рябью заиграет на их поверхности.

Это решение было передано по радио, телевидению, напечатано в газете. Впервые газета поместила фотографии каждого айсберга, послушно следующего за семью кораблями. И так огромны были эти глыбы льда, что корабли возле них едва можно было различить невооруженным глазом. Второй айсберг вообще был похож скорее на остров, чем на глыбу льда. Люди привыкли верить прессе, поверили и на этот раз.

Новости эти распространялись среди тех, кто читал прессу, слушал радио и телевидение. Новости эти продолжали питать мечты о воде: полдела сделано, осталось только дожждаться, когда айсберги сдадутся на волю гигантских пил в водах пролива Пинавана. Это как в период нереста рыбы в водах Такатеа, когда вода становится золотисто-красной от икры. Тогда обычно говорят, что половина улова уже в руках, а другая половина придет, когда икринки првратятся в большие рыбы.

Старик из Рунакита услышал эту новость лишь через неделю после ее обнародования. Не имея ни радио, ни телевизора да и еще будучи неграмотным, он узнал новость от соседа. Сосед этот в последнее время редко появлялся дома. Возбуждение от желаний собственными глазами увидеть появление айсбергов не шло ни в какое сравнение даже с тем возбуждением, которое жители Огонсото обычно испытывали при появлении голубых китов. Поэтому он постоянно пропадал в заливе Пинавана — ведь айсберги могли появиться и ночью, и под утро, и среди бела дня.

То, что ему рассказал сосед, было не очень понятно. Может быть, от того, что старик был глуховат, а может потому, что сосед от расправившего его возбуждения заикался. Его голос казался старику нечленораздельными криками птиц-носорогов, часто продетавших над деревней.

Однажды, когда старик расчищал небольшой участок позади дома, он увидел, как сосед его снова куда-то ушел. Конечно, в залив Пинавана, подумал он. После того, как сосед исчез, старик начал копать. Как бы долго ни пришлось ему копать, решил про себя старик, он не остановится, пока не найдет воду. Земля сверху была твердой и пыльной. В лучах утреннего солнца была видна взлетающая вверх пыль.

У старика, живущего один как перст, еще оставалось немного воды в доме да еще семь бочонков, которые он смог наполнить по дороге из Татаману. Но другие семь бочонков пусты. Копая

землю, он думал о том, как наполнить их водой. А вдруг колодец окажется бесплодной сухой дырой глубиной в сто футов?

Работая под палящим солнцем целый день, лишь ненадолго прерываясь, чтобы поесть и попить, он все сильнее начинал беспокоиться о воде. Этот день научил его жить так, словно дождь уже никогда не пойдет в Огонсото, и пара глотков воды казалась ему целым озером.

Через несколько дней после многочасовой работы по углублению колодца старик стал собирать хворост. Когда он складывал хворост в кучу, напоминавшую высокий храм в Татаману, вернулся сосед. Он рассказал старику об ультиматуме, который предъявили владельцы кранов в порту и владельцы огромных пил, которые должны распилить айсберги, властям Огонсото. Они потребовали плату в три раза большую, чем раньше, и плата эта должна быть произведена до прибытия айсбергов, иначе никакого сотрудничества.

Старик лишь слегка улыбнулся, продолжая складывать хворост. Сосед ушел к себе в дом. Уже вечерело. Старик посмотрел в сторону пролива Мораука. Поверхность воды была огненно-красной, как будто пролив наполнился кипящей лавой.

Когда он бросил взгляд в сторону незаконченного колодца, то заметил у дома несколько больших валунов. Эти черные камни, выброшенные вулканом, пролежали здесь уже наверно сотни лет. Он выбрал три, примерно одинаковой величины, с трудом сдвинул их с места и перекатил к краю колодца. Затем расположил их подобно таганку для котла. Жаль только, что котел у него не очень большой. Надо было бы купить побольше, может быть, даже самый большой во всем Огонсото.

Однако время, как и эту безумную засуху, нельзя повернуть вспять. Он должен примириться с двумя револьными вещами: с тем, что стареет, и с тем, что засухе на Огонсото не видно конца.

В последние дни он огородил район колодца, чтобы посторонние не видели, чем он занимается, и не посчитали его сумасшедшим за то, что не верит в появление двух айсбергов с юга. Над камнями он сделал навес, прося пощады у солнца, раскалившего небо. Когда он огораживал колодец, сосед появился снова. Он, как обычно, вернулся из залива Пинавана и рассказал о согласии властей с требованием владельцев кранов и пил. Он сообщил также, что хотя владельцы грузовиков и су-

дов, которые будут перевозить глыбы льда в водохранилища, не выставляли никаких ультиматумов, им тоже пообещали добавку к оплате. Что будет за польза от двух громоздящихся в заливе айсбергов, если их нельзя будет доставить в водохранилища.

— Я жду этого момента, — сказал старик соседу. — Сообщи мне, когда придут айсберги.

Сосед кивнул головой и отправился к себе домой.

Старик продолжал копать, и, по его представлениям, глубина колодца составляла уже пятнадцать футов. Чем глубже, тем мягче была земля. Но следов источника воды пока не было. Выкопанную землю он поднимал наверх и укладывал кучами вокруг входа в колодец. Он не думал о том, что земля может обрушиться сверху на него и заживо похоронить его в колодце.

В один из последующих дней старик не стал спускаться в колодец. Он смотрел сверху на черное дно, умоляя, чтобы оно прорвалось источником воды. Но дно оставалось сухим, бкзучастное к его мольбе.

Старик понял, что дно колодца не хочет идти ему навстречу. Но ничего, он подождет еще три дня. Если и тогда дно колодца останется сухим, то он спустится опять и снова будет копать. Он добьется своего, даже если ему придется копать до глубины ста футов.

Ожидая установленного срока, он стал носить домой воду из залива Морука. Он поставил свой большой котел на три камня, затем наполнил его морской водой.

Семь пустых боченков он поместил вокруг котла и соединил их с котлом семью полыми бамбуковыми стволами длиной в одну депу (6 футов). При этом конец каждой бамбучины, соединенной с котлом, находился выше конца соединения с боченком.

Затем он закрыл котел крышкой, а зазоры между крышкой и котлом забил мокрыми тряпками. Между камнями он положил хворост и поджег его. Старик ждал, когда вода закипит и пойдет пар.

С тех пор как он стал копать колодец, потом собирать хворост, огораживать колодец, сооружать таганок и носить морскую воду, старик пребывал в постоянном возбуждении. В мыслях он уже видел, как вода источника орошает дно колодца и семь боченков наполняются водой.

Бульканье воды в котле вернуло его к действительности. Довольно долго он ждал, когда испаряющаяся вода поступит в

боченок. И когда это произошло, и вода капля за каплей стала стекать в боченок, он почувствовал так, как будто на Огонсото обрушился проливной дождь. Но это чувство не соответствовало реальной действительности: вода капала очень медленно. Вероятно, ему придется кипятить воду еще много-много раз, месяц или даже дольше, чтобы наполнить все семь боченков.

Но пусть эта испаряющаяся вода, как и засуха, будет для него испытанием. Он выдержит все ради воды. Пусть ему придется еще тысячу раз пройти к морю за водой. Пусть ему придется собирать еще тысячи веток хвороста. Пусть он проведет тысячи часов у своего костра. Семь боченков должны быть наполнены водой.

А жар затянувшейся засухи не спадал в Огонсото. Ни днем, ни ночью. Ни облачка, хотя бы крошечного, как прау, на синем и высоком небе. Серый дым вулкана Гора-Гора стрелой клубился вверх, пронизывая небо. Порой жители Огонсото, глядя на раскаленный шар солнца, исчезающий на западе, жаждали, чтобы оно вовсе не появлялось назавтра на востоке. Пусть продлится ночь. Может быть, тогда исчезнет этот таинственный жар, что остается от солнца в ночное время. Исчезнет солнце, продлится ночь и не будет этого жара. Пусть они сладко поспят ночью в эту затянувшуюся засуху.

Но если кто-то и спал сладко в Огонсото в эти дни, так это старик. Тяжелая работа в течение дня была тяжелой нагрузкой для его старческого тела, и он быстро погружался в мир грез. Для него ночной жар был сродни дневному, когда он опускался в бесплодный колодец или занимался выпариванием морской воды.

Но также быстро его старческое тело покидало мир снов лишь только солнце всходило снова. Его ждала работа: надо было натаскать морской воды и кипятить ее. Колодец следовало углублять дальше в чрево земли.

В этот день старик, поставив кипятить воду, спустился в колодец и продолжал копать. Уже несколько недель дно колодца не внимало его увещаниям. А он продолжал копать все глубже и глубже.

Глубина колодца, возможно, уже достигла тридцати футов. Колодец все сужался, в нем становилось заметно темнее. Когда он смотрел снизу вверх, то видел над колодцем бемолвное синее небо. Иногда он видел пыль, поднимаемую ветром. Шум

ветра проникал в колодец и опускался вниз, скользя по стенам и создавая весьма странные звуки.

Старик продолжал копать, но вынужден был остановиться, так как достиг твердого каменного дна. Нельзя было продвигаться ни на дюйм дальше. Он решил подняться наверх. Собранный с силами, он нащупал ногами углубления в стене, пальцы его цеплялись за углубления выше. Медленно его старческое тело стало подниматься вверх.

Солнце уже склонилось далеко на Запад, когда старик выбрался на поверхность. Почти без сил он плюхнулся на спину, разглядывая синее небо и летающую в воздухе пыть. Земля сухая. Небо сухое. Ветер сухой.

Взглянув на камни, он увидел, что дрова сторели и огонь потух. Даже большой котел казался притихшим без поднимающегося пара.

Как долго он копает колодец? Старик задумался, пытаясь вспомнить. Да, уже несколько месяцев. Он начал через день после того, как вернулся из залива Пинакава. Тогда все только и говорили что об этих двух айсбергах с Южного полюса, которые будут пришвартованы в заливе. Прошло несколько месяцев, а засуха не только не прекращается, но становится все неистовой. А где же глыбы айсберга? Что с ними? Прибыли они или нет?

Уже почти три месяца не показывается его сосед, приносивший раньше вести об айсберге. Что там на самом деле произошло? — удивлялся старик. Правда ли, что четырнадцать кораблей ташут два айсберга? Или эти глыбы растаяли и исчезли за время этого удивительного плавания к берегам Огонсото?

Он снова бросил взгляд на свою импровизированную печь. Фиолетовая полоска вечернего зари освещала бочонки, и было видно, что они уже полностью наполнены водой. Старик облегченно вздохнул. У него теперь есть запас воды на несколько недель.

Это придало ему новых сил. Он сел на корточки, опираясь пальцами в пыльную землю. Потом поднял ладони, и пыль с них полетела, увлекаемая ветром.

И в это время он услышал странный звук, похожий на эхо сухого ветра, который, играя с пылью, ударял о стены сухого колодца, когда старик находился внизу.

Он бросился к зияющей дыре колодца. Взгляд его скользнул по стене до того места, где он сужался, и дальше в темноту до

самого дна. Клокочущий звук все не стихал. И тут он впервые в своей жизни увидел, как в темной глупи бьется источник, изрыгая белую, похожую на хлопок пену.

Старик встал. Его старые глаза перебежали от колодца к большому котлу и четырнадцати бочонкам воды. Когда он посмотрел на море, то увидел на его поверхности умирающие красновато-фиолетовые полосы. И вдруг ему привиделись четырнадцать кораблей, тянущих две глыбы айсбергов. Но это видение быстро исчезло: темная ночь стремительно окутывала пролив Мораука.

## 5

### Игра

Новая стрела заняла место в бамбуковой трубке. Ее наконец-ник смазан смертоносным ядом. Если попасть ею в белку, то та свалится без чувств и скоро превратится в холодный труп.

Юноша, сжимая трубку в левой руке, поднес ее конец ко рту. В левой руке он держал за загибок белку, которая трепыхалась, пытаясь освободиться. Как только он бросит ее в воздух, то прицелится и выпустит стрелу из трубки. У него с собой было три стрелы, но он был уверен, что поразит зверька уже с первой попытки, прежде чем тот успеет упасть на землю.

Юноша глубоко вздохнул. Настало время начинать игру. Он подбросил белку в воздух. Проворно перехватив трубку двумя руками, он прицелился в падающего зверька.

Первый выстрел оказался неудачным. Юноша быстро вставил вторую стрелу в отверстие трубки и прицелился: еще немного и белка коснется земли. Стрела вылетела, когда зверек упал, подпрыгнул вверх.

Вторая стрела пролетела в нескольких сантиметрах от задней лапы белки и застряла в расщелине между камнями.

Не разбирая дороги, белка прыжками удалялась в сторону кустов. Юноша бросился вслед. У него оставалась еще одна, последняя стрела. Он еще имел возможность поразить белку до того, как зайдет солнце и окончится игра.

Продолжая преследование, юноша начал по-настоящему понимать всю прелесть этой игры, которой не было на Кирибати, в том числе на его родном острове Банаба. Зверька надо от-



пустить, догнать и подстрелить. Чем непредсказуемее поведение зверька, тем труднее и дольше игра, тем больше она требует сноровки и умения охотника.

Ему бы никогда не пришлось участвовать в этой игре, если бы несколько лет назад он погиб, проскитавшись один шестьдесят дней в море. На земле Огонсото он поправился и набрался сил и вот теперь преследует убегающую белку. А тогда его нашли полумертвым, без чувств: плоть и дух были вырваны из него не знающими милости волнами Тихого океана.

Он продолжал преследовать белку. В ноги впивались острые камни и гальки, в лицо хлестали ветки кустов, но глаза его неотступно держали белку под прицелом. Проведя несколько месяцев в клетке, она, почувствовав свободу, прыгала необычайно проворно. Потеряй ее из виду хоть на секунду, и она навсегда будет потеряна. Если она спрячется в дупле дерева, затаится за стволом или в густых ветвях, ее уже не найти, и надеждам подстрелить ее до захода солнца придет конец.

Когда он увидел, как белка взбирается вверх по стволу дерева, он впервые почувствовал досаду. Ну почему первая стрела пролетела мимо, а вторая застряла между камнями, которые не проймешь никаким ядом. В течение нескольких недель до игры он многократно испытывал свою трубку и почти всегда поражал цель.

Чувство досады, которое он впервые почувствовал с тех пор, как оказался в Огонсото, было сродни досаде, которую он испытывал несколько лет назад, когда увидел приближающийся с запада шторм, но не поспешил вернуться к берегам родного Банаба, которые узкой полоской еще были видны на горизонте.

Шторм бушевал три дня, потом стих, и родственники, увидев, что юноша не вернулся, всполошились. Следующие несколько дней они искали его труп в лагуне и на побережье. Семидневные поиски ни к чему не привели: ни трупа, ни обломков лодки обнаружено не было.

Обеспокоенные, они обратились в Тарава. Несколько поисковых команд на катерах возобновили поиски, но тут помешала погода. В октябре пошли муссонные дожди, которые не прекращались до марта. В результате обрушившихся на волны потоков дождя над морем появился плотный туман. Небо над Кирибати опустилось совсем низко, и море стало совершенно непроницаемым.

Прошло сорок дней со времени исчезновения юноши, и все это время почти непрерывно лил дождь, орошая прибрежный песок, пальмы и заросли таро.

Родственникам оставалось лишь только гадать, что могло случиться с юношей. Может быть шкипер или матросы какого-либо корабля заметили его в пелене тумана над морем и спасли его? А если вдруг он сам смог увидеть парусник и что есть силы прокричать, взывая о помощи, услышал ли его кто-нибудь сквозь грохот волн?

Ослабленный, замерзший и голодный, сможет ли он вычерпывать воду от захлестнувших водку волн и падающих с неба потоков дождя. Может быть, его уже и нет в живых!

Прошло еще двадцать дней. Возникли новые вороны, тоже оставшиеся без ответа. Смог ли он выдержать эти шестьдесят дней пребывания в море в одиночестве. И если жив, то почему не дает о себе знать.

Однажды ночью матери приснился странный сон, после чего она уже ни о чем не спрашивала.

Ей приснилась чайка, медленно парящая под огненным маревом заходящего солнца. Постепенно и чайка, и море скрылись за водным горизонтом. Синие волны океана стали огненно-красными.

На следующее утро мать рассказала родственникам о своем странном сне, и они стали собираться в небольшую церковь, которая была на острове Банаба. Туда они ходили и до исчезновения юноши каждое воскресенье на утреннюю молитву и по праздникам. Пора было помолиться за упокой души юноши.

Не успели он выйти из дома, как услышали сквозь утренний морозящий дождь шум подъезжающего джипа. Когда мать увидела выходящего из остановившегося джипа военного, она подумала: «Ну вот и сбывается дурной сон». Но военный этот улыбался. Женщина сердито крикнула:

— Разве можно улыбаться, принося сообщение о смерти.

Но военный только громко расхохотался в ответ и поведал удивительную весть: юношу полумертвым нашли на западном берегу Гора-Гора и спасли местные жители. Сейчас он поправляется в больнице Тубуа. Но на этом чудеса не кончаются, продолжал военный. Когда юноша окончательно выздоровеет, он станет приемным сыном президента Огонсото.

Старая женщина провела в беспокойстве за сына шестьдесят дней. Она увидела плохой сон и уже была готова к любому, самому страшному исходу. Известие военного, особенно о решении президента усыновить ее сына, потрясло ее своей неожиданностью, и она рухнула без сознания.

Когда она очнулась, военного уже не было. О его пребывании напоминали лишь заполненные дождевой водой следы от колес джипа. Вместе с родственниками она под морозящим утренним дождем поспешила в церковь, чтобы вознести благодарности Богу.

Юноша, запыхавшись, остановился и, запрокинув голову, смотрел на загнанного зверька. Его большое тельце было скрыто за большой веткой, но рыжий хвост свисал вниз.

«Наверняка белка тоже устала», – подумал юноша. Он загнал стрелу в трубку и направил ее конец в сторону хвоста зверька. Это была последняя стрела. Он замер в нерешительности. Хвост у белки пушистый, и мех глубоко скрывает мягкий хрящ хвоста. А что если стрела не заденет его и лишь спугнет белку. Тогда она скроется в зарослях, а он с пустой трубкой в руках вернется, чтобы признать свое поражение в игре.

Так размышляя, он продолжал оставаться настороже, ожидая, когда белка поменяет свое положение. Если она шевельнется и высунет голову или часть тела, его стрела незамедлительно вылетит и поразит цель. Зверек трепыхнется. Смерть настигнет его с такой же скоростью, как и его падение. Упав на землю, белка уже будет трупом.

Очувтившись на чужом берегу в полуобморочном состоянии, юноша как бы почувствовал себя в потустороннем мире. Синее небо казалось поблекшим, а шум волн – глухим, доносившимся издали. Никогда больше он не увидит родного острова Банаба и никогда туда не вернется.

Когда его положили на носилки, ему показалось, что он в гробу и что несут его на кладбище. Разве не туда совершают люди свой последний путь в жизни? Такие мысли роились в его подсознании.

Сколько времени прошло, он не знал, но вдруг его нос почувствовал больничный запах. В теплом воздухе пахло йодом и этилом. Этот запах возвратил его к действительности и наполнил о клинике для бедных в Банаба, где работали двое белых

врачей из Дарвина. Он понял, что жив. Пошевелил пальцами. Открыл глаза.

Старенький вентилятор лениво крутился под бледным потолком. Смесь лекарств из пластикового пакета капельницы, подвешенной у кровати, через трубочку капля за каплей поступала ему в нос. Он осмотрелся по сторонам. Это второе место, подумал он про себя, куда его бросила судьба после стольких дней блуждания в море.

Он провел в больнице Тубуа три недели. И все это время почти ежедневно газета Огонсото рассказывала о «втором рождении» юноши с Банаба. Из Татаману в Кирибати направили даже телеграмму с радостным известием и о намерении Президента усыновить этого заново рожденного юношу.

И вся пресса взахлеб расхваливала гуманный поступок президента, подчеркивая, что это к тому же является проявлением дружественных отношений между двумя соседними государствами. Но оппозиция, голоса которой почти не было слышно на Огонсото, считала иначе.

Если бы юноша был с какого-либо другого острова, то президент вряд ли усыновил его. Но Банаба имеет длительную историю борьбы за независимость. Сначала с колонизаторами, а потом с Кирибати, так что акт усыновления президентом юноши из Банаба символизирует его поддержку идеи отделения Банаба.

Его лицо выдавало в нем заурядного рыбака. Несмотря на новую одежду, которую на него надели прежде чем привести во дворец президента. И теперь, начиная новую жизнь в чужой стране в качестве приемного сына президента, он испытывал то же чувство страха, которое охватывало его в бушующем море. Он решил, что ему следует больше молчать, чем говорить и спрашивать, и вообще казаться глупее, чем он был на самом деле.

Ему дали комнату в одном из помещений огромного президентского дворца. Его поражали масштаб и красота этого здания. На следующий день его провели по дворцу, показывая места, которые можно было посещать свободно, места, куда доступ был ограничен, и зоны, совершенно закрытые для посещения. Потом его учили одеваться сообразно этикету, учтиво говорить с высокопоставленными особами и их женами, вести себя за столом в присутствии других гостей.

Он дал себе слово почаще молчать, больше слушать и выглядеть глупым. Поэтому он мало говорил и ничего не ответил, когда его спросили, хочет ли он учить английский язык. Две недели спустя чиновник, обслуживающий дворец, пришел к выводу, что ему самое место на складе спортивного инвентаря. Здесь он показал себя дисциплинированным и прилежным работником. Через год его перевели в отдел снабжения продовольствием, где он следил за тем, чтобы обитатели дворца никогда не испытывали недостатка в еде. Он даже получил доступ в некоторые, ранее закрытые для него места.

Еще через несколько лет он стал во дворце совсем своим: его дисциплинированность, неподкупность, преданность делу и готовность помочь снискали ему уважение всех. Это обстоятельство и то, что он считался приемным сыном президента, открывали ему все двери президентского дворца, за исключением опочивальни президента. Несмотря на это, он продолжал играть простодушного, молчаливого рыбацкого отпрыска с Банаба.

Там в Банаба, думал юноша, нет таких белок, как здесь. Там белки маленькие и темносерые. Тем временем белка, видимо, почувствовала, что за ней следят. К несчастью для нее, в дереве не было дупла. Да и веток совсем мало. Листья тоже были не слишком густой. Поэтому белка начала медленно подниматься вверх, стараясь не высовываться их-за ствола дерева. Но и юноша продолжал держать ее на прицеле.

Около месяца назад он поймал эту белку в парке дворца, который граничил с лесом. Юношу привлекли размер зверька и его густой рыжеватый мех. Он держал ее в клетке. Перед тем как уйти на работу и после работы юноша с удовольствием кормил белку и играл с ней.

— Ты ко времени поймал зверька, — сказал ему один из работников дворца.

Юноша не понял, о чем речь, но как всегда промолчал, не задавая вопросов. Позднее тот же работник рассказал ему о традиционной, передаваемой из поколения в поколение игре в Огонсото. Через каждые тысяча шестьсот сорок два дня в Огонсото наступает полное затмение солнца, когда ясный день резко сменяется ночью. Начинают петь сверчки и ночные цикады, появляются летучие мыши и совы. Яйца выскакивают из кур, как будто боятся пропустить этот феномен природы.

— Затмение солнца произойдет через три недели, — сказал работник и рассказал подробнее об удивительной традиционной игре.

Через день после полного затмения солнца устраивается игра — охота на прирученное животное. Это может быть птица, свинья, змея, курица или просто мышь. В былые времена аристократы Огонсото за неделю до затмения солнца ловили даже аборигенов. Через день после затмения их отпускали, преследовали и убивали. Но обычай охоты на людей запретили европейские колонизаторы.

Игра длится только от полудня до захода солнца. Охотникам разрешено использовать оружие лишь три раза. Если это лук, то только три стрелы. Если копье, то только три броска. Если мачете, то только три удара. Если духовая трубка, то только три выстрела. Если после трех попыток животное остается в живых, то его оставляют в покое. Охотник должен возвратиться, не оглядываясь назад. Таковы правила игры, которую проводят раз в тысяча шестьсот сорок два дня в Огонсото.

— Тот факт, что охота ведется на прирученного зверька, придает игре особый смысл, — продолжал свой рассказ работник. — Охота устраивается у подножия вулкана и на его лесистых склонах. Говорят, что там в гуще леса живут реси — отшельники. Это старые, возможно полусумасшедшие люди, ищущие духовной чистоты, ибо считают, что Огонсото погрязла в грязи и грехах. Не знаю, правда ли это. Сам я их никогда не видел. Но попробуй поохотиться. Я смотрю, зверек у тебя шустрый. Наверняка будет забавно преследовать и в конце концов подстрелить его.

Юноша из Банаба, как обычно, промолчал и не стал спрашивать работника. Но белке с рыжим густым мехом, к которой он все больше привязывался, скоро предстояло стать объектом охоты и погибнуть через день после полного затмения солнца. Жить ей оставалось двадцать один день.

Он купил духовую трубку и несколько стрел. По его разумению, это оружие больше всего подходило для охоты на белку, чем мачете, копье или лук.

У себя на родине в Банаба он уже имел опыт обращения с трубкой, когда ходил на охоту в лес. Это было задолго до того, как он оказался в море и затем был выброшен на берег у Гора-Гора. Необходимо было потренироваться, чтобы добиться

отличного результата в стрельбе до того, как наступит полное затмение солнца. Идеальным было бы, если бы ему удалось подстрелить белку с первого выстрела. Тогда он вернулся бы с двумя целыми стрелами и трофеем в руках.

Юноша набрал волокон кокосового ореха и сделал из них чучело размером с белку. Это чучело стало его мишенью на тренировках по стрельбе из трубки. В правой руке он держал трубку, заряженную стрелой, в левой — чучело. Потом подбрасывал чучело, одновременно выдувая стрелу из трубки.

В первую неделю тренировок ему лишь изредка удавалось попасть в мишень. Во вторую неделю он попадал уже чаще. За несколько дней до затмения солнца все стрелы поражали цель.

Однажды президент, выезжая на машине с территории дворца, увидел, как тренируется юноша. Тот весь вспотел, но на лице его светилась радость от того, что ему удалось пустить все стрелы в цель.

— Пусть ему больше не поручают убираться в моем рабочем кабинете, — сказал громко президент водителю, стараясь перекричать вой сирен машины и мотоциклов эскорта.

— Кому, господин президент? — спросил водитель, не оборачиваясь назад.

— Этому юноше из Банаба.

Юноша на мгновение прекратил тренировку. Он посмотрел вслед машине президента, которая, покинув территорию дворца, выезжала на шоссе Татаману. Затем президент и его кортеж скрылись из глаз. Но вой сирен продолжал стоять в ушах, стихая постепенно по мере удаления машины, растворяясь в утреннем, уже знойном утре.

Он представил себе лицо президента, своего приемного отца. Он еще помнил, каким застенчивым и неуклюжим он был, когда его привели во дворец на встречу с президентом в первый раз после того, как он выписался из больницы в Тубуа. Все было, как в странном сне. Исчезнув в безбрежном море, он оказался не где-нибудь, а в стране, где жил Президент, правящий народом и островами. Как странно было называть первого человека Огонсото папой, а не господином Президентом. И когда вой сирен стих, юноша из Банаба снова посмотрел на трубку. По словам работника дворца, Президент никогда не пропускал охоты по случаю полного затмения солнца и уже несколько

раз участвовал в этой игре. Шесть тысяч пятьсот шестьдесят восемь дней назад объектом его охоты был клуанг — летучая лисица. Зверек замертво свалился после выстрела дробовика. Четыре тысячи девятьсот двадцать шесть дней тому назад он охотился на виверру. И этот зверек был поражен. Три тысячи двести восемьдесят девять дней назад Президент охотился на старого кабана, который покатился по земле после выстрела президента, прежде чем превратиться в труп. Через день после полного затмения солнца тысячу шестьсот сорок два дня назад его «папа» играл таким образом с обезьяной. Она не успела запрыгнуть на ветку дерева, как пуля перебила ей позвоночник. «Всего несколько дней осталось до очередного полного затмения солнца, всего несколько дней» — подумал юноша из Банаба. — Кто станет очередной жертвой его «папы»?

У себя на родине этот юноша видел полное затмение солнца несколько раз. Поэтому возбуждало его не это явление природы, а предстоящая игра-охота. В этот день он выпустит свою белку, погонится за ней и убьет ее.. Место охоты будет оглашаться криками зрителей и охотников, а также животных, убегающих от преследователей.

Он не переставал думать о предстоящем затмении солнца и об охоте. Картины будущей игры почти постоянно стояли перед глазами даже тогда, когда он входил в кабинет президента, чтобы убраться там либо почитать журналы «Лайф» и «Таймс» или английские книги из коллекции президента. Иногда он вспоминал о том, что было на его родине в Банаба. Как он сдавал экзамен по английскому языку, чтобы поехать учиться в колледж в Сидней. Многие молодые люди на Кирибати, обучающиеся в английских школах, мечтают продолжить образование в Австралии или Новой Зеландии. Многие вынашивают дополнительные амбиции — прославиться там в качестве футболиста или регбиста. Но по причинам финансового характера многие, сдавшие экзамен по английскому языку, так и не могут осуществить своих чаяний.

Юноша добился лучших результатов в Банаба и вошел в первую десятку лучших учеников Кирибати.

Ожидая решения австралийского правительства относительно стипендии, он выходил на рыбную ловлю, как всегда это делал во время каникул. Он часто смотрелся в зеркало и изучал свое лицо. Оно было заурядным, как у простого рыбака.

Иногда он спрашивал себя, почему на лице нет печати интеллекта, почему оно не отражает его способности к языкам. Почему оно такое грубое, темное, с преждевременными морщинами. И почему в тот несчастный день он не проявил достаточной сноровки, чтобы повернуть к берегу, который был еще виден на горизонте, хотя и в виде узкой полоски суши. А ведь он почувствовал приближение бури с запада. И эта небрежность ввергла его в чрево морского ада на целых шестьдесят дней.

Но, поселившись в Огонсото и став приемным сыном президента, он постепенно забыл о морском аде, о хлеставших его волнах. «Да и был ли тот день, когда он проигнорировал признаки надвигавшейся бури, несчастным?» — спрашивал он себя. В конце концов, если бы не было шторма, он бы не оказался в Огонхото, во дворце и не заполучил бы самого президента себе в приемные отцы. После этого перед ним как бы открылись двери рая: прекрасная комната во дворце, библиотека с интересными книгами, хорошая еда, красивая одежда, ежемесячное пособие, намного превышавшее зарплату чиновников в Кирибати, несколько личных машин, телохранители, сопровождавшие его за пределами дворца, общение с известными и богатыми людьми. И даже назначение членом Совета директоров нескольких больших компаний в Огонсото.

Перед ним откпился мир и яркие перспективы, и ничто не мешало ему занять высокое положение в Огонсото и стать известным. Его блестящее знание английского языка поможет ему добиться заметных позиций в бизнесе и политике. Это будет нетрудно сделать. Разве он не приемный сын президента? Разве президент, сделав его приемным сыном, не предоставил ему широкие возможности и радости жизни? Чем он сможет отплатить президенту за его любовь и щедрость?

То, как на самом деле происходила эта игра после полного затмения солнца, не совсем совпадало с его представлениями о ней. Перед полуднем люди собрались у северного подножия вулкана Гора-Гора. То же, говорят, происходило и у вулкана Футу-Ата и Раи-Рапа. Они пришли в традиционных одеждах и головных уборах, украшенных перьями птиц, с ожерельями из разноцветного бисера. Ноги и руки — в браслетах из клыков акулы. Лица раскрашены в три цвета — черным углем, белой известью и красной корой дерева кусумба. Зрители принесли

кожаные барабаны и медные гонги, которые будут звучать с начала игры и до захода солнца.

Старики на Огонсото говорили, что вчера солнце страдало, проглоченное великаном, а сегодня пусть радуются музыке, прежде чем опуститься в ложе ночи.

Солнце повисло отвесно, почти прямо над головой, и каждый участник игры занял свое место. Семья президента, включая приемного сына, находилась в первом ряду на расстоянии ста локтей друг от друга. Во втором ряду, отстоявшем от первого на пятьсот локтей, располагались семьи министров и видных людей Огонсото. Наконец, в третьем ряду — простолюдины. И только за ними — зрители с барабанами и гонгами в руках.

Юноша из Банаба держал белку за загривок, поглядывая на своего «папу». За поясом президента торчал пистолет и нож. Но никаких животных не было видно. Иногда он нащупывал что-то в кармане брюк. «На кого собирается охотиться «папа»? Неужели на сверчка или таракана», — подумал юноша.

Тени на земле становились все короче. Через несколько секунд оглушительно загремят барабаны и гонги.

Юноша из Банаба не хотел начинать игру раньше «папы» и продолжал поглядывать на него краешком глаза. Он видел, как Президент засунул руку в карман брюк, затем достал что-то, низко склонившись к земле. Он разжал руку, как бы отпуская что-то, и затем начал преследование.

Но белка, которой удалось избежать двух острых стрел юноши, унеслась вперед скорее того, что было объектом охоты президента. Юноша из Банаба, преследуя белку, зашел далеко в кусты, в то время как Президент оставался где-то позади.

Солнце клонилось к западу, и в кустах было сумрачно.

Вдруг белка прыгнула на землю. Юноша не успел выпустить свою третью, последнюю стрелу. Он бросился за зверьком еще дальше в кусты. Он был уверен, что никто больше из участников игры не зашел так далеко в чашу леса. Звуки барабанов и гонгов были едва слышны здесь. В это мгновение далеко позади знакомый голос окликнул его.

— Подожди папу.

Он замедлил шаг, потом оглянулся назад, никого не увидел и снова сосредоточил все свое внимание на белке. Но юркий зверек с рыжим мехом уже исчез из виду.



«Ну вот, игра окончена, и я вернусь с поражением», — подумал растроенно юноша из Банаба. Глаза его безуспешно продолжали высматривать рыжего зверька в сумрачной чаще.

«Но нет, не все потеряно», подумал он. Ведь он только что слышал голос «папы». Голос человека, который любит и жалеет его. Его крик мог означать только одно — президент хочет помочь ему с триумфом вернуться с охоты, держа пораженного зверька в левой руке. Да, он выйдет из леса до захода солнца с трофеем, и никто не посмеет спросить, как был убит зверек. Да, он предстанет перед зрителями победителем. Он, приемный сын президента Огонсото.

Сейчас они вместе с отцом прочешут кусты, где спряталась белка. Зверек испугается и побежит. Тут-то он и выпустит последнюю стрелу. Ну а если промажет, то белку сразу меткий выстрел «папы». «Белка должна пасть жертвой в этой игре», — подумал юноша.

А солнце все ниже опускалось на запад.

Вдруг юноша из Банаба услышал выстрел. Пуля просвистела рядом с ним. Он оглянулся вокруг в поисках пораженной белки. Но никаких следов рыжего зверька не обнаружил. Он оглянулся назад и увидел бегущего к нему Президента с пистолетом в руке. Второй выстрел — и пуля прошла на вылет через правую руку юноши. Трубка с отравленной стрелой упала на землю. Он зажал окровавленную рану ладонью левой руки, еле сдерживая боль.

— Папа, это я, — крикнул он, думая, что президент подстрелил его по ошибке, приняв издали за кабана или обезьяну.

Но президент, приближаясь, выстрелил в третий раз, и пуля задела икру левой ноги юноши. Тут только он побежал на одной ноге через чащу, пытаясь спрятаться от «папы». Он бежал, собрав все силы, ничего не понимая. Поворот событий ошеломил его. Чуть погодя, продолжая бежать, он вспомнил, что президент выстрелил трижды.

Юноша замедлил бег. «Что нашло на президента, если он охотится за ним, как за дичью», подумал юноша. Президент выстрелил три раза и он, к счастью, еще жив. Неужели президент решил его убить? И теперь, когда он раненый, выйдет из леса, что будет делать президент? С раной он вернется в президентский дворец. Ведь президент использовал три выстрела, как и предусмотрено правилами игры. Если он действительно стал объектом охоты президента, то игра после третьего выстрела

окончена. Слава Богу, он не убит. Только ранен. И с этой раной, а не с подбитой белкой он вернется во дворец президента прежде чем зайдет солнце. Президент не может продолжать игру и снова стрелять в него, ибо это будет нарушением правил игры предков.

Юноша из Банаба достиг середины склона вулкана Гора-Гора, где лес становился все гуще. Здесь уже совсем не было слышно звуков гонгов и барабанов. Еще немного и солнце скроется за горизонтом, но в лесу уже становилось сумрачно и послышался стрекот цикад.

Он подождет здесь до захода солнца, когда игра официально завершится. Когда Гора-Гора погрузится во тьму, он потихоньку спустится вниз и вернется во дворец. Но когда завтра, послезавтра или еще позже он встретится с президентом, как они смогут смотреть друг другу в глаза? Смогут ли они забыть, что произошло сейчас? И раны на теле останутся лишь простыми шрамами или ранами его души?

Еще чуть-чуть и последние лучи солнца скроются за горой. Юноша из Банаба, еле сдерживая боль, все еще в замешательстве внимательно всматривался в темно-зеленые и коричневые, шевелящиеся, как он думал, от порывов ветра кусты.

Убегая от президента, он несколько раз видел, как шевелятся кусты. На фоне замершего вулкана Гора-Гора, валунов на земле и неподвижных деревьев кусты пошевеливались подобно веточкам веника, которым подметают улицу.

Неожиданно совсем рядом вынурнул президент и выстрелил в четвертый раз. Пуля пробила ладонь правой руки юноши. Одновременно из кустов появились сразу несколько сотрудников президентской охраны, которые набросились на юношу. Один из них с силой стал оттягивать щеки юноши, пытаясь заставить его высунуть язык. Когда ему это удалось, он резким ударом ножа отсек язык юноши. Затем юноша почувствовал, как ему отрезают запястья.

Все произошло мгновенно. Юноша застонал от невыносимой боли, свалился на землю и в последний раз увидел президента, который, удаляясь, крикнул ему:

— Не возвращайся во дворец. Исчезни из Огонсото.

Сторудники охраны в камуфляжах тоже скрылись из глаз.

«Почему я стал жертвой этой игры?» — подумал юноша. Если президент действительно решил сделать его объектом своей охо-

ты без его ведома, то он ведь выдержал испытание, оставшись в живых после трех выстрелов. Только три выстрела — таково правило. Ведь президент знает это. Его должны были оставить в покое с его ранами после третьего выстрела. Президент должен был покинуть лес после захода солнца. Не оглядываясь и ничего не говоря. Но этот лес свидетель, что президент нарушил правила игры, традиционно проводимой на другой день после затмения солнца. Сознательно нарушил. Кроме него самого, потерявшего язык и оба запястья, никто в этом лесу не соблюдал правил игры. Он не только стал дичью президента, но и жертвой его элитной охраны.

Рот наполнился кровью. Он выхаркнул ее и плотно сжал губы. Кровь из раны на месте языка снова стала наполнять рот. Когда рот опять был полон крови, он снова выхаркнул ее. Кровь текла и из обрезанных рук. Стремясь остановить ее, он соединил локти и прижал обе культи к груди. Затем стал медленно подниматься, сдерживая боль и пытаясь заставить слабое тело повиноваться ему. Когда он, наконец, покачиваясь встал на ноги во тьме опустившей ночи, перед ним встал вопрос «Куда идти». О возвращении во дворец не могло быть и речи: президент сам запретил ему это. Надо было вообще исчезнуть из Огонсото. Но как ему найти корабль или лодку? И даже если он найдет их, как сможет объяснить, куда ему надо. Без языка он немой. Никто его не поймет. Не дай бог, начнут еще смеяться над ним. От сомнений, гнездившихся в его душе, ночь становилась еще темнее и непроглядней.

Подниматься выше в горы тоже не было смысла. Там голый склон и кратер вулкана. Нет, подумал он, путь вверх — это прямая дорога к гибели. Осталось попробовать побродить по лесу слева или справа. И тут он вспомнил рассказ о реси.

Он решил идти направо в надежде встретить поселение этих отшельников. Но правда ли, что они живут в этом лесу? Проживя на Огонсото так долго, он лишь раз слышал о них, уединившихся в лесу на склонах вулкана Гора-Гора. Рассказал ему о них сотрудник дворца. Но сам он их не видел. И сейчас именно этот, хотя и невнятный рассказ, стал его надеждой. По крайней мере, если он найдет их, они смогут оказать ему первую помощь.

Он продолжал медленно идти вправо по лесному склону вулкана Гора-Гора. В темноте был слышен шум веток, рассту-

павшихся под напором его тела, и еле сдерживаемый стон от невыносимой боли.

Прошло три часа, когда его глаза наконец-то увидели едва мерцающий свет. «Но, может быть, мне это лишь кажется от потери крови», — подумал юноша. Свет был далеко и расплывался едва различимыми кругами, как мерцание летающих светлячков. «А может быть, это лишь отсвет луны в море», — снова подумал он. Однако почему этот свет нисходит с верхушек деревьев?

Он остановился и прислонился к дереву, закрыл на секунду глаза, затем медленно открыл их и посмотрел в ту сторону, откуда исходил свет. Сначала все было, как в тумане, но затем он стал ясно различать ветви и листья деревьев и месяц на небе. Он услышал также слабые звуки от взмахов крыльев летучих мышей и более сильные и энергичные от крыльев клуангов — летучих лисиц. Он посмотрел на свои руки, прижатые к груди. Без ладоней они походили на две духовые трубки. Обрубки были мокрыми от крови. Красная жидкость струйкой стекала к локтям, а затем капала на ноги. Рот снова был наполнен кровью, и он выхаркнул ее наружу. Но без языка это было сделать нелегко. Часть крови попала на подбородок и оттуда стала капать на грудь.

Он снова посмотрел на луну и деревья, ветви и листья которых казались тенями на фоне золотисто-желтого света луны. Ничего подобного ему не приходилось видеть раньше, и он стоял, как зачарованный. Это чувство усилилось, когда он увидел висящих на ветках клуангов. «Странно, подумал он, что при такой полной луне они не летают. И потом они какие-то очень большие». Затем внимание его снова рассеялось, перед глазами замелькали огни, и образ клуангов, висящих на деревьях головой вниз, исчез.

В этом состоянии помутненного сознания ему привидилось, что несколько клуангов спустились с веток и, шагая, направились к нему. То, что они шагали, было несомненно странным. Затем он почувствовал, как нежные лапы клуангов коснулись его затылка, тела и ног. Трое или четверо клуангов подняли его и понесли к небольшой хижине.

«Я не нашел отшельников. Это они нашли меня», — подумал юноша, почти теряя сознание. Когда его положили, он почувствовал сильное головокружение. Перед глазами с огромной

скоростью кружились деревья и луна. Когда он почувствовал, что отшельники начали лечить его ноги, — не язык и не культы рук — он застонал, поднял руки и широко раскрыл рот.

— Сынок, — мягко сказал один из отшельников. — Когда-нибудь потом ты поймешь, почему мы сначала лечим ноги, а не руки или язык.

Услышав эти слова, юноша замолчал, не пытаясь больше протестовать. Он лежал с закрытыми глазами, чувствуя, как промывают его рыны на ногах. Затем услышал, как один из врачей сорвал стебель какого-то растения и выдавил из него обжигающий сок на пальцы его ног. И только после этого — на икры, бедра и на обрубки рук.

Невольно его мысли снова вернулись к этой странной игре —охоте, которая проводится в Огонсото на следующий день после полного затмения солнца. Сотни лет колонизаторы за-прещали использовать людей в качестве дичи. Но сегодня днем он, сам того не подозревая, стал этой дичью. К тому же президент нарушил все правила. Он не ограничился тремя разрешенными выстрелами и проигнорировал закон: борьба один на один. Почему он стал игрушкой президента? Только потому, что у него лицо заурядного рыбака из Банаба?. Потому что он, несмотря на статус приемного сына президента, оставался чужаком на Огонсото? Только потому что, скрывая знание английского языка, мог читать личные записи президента и книги на английском языке из его библиотеки? Или потому, что президент ничего не захватил с собой на охоту — ни сверчка, ни таракана — и в последнюю минуту решил использовать его в качестве дичи?

Он снова вспомнил, как в течение шестидесяти дней его мотало в море. Разве можно забыть страдания, которые испытывали его тело и душа. Когда его нашли, он был кожа да кости. После лечения, выздоровев, он неожиданно для себя узнал яркий мир Огонсото, стал известным, счастливым и богатым. Его уважали и оберегали. Сейчас, лежа здесь, он ни капельки не сожалел, что это прекрасное время оказалось недолгим. Он сожалел лишь о том, что яркий мир Огонсото, который он узнал, оказался обманом. Шестидесять дней его трепал жестокий океан, вымотав до изнеможения, но оставив целым. В Огонсото за несколько часов этой странной игры он потерял оба запястья и язык.

— Сынок, открой рот, — сказал один из отшельников, — и полощи этой водой. Она горькая. Через два-три дня, если будешь полоскать регулярно, рана перестанет кровоточить.

Юноша открыл глаза и посмотрел на стоявшего рядом отшельника. Он попытался сказать спасибо, но изо рта вырвались только невнятные звуки. В знак благодарности он несколько раз мотнул головой. Отшельник кивнул ему в ответ и ушел, оставив полоскание.

Он все еще не мог свыкнуться с мыслью, что у него нет пальцев, и попытался взять полоскание в руку. Кажется, это так просто пошевелить пальцами и зажать в руке звено бамбука, служившего сосудом. Но пальцев не было, и он был бессилён что-либо сделать. Теперь, подумал он, ему придется учиться зажимать сосуд с полосканием двумя культиями и затем опрокидывать его содержимое в рот.

На другой день его руки почти справлялись с этой задачей — лишь несколько капель полоскания пролилось на землю. На третий день он сумел не пролить ни одной капли и более того, почувствовал, что кровотечение остановилось. Он выплюнул лекарство, которым полоскал рот, и взглянул на свои ноги. Они лежали на пне и таким образом находились выше головы. Он смотрел на ноги и ясно видел пальцы на фоне сияющей луны.

Неужели это поселение отшельников станет его последним прибежищем после Банаба и Огонсото? — спрашивал он себя мысленно. И сам же отвечал. Для него нет больше пути в мир Огонсото, что лежал внизу. Двери туда для него закрыты. Да и сердце его отныне закрыто для этого мира. Вернуться в Банаба? Немыслимо. Как он, искалеченный, предстанет перед теми, кто не знает реальной жизни на Огонсото.

Видя, как отшельники привязывают свои ноги к ветвям деревьев и часами висят вниз головой, подобно гигантским клуангам, он начал проникаться этим чистым миром покоя. Возможно, они тоже испытали когда-то нелегкую долю, но вышли из всех передряг чистыми и неозлобленными.

Все возможно. Но, скорее всего, отшельники висят вниз головой, как клуанги, лишь для того, чтобы очистить свои души и отрешиться от мерзкого мира. «Сознательный уход от мира, отказ от борьбы со злом, — думал юноша, — ничем не лучше царящего в мире зла».

А что же он? Когда-нибудь он выздоровеет. Но тоже будет молчать. Он не сможет рассказать правду о том, что с ним произошло, не сможет развеять все мерзости мира. У него нет языка, и он не в состоянии вымолвить ни слова. У него нет даже пальцев, чтобы все это описать.

Он смотрел на пальцы ног в третью ночь пребывания у отшельников. За маленькой хижинкой лунный свет высвечивал тени деревьев и отшельников, висящих на ветках подобно гигантским клуангам. Он пошевелил пальцами ног и подумал, что теперь ему придется научиться писать ими букву за буквой.

И при этой мысли он понял, почему отшельники решили прежде всего лечить его ноги.

## 6

### Толкователь

Старик, любивший нырять, был единственным отшельником—реси, которого знали жители Аиту. Они слышали, что отшельники есть и в других местах Огонсото. Одни жили в темных пещерах, другие уединялись в расщелинах гор, третьи укрывались в лесах, зависая вниз головой на деревьях, как клуанги. Но жители Аиту других отшельников, кроме старика, любившего нырять, никогда не видели.

Жители Аиту были уверены, что старик, погружаясь в море, не только стремится уединиться там, но и очиститься от мерзостей брэнного мира Огонсото. Таким образом он постигал суть чистоты и правды этой жизни. Чем чаще он нырял и чем дольше оставался в море, тем чище становились и тело, и душа отшельника. Именно поэтому, говорили они, у старика такое умиротворенное лицо и такие ясные глаза, взгляд которых никто не был в состоянии выдержать.

Его лицо постоянно излучало особый, «отшельнический» свет, добавляли они, поэтому и никто из говоривших с ним не мог долго смотреть ему в глаза. И это было одним из признаков отшельничества старика, наряду с его немногословностью. Прежде чем сказать что-либо, он долго думал и затем говорил, тщательно подбирая слова, словно пропуская мед через сито. И слова эти не были простыми, но с подтекстом и двойным смыслом. Таков язык отшельников, говорили они. Как в отфильтро-

ванном меде нельзя выявить нектар одного цветка, ибо пчела могла собрать его с семи разных цветов, так нельзя однозначно понимать слова отшельника.

Каким бы ни немногословным ни был этот старик и какими бы многозначными ни были его слова, нашелся-таки среди жителей Аиту человек, который попытался понять его. Не в состоянии, однако, долго выдержать его взгляда, он находился рядом с ним всего по нескольку минут в месяц, но в течение десяти лет. Что же ему удалось узнать за эти долгие три тысячи шестьсот пятьдесят дней? Жители Аиту утверждали, что этот человек научился понимать язык отшельника, который они называли «осколками жизни». Они утверждали также, что поделившись «осколками своей жизни», отшельник не утратил ни капли своего «я».

Месяцами этот человек пытался соединить разноцветные и многозначные осколки жизни отшельника. Труднее всего, по его словам, было с теми кусками, которые имели почти одинаковую форму, цвет и смысл. Важно было не только знать, как и в какой очередности разместить их (сверху, снизу, слева, справа, спереди, сзади), но и проследить, чтобы соединившись, они соотвествовали общей картине жизни отшельника.

И вот, наконец, этот человек решил, что настало время собрать «осколки» воедино и дать им своё толкование. Однажды, когда несколько его друзей не пошли в море, а остались на берегу, чтобы починить сети, он решил рассказать им, что же у него получилось.

— Вам не придется ждать десяти лет, чтобы услышать конец этой истории, — начал он с шутки. — Вполне возможно, что рассказ займет не более 30 минут. Я сам, как вы знаете, не отшельник, но провел с ним много времени. Он долго думает, прежде чем что-то сказать. Произносит он короткие, но многозначные фразы. Десять лет мне понадобилось, чтобы узнать то, что я собираюсь сейчас вам поведать. Раньше я был просто его собеседником, а сейчас я его толкователь.

Когда-то отшельник, которого мы, в Аиту, теперь знаем, как старика, был молодым. И Аиту был совсем другим. Тогда в нем насчитывалось всего одиннадцать домов, которые тянулись одной улицей отсюда к северу. В одном из них жила семья нашего отшельника.

В те времена жители Огонсото знали хорошо только Татаману, Пукана, Тубуа и Малагану. Эти четыре города существовали уже давно. Аиту, находясь далеко на юго-востоке, был тогда небольшой деревушкой, жители которой рано ложились спать и поздно вставали утром.

Но однажды проснувшись, когда солнце было уже довольно высоко над горизонтом, они были поражены, увидев, что все в деревне стало серым: и листья кокосовых пальм, и листья таро, и море, и берег. Да еще вдобавок на берегу высилась серая глыба. Что бы это могло быть? Они тотчас побежали туда и поняли, что это туша кита.

Никогда прежде киты не выбрасывались на берег Аиту. Ди и пепел вулкана уже сотни лет не долетал сюда. Два плохих предзнаменования одновременно: одно с суши, другое с моря. Самая высокая гора и самая глубокая вода Огонсото прислали этот недобрый знак. И люди спрашивали друг друга, что же могло такого произойти в Огонсото, если Аиту стал свидетелем этих недобрых знаков.

Молодой отшельник заметил, что его соседи и родственники пытаются как-то растолковать увиденное. Расчищая улицу от пепла вулкана или разрубая тушу кита, они только и говорили об этом событии, стремясь найти ответ на вопрос, что бы все это значило. Но оторванные от всего мира, они не могли справиться с этой задачей, а помочь им было некому. В Аиту редко заходили корабли с Татаману, Тубуа, Малаганы или Пуканы, так что никто не мог им рассказать, что там происходило. В первый день молодой отшельник услышал семь различных версий толкования событий, на третий день – сто, а на седьмой – уже тысячу.

На восьмой день покатоое побережье выглядело как обычно. Снова был виден коричневатый грунт земли. И только кучи вулканического пепла, высившиеся по обе стороны дороги, напоминали о том, что недавно случилось. Именно в этот день молодой отшельник впервые погрузился на дно моря. Сначала он просто хотел очиститься от вулканического пепла и запаха гниющей туши кита. Но затем, скрываясь ото всех в чистой воде в одиночестве, он стал вспоминать, чему его учил старый отшельник, и раздумывать о том, что же такого могло произойти на земле, если появилось сразу два плохих предзнаменования. Может быть, Всевышний послал их предупредить людей о го-

товащемся зле и о том, что только чистая и прозрачная вода моря может смыть его? Если его догадка верна, загадал он, то, поднявшийся наверх, он станет свидетелем нового предзнаменования.

Когда он всплыл, то увидел на поверхности моря легкую рябь. Повсюду была чистая изумрудная, переходящая в синеву на горизонте, вода. С запада, по-видимому из Татаманы, быстро приближался к Аиту корабль с туго надутыми парусами. Ветер, гнавший корабль с запада на восток, донес до юноши и запах лошадей.

Молодой отшельник снова погрузился в море и уже не видел, как корабль бросил якорь в небольшой бухте. К вечеру корабль снова развернул паруса и направился на север, вероятно в Раи-Апа.

Вечером на суше молодой отшельник слышал, как люди говорили о большом корабле с Татаману, бросившем днем якорь в бухте Аиту. Матросы с корабля сообщили, что уже десять дней в Республике Огонсото новый президент и что прибыли они в Аиту по его распоряжению. Как только матросы назвали имя президента, жители Аиту сразу же вспомнили. Да и разве можно забыть своего соотечественника с такой славной биографией, начавшейся еще в юности. Ему не было и десяти лет, когда шкипер одного корабля разглядел в нем необыкновенные способности и увез с собой в Европу. Там благодаря своим способностям, трудолюбию и блестящим успехам он стал образцом подражания даже для европейских детей. Он сумел привести корабль, потерявший управление в бурю, из Европы к родным берегам Огонсото. И разве не трогательно было видеть, как он, едва высадившись на берег, на глазах тысячи людей припал к ногам своей матери. Он не стеснялся ее некрасивого и старого лица. Это случилось много лет назад, но жители Аиту, включая молодого отшельника, хорошо помнили об этом событии и сохранили в памяти лицо юноши, растиражированное тогда прессой.

Сегодня днем, повелили люди отшельнику, матросы разбили на берегу палатки. В них временно разместились сотрудники президентской администрации, которые займутся планами развития Аиту. С корабля на берег спущены также десять лошадей. Это белые и высокие арабские скакуны.

На следующий день молодой отшельник снова нырнул в море, чтобы отрешиться от мира и очиститься. Как и раньше,



он опустился на дно и ухватился там за коралл, чтобы тело его не вынесло течением наверх. Не отпуская коралла из рук, он сидел, скрестив ноги, и созерцал прозрачную воду. До его слуха доносился лишь плеск волн на поверхности моря и звук подводного течения, шевелившего камни. Но, погрузившись в раздумья, он не обращал внимания на эти звуки. Он продолжал размышлять о двух признаках беды, ниспосланных Господом, которые требовали от жителей Аиту очищения. Эти два предзнаменования появились вслед за назначением нового президента Огонсото. Есть ли между ними связь? Если есть, то трудно объяснимая, не предусмотренная никакими мудрыми книгами реси. Надо снова и снова все обдумать, попытаться глубже проникнуть в суть событий, чтобы дать им верное толкование. Когда молодой отшельник открыл глаза, то через толщу прозрачной воды увидел отражение пяти белых коней, погоняемых пятью всадниками в красных рубахах по мелководью. Жители Аиту собрались неподалеку. Молодой отшельник вынырнул из воды.

Соблюдая свой ритуал, отшельник снова опустился на дно и еще долго продолжал свои погружения, пребывая в неведении относительно того, зачем здесь появились всадники. Только через несколько дней он узнал от одного из жителей о целях посланников Президента.

В течение первых ста дней правления Президент намерен посетить некоторые районы Огонсото и среди них Аиту. Президент прибудет в Аиту через две недели в выходные дни и визит его не будет официальным. Во время своего нахождения здесь Президент обсудит вопросы развития Аиту и проведет один конкурс. Пятеро его посланников, разъезжая по острову на лошадях, особенно не вдавались в подробности конкурса. Они сообщили лишь, что речь идет о «живом творении». Пришпорив коня в сторону лагеря, где размещались люди из администрации Президента, один из всадников крикнул: «Награда — золотой кокос!»

В это время в Аиту было всего одиннадцать домов. И жители всех этих одиннадцати домов пребывали в замешательстве. Они спрашивали себя, кто же примет участие в этом конкурсе. И что это может значить «живое творение»? Если они примут участие в конкурсе, будет ли их «творение» отвечать запросам Президента?

Жители всех одиннадцати домов начали раздумывать над тем, каким должно быть это «живое творение». Прошла неделя, но никто так и не сумел дать толкового объяснения. Каждый хотел бы избежать участия в конкурсе, но что скажет на это Президент? Наконец, нашлись трое, которые были уверены, что правильно поняли замысел Президента, и отважились принять участие в конкурсе. Среди них был молодой отшельник. И он был не просто молодым, а самым молодым из всех участников.

У каждого из них было всего несколько дней на подготовку «живого творения». Но лишь один из них сможет получить в награду золотой кокос.

И вот они уединились друг от друга и от остальных жителей Аиту, чтобы осуществить задуманное. Понимая серьезность происходящего, жители Аиту старались не мешать им и не подглядывать за ними. Но по привычке отдавая предпочтение старшим, предрекали поражение молодому отшельнику. Они были уверены, что золотой кокос достанется кому-нибудь из более взрослых участников.

Молодой реси несколько раз погружался в море, чтобы поразмышлять над тем, что может значить «живое творение». Главное — правильно угадать, чего хочет от них президент, а создать творение можно и в последний день. То, что я создам, размышлял он, должно быть прекрасным, но не живым. Создание живого — удел Творца. Я же должен создать нечто такое, что только будет казаться живым, будет имитацией живого. И судья конкурса, соединив свой опыт общения с природой, с этим творением, сможет вызвать в своем воображении живой образ того, что на самом деле является лишь имитацией живого.

Решив, что он правильно угадал замысел президента, молодой реси начал копать глину. Он набрал также листьев табака и других растений, а также плодов, из которых получают при кипячении различные краски. За день до конкурса его творение было готово.

В день конкурса в Аиту появились те же пять всадников, что и раньше. Стояла сильная жара. День был пронзительно ясным. На небе не было видно ни одной тучки, и оно казалось высоким. Вокруг Аиту простиралось синее море, покрытое синим зонтиком неба.

— Президент прибудет перед заходом солнца, — сказал один из всадников.

— Все работы, приготовленные для конкурса, — сказал другой, — необходимо закрыть и положить у кромки моря. Никто не должен видеть их, кроме Президента.

Когда солнце миновало полдень, все трое участников принесли свои творения к берегу моря. Но никто ничего не смог увидеть. Работы были тщательно закрыты. Даже участники конкурса не знали, что приготовил каждый из их соперников. Они опустили свои творения на песок и закрыли их покрывалом.

— Только Президент может подойти к ним, — сказал один из всадников. — Только Президент может снять покрывало и посмотреть, что под ним.

Жители Аиту держались подальше от кромки берега. Только трое участников стояли возле своих творений и следили за тем, чтобы ветер с моря не сдул покрывала. Они знали, что как только прибудет президент, им тоже придется отступить на несколько шагов. Президенту надо будет дать возможность одному подойти, посмотреть и оценить их работу.

Издалека жители Аиту смотрели на три куска ткани, закрывавших нечто на белом песке. Покрывало справа принадлежало самому старшему участнику конкурса. Оно было разноцветным и ярким. Покрывало в центре было желтым, а покрывало слева, принадлежавшее молодому отшельнику, — белым и почти сливалось с цветом песка. Внимание толпы привлекало только правое покрывало. Сердца их трепетали в ожидании Президента, в то время как тени продолжали вытягиваться к востоку.

Солнце еще не зашло, но круглая бледная луна уже выплыла на северо-восточной половине неба. Волны все сильнее накатывались на берег с оглушительным ревом. Этой ночью ожидался большой прилив.

В Аиту резко случась праздники. Самым большим считался день большого улова рыбы, который приходился на июль. Но этого дня еще долго ждать и поэтому сегодняшнее событие стало для жителей как бы новым праздником, особую торжественность которому придавал приезд Президента.

И вот показалась кавалькада из пяти всадников. Впереди был президент, чуть позади — четверо его охранников: два слева и два справа.

Первые пять всадников, что прибыли в Аиту раньше, выстроились в ожидании президента в линию лицом к морю. Ког-

да президентская кавалькада приблизилась к ним, они отдали Президенту честь и потом последовали за ним по направлению к участникам конкурса.

Девять всадников остались чуть позади, предоставив возможность Президенту возможность одному подъехать к предметам, лежащим на песке. Участники конкурса тоже отступили на три шага.

Президент спустился с лошади и подошел к предметам поближе. Сначала он приподнял покрывало самого старого участника конкурса. Он сделал это так, чтобы никто, кроме него, не увидел, что там находится. Он лишь мельком взглянул на работу и снова закрыл покрывало. По его взгляду самый старый участник конкурса понял, что он не смог угадать замысел Президента. На трясущихся ногах он подошел к своему творению, отвергнутому Президентом, поднял его и забрал к себе обратно.

Президент приоткрыл покрывало второго участника, тоже осторожно, чтобы больше никто не увидел. И смотрел тоже недолго. И второй участник понял, что не угадал президентского замысла. Он подошел к своему творению, тщательно завернул в покрывало и унес домой. До сих пор ни один из жителей Аиту, за исключением самих участников, так и не знают (а может быть и не узнают никогда), что же за творения придумали их земляки. Последним было стыдно, что они не поняли замысла Президента и этот стыд они пронесли через всю свою жизнь, унеся в могилу.

Когда Президент сорвал покрывало с того, что создал молодой отшельник, сердце того затрепетало, готовое вырваться наружу. То, что Президент решил показать всем его творение, вовсе не означало, что он правильно понял его замысел. Если Президент отвергнет его творение, раскрытое теперь перед всеми, это будет для молодого реси большим позором, чем поражение его соперников, творения которых остались неизвестными для зрителей.

Неожиданно президент вскочил в седло и прищипорил коня по направлению к толпе жителей Аиту, которые издалека с любопытством рассматривали творение молодого реси.

На песке, на фоне набегающих волн прямо у кромки моря лежали, сверкая яркими телами вылепленные из глины рыбки. Одни были одноцветными, другие разноцветными. Чем больше люди смотрели на рыбок, тем больше эти творения из глины

казались им живыми. Движение волн создавало иллюзию того, что рыбки не лежат на песке, а плавают в прозрачной воде мелководья, играя друг с другом: то приближаясь к берегу, то удаляясь от него в чрево синего моря. Все как в жизни. Только в движении было море, а глиняные рыбки по-прежнему лежали неподвижно на белом песке побережья Аиту.

Молодой реси, оцепеневший от напряжения на месте, вдруг осознал, что Президент, оставаясь в седле, несколько раз объехал вокруг него. Потом наклонился и негромко сказал ему:

— Ты самый молодой из участников, но лучше всех сумел разгадать мой замысел.

После этого Президент выпрямился, прищпорил коня и отъехал от отшельника на некоторое расстояние. Все, находившиеся на берегу, включая молодого реси, не спустили глаз с Президента, гадая, что же произойдет дальше.

Президент вынул что-то из седельной сумки. Все, кроме отшельника, были уверены, что это золотой кокос — обещанный приз. Кокос — не слишком большой и не слишком маленький — переливался золотом. Но молодому реси показалось, что кокос вовсе не из золота, что это обычный желтый кокос, смазанный маслом для создания иллюзии блеска. Но толпа этого не замечала. Она была заворожена блеском лучей заходящего солнца, которые отражались от кокоса. Вечернее зарево покрывало землю и все на берегу — и люди, и деревья, и лошади, и эти глиняные рыбки — превратились лишь в силуэты на фоне разлившегося на западе фиолетового света. Волны прибывающего моря с шумом обрушивались на берег. Усился соленый морской запах. И одинокая круглая луна на северо-востоке неба становилась все ярче.

Президент подстегнул лошадь и снова оказался у кромки моря с золотым кокосом в руке. Приблизившись к творению молодого реси, он внезапно швырнул золотой кокос прямо в гущу глиняных рыбок. Жители Аиту — но только не молодой реси — подумали, что такова, вероятно, манера Президента вручать подарки. Отшельник же, увидев, как обломки созданных им рыбок поглощаются волной, увидел в поступке Президента гнев человека, который, считая себя самым посвященным в Огонсото, вдруг понял, что его может обойти простой мальчишка. Несколько мгновений глаза молодого отшельника были прикованы к разноцветным кускам рыбок, которые бы-

стро смывались волнами. Затем он, услышав ржание лошади и цокот удаляющихся копыт, оторвал взор от моря и на фоне почти исчезнувшего солнца увидел удаляющегося президента и его свиту.

За всем этим он совсем забыл о золотом кокосе. На самом ли деле он золотой или обычный желтый кокос? И где он теперь?

Впервые в своей жизни молодой реси приказывал толпе. Некоторым хотели остаться, чтобы поддержать в руках золотой кокос или по крайней мере посмотреть на него. Но молодой отшельник был непреклонен. Наконец, все покинули берег, и реси остался один на один с морем.

Очень редко молодой отшельник погружался в море ночью. Но если делал это, то совершал не более пяти-семи погружений, а затем возвращался домой. Но на этот раз он нырнул в море всю ночь до тех пор, пока не появилось солнце. Неизвестно, сколько тысяч раз он погружался на дно и поднимался на поверхность моря, чтобы глотнуть воздуха. Он уже был на грани изнеможения, когда увидел, как красные лучи восходящего солнца окрасили море на востоке. Его ослабленное и обессилевшее тело было похоже на тельце кальмара, из которого вынули все хрящи.

И тем не менее молодой отшельник решил нырнуть еще один, последний раз, и лишь затем отправиться домой. Когда он уже хотел подняться на поверхность, то заметил внезапно вокруг себя стайку разноцветных коралловых рыбок. Он и до этого видел коралловых рыбок, но все они были белого или серого цвета, как увядшие листья. Разноцветных же он видел впервые, и они напомнили ему о тех рыбках, что он вылепил из глины и которые исчезли, растворившись в морской воде. И внезапно на ум пришла мысль: а не являются ли живые рыбки воплощением его глиняных, так грубо уничтоженных Президентом. Может быть, Создатель заменил то, что молодой отшельник сделал из глины, своим живым творением. И если это так, то можно предположить, что Создатель превратил и золотой кокос в нечто иное. Поднявшись на поверхность моря, он стал внимательно смотреть, нет ли там чего-нибудь, похожего на золотой кокос. Но кроме волн и белой пены, покрывавшей изумрудную поверхность моря, он ничего не увидел. Он бросил взгляд в сторону берега, но и там не было видно никакого округлого

предмета. Если его предположение о кокосе, превратившемся в другой предмет, ошибочно, то и догадка о глиняных рыбках, оживленных Создателем, тоже не верна.

Солнце начало подниматься над горизонтом. Его лучи пронизывали поверхность моря, освещая кораллы и неглубокое дно. Радуюсь появлению разноцветных коралловых рыбок возле места его отшельничества в воде, молодой реси решил еще раз спуститься на дно, прежде чем вернуться домой. Ему хотелось убедиться, что рыбки — не плод его воображения, что они по-прежнему режутся между кораллов.

Он нырнул и открыл глаза. Вот они, рыбки, здесь, никуда не исчезли и ярко снуют вокруг его головы и тела.

Внезапно взгляд его ухватил нечто странное у далекого кораллового рифа. Несколько круглых морских существ с десятками острых шипов прилепились к рифу и жадно пожирали его. Внешне они напоминали золотой кокос. Молодой отшельник быстро проднялся наверх и поплыл к берегу. По пути, когда он находился в воде и затем медленно шагал по мелководью, его не покидало странное чувство. Золотой кокос, уничтоживший его творения, теперь превратился в хищника, пожирающего кораллы. Глиняные фигурки ожили и стали разноцветными коралловыми рыбками. Значит, его догадка верна. Создатель заменил и его творения, и «подарок» Президента. Мертвое стало живым. Одно творение — красивые, всех цветов радуги, рыбки. Другое — серые хищники, разрушающие коралловый риф.

Во время последующих погружений в море молодой отшельник по-прежнему медитировал в окружении ярких коралловых рыбок, а хищники, поедающие коралл, как ему казалось, разглядывали рыбок издалека. Зло следит за добром. И зло это рождено броском руки Президента. И он вспомнил два недобрых предзнаменования, которые были посланы Господом в Аиту совсем недавно. За одну ночь остров покрылся серым пеплом, а на берегу появилась туша мертвого кита. Тогда он не сумел связать эти два предзнаменования с появлением нового Президента. Но после того, что произошло здесь во время конкурса, судьей которого был Президент, и потом, увидев поедающих коралловый риф хищников, внешне напоминающих золотой кокос, молодой реси понял, что предзнаменования посланные Богом, не были случайными.

Ничтожный человек, как я, подумал молодой отшельник, не может противостоять силе и влиянию Президента. Но должен ли я молчать? Бог решил испытать меня, показав мне коралловых рыбок и хищников, пожирающих кораллы. Рыбки — воплощение моего творения, хищники — воплощение творения Президента. Будет правильным, если я уничтожу хищников и тем самым покажу свое отношение к правителю Огонсо. Если их не уничтожить, то погибнут коралловые рыбки. Эта мысль не оставляла его ни на минуту и придавала особую значимость его последующим погружениям. И от этой мысли он подошел к размышлениям о Боге. Добро и зло — порождение Бога. Но тот, кто борется со злом, потом, после смерти получит вознаграждение, упокоившись в нирване. И с тех пор отшельник, погружаясь на дно, стал уничтожать хищников.

— Ты правильно понял отшельника? — спросил один из рыбаков, слушавших рассказ.

— Да, — ответил толкователь. — Речь и поведение отшельника построены вертикально по направлению к Богу. Вы думаете его мир — это только море и этот берег?

Через двадцать один день после того, как толкователь, проведший с отшельником десять лет, поведал этот рассказ, к нему пришел человек из Татаману, представившийся сотрудником администрации Президента. Толкователь понял, что слухи о его рассказе дошли до Президента, и испугался.

— Это правда, — спросил его чиновник из Татаману, — что отшельник говорил о нирване как о вознаграждении тому, кто станет уничтожать хищников, пожирающих кораллы?

— Да, я так понял его, проведя с ним вместе многие годы.

— Так долго?

— Да, я ведь не кончал университетов и не обучался этому. А вы?

Чиновник покачал головой и сказал, что изучал современный менеджмент в нескольких университетах за рубежом. Потом добавил:

— Я хочу встретиться со стариком.

— Встретиться с ним легче, чем понять его слова, — ответил толкователь.

На следующий день они вдвоем направились к дому старого отшельника. Когда они пришли туда, отшельник собирался идти к морю. Толкователь окликнул его и поведал ему о цели

приезда сюда чиновника из Татаману. Как позже рассказывал толкователь, чиновник лишь на миг встретился со взглядом отшельника и тут же отвел глаза.

— Послушай, — сказал чиновник старому реси. — Небезопасно говорить, что каждому, убивающему хищников, пожирающих кораллы, уготована нирвана.

— А кто так говорит? — спросил старый отшельник.

Чиновник из Татаману посмотрел на толкователя и прошептал ему:

— Есть ли какой тайный смысл в вопросе отшельника? Не следует ли понимать его двояко?

— На этот раз нет.

— Тебя могут наказать за то, что вводишь людей в заблуждение, — продолжал чиновник, вновь обращаясь к реси. — Скажи что-нибудь в свое оправдание.

Старый отшельник задумался и затем ответил:

— Господь Бог решает, кому уготована нирвана, а кому нет. Как ты можешь знать, что тот, кто борется с хищниками, пожирающими кораллы, не окажется в нирване?

Чиновник из Татаману повернулся к толкователю и снова спросил:

— Есть ли подтекст в ответе отшельника и следует ли его интерпретировать как-то иначе, чем он звучит?

— Нет, и на этот раз нет.

— Как просто разговаривать с отшельником и понимать его, — прошептал чиновник из Татаману. — А ты пытаешься все усложнить.

Затем он снова обратился к отшельнику:

— Значит, только Господь Бог все решает?

— Верно.

Чиновник из Татаману повернулся к толкователю из Аиту:

— И на этот раз никакой двусмысленности?

Толкователь из Аиту кивнул головой.

— Придет, — четко произнес отшельник.

— Я подожду прихода, — отреагировал чиновник из Татаману быстро.

Толкователь из Аиту похлопал его по плечу и сказал:

— На этот раз слова отшельника нуждаются в толковании.

— Не говори глупостей, — сказал чиновник из Татаману. — Старый отшельник произнес три фразы перед этим. И ни одна

из них не нуждалась в толковании. Их смысл был совершенно ясным.

— Но...

— Никаких но, — прервал толкователя чиновник из Татаману. — Ты все усложняешь. Отшельник сказал «придет», значит я буду ждать прихода.

— Чего вы собираетесь ждать? — спросил толкователь из Аиту, не отрывая взгляда от отшельника, удалявшегося к морю.

— Не чего, а кого, — ответил чиновник из Татаману. — Я буду ждать прихода Бога, ибо только он сможет дать ответ на мой вопрос.

Толкователь из Аиту онемел от удивления и уставился на чиновника, продолжая краешком глаза следить за старым реси. «Он что, с ума сошел, этот чиновник из Татаману», — подумал он. Ни в Аиту, ни в Огонсото еще не было случая, чтобы кто-то ждал прихода Бога. Неужто он собирается растянуться на земле и смотреть в небо, ожидая прихода оттуда Всевышнего?

Чиновник из Татаману смотрел, как старый отшельник приблизился к морю, затем зашел в воду, поплыл и, наконец, нырнул для своих медитаций. Сам он оставался стоять на берегу, давая пищу для пересудов жителям Аиту. Когда наступил полдень, а чиновник все продолжал стоять под палящим солнцем, один из жителей Аиту принес ему поесть и спросил, что тот здесь делает.

— Он придет, — ответил чиновник. — Старый реси сообщил мне об этом. Он сказал это и отправился к морю. Так что я думаю, он придет со стороны моря, со стороны океана.

Эта новость быстро распространилась среди жителей Аиту, но никто из них не верил в такое толкование слов отшельника. Ни их предки, ни они сами никогда не видели (и были уверены, что не увидят) живого Бога. Правда, им приходилось видеть изображения идолов, но это же не живой Бог. Они не понимали, почему чиновник решил, что Бог придет со стороны Океана. И почему он уверен, что Бог даст ему ответ на его вопрос.

А чиновник из Татаману продолжал ждать Бога на берегу. Устав стоять, он садился или ложился на песок, а потом снова вставал, не отрывая взгляда от моря.

Жители Аиту пожалели его и построили ему хижину из пальмовых листьев и принесли необходимую для приготовления пищи утварь. Раз в три дня они поставляли ему батат и воду.



Если кто-то в разговоре упоминал Татаману, он отрицательно кивал головой и говорил, что не вернется туда, пока не завершит дело здесь.

Через несколько лет чиновник из Татаману умер, но глаза его по-прежнему смотрели в сторону моря. В этот же день вечером его тело было отправлено в Татаману на парусном судне.

Многие жители Аиту пришли на пристань проводить его и видели, как корабль, надув паруса, удалялся, увозя тело чиновника в Татаману. После того, как корабль стал еле заметен в дали, они разошлись по домам. Среди них и старый отшельник с толкователем. Старый отшельник шел медленно. Толкователь не спеша следовал в двух шагах позади него.

— Придет, — сказал толкователь. — Ведь, произнося это слово несколько лет назад, ты не имел в виду Бога? Я прав?

— Да, — ответил тихо старый реси

— И речь шла не о том, что «смерть придет» к чиновнику из Татаману. Так?

— Хм, — пробормотал старый отшельник.

— Когда добро побеждает зло, — продолжал толкователь, — побеждает собственно не добро, а правда. В этом мире нам людям трудно узнать правду и добиться ее. Смерть пришла, забрала чиновника, но он так и не узнал правды. Есть правда, которую можно постичь лишь в другом мире, представ перед Богом.

Но правда эта придет к нам в конце концов. Ведь ты это имел в виду, говоря несколько лет назад «придет»? Ведь так?

Толкователь ждал ответа, но старый отшельник так ничего и не сказал больше. И вдруг толкователь услышал, что отшельник плачет. Потом отшельник остановился, ожидая когда толкователь поравняется с ним, и взял его под руку. И так, взявшись под руки, они пошли дальше. Отшельник больше не сказал ни слова, оставив последний вопрос толкователя без ответа. Но то, что он взял его под руку и шел рядом с ним, могло означать, что реси согласился с его толкованием.

Солнце почти скрылось за горизонтом, и Аиту погрузился во тьму. В порту было тихо. Корабль, увозивший тело чиновника в Татаману, совсем скрылся в западной части моря.

## 7

### Стервятник

Рунакита в политической истории Огонсото известен как город, богатый на противников Президента. В этом году там появился очередной оппозиционер — мужчина с харизматической внешностью. Его увлечением была охота. Когда Президент узнал о том, что в Рунакита обнаружился деятель, угрожающий его власти, он вызвал к себе молодого политика, до того ничем не проявившего себя на политическом поприще, и попросил его устранить мужчину из Рунакита, представив его смерть несчастным случаем.

Молодой политик, не долго думая, согласился выполнить эту нелегкую миссию. Какой шанс, подумал он, подняться по лестнице власти! Не каждый становится доверенным лицом Президента. Молодому политику было известно также, что у мужчины из Ранакита была красивая молодая дочь. Она в конце концов будет моей, решил молодой политик, который считал, что женщины для того и существуют, чтобы удовлетворять похоть мужчин. Так что согласившись с предложением Президента, он и сам не был уверен, что руководило им прежде всего: желание заполучить себе в постель девушку или ступить в коридоры власти Огонсото.

Устранить мужчину из Ранакита, думал молодой политик, будет попроще, чем завоевать сердце его дочери. Но он должен убить мужчину из Ранакита так, чтобы это выглядело несчастным случаем, и чтобы, передавая девушке тело ее отца, он предстал бы в ее глазах его другом. После этого останется только ждать, когда она откроет ему свое сердце. И он уже предвкушал, как эта красавица окажется в ловушке его страсти.

Улицы и переулки на окраине Ранарита в то утро были еще безлюдны. Когда молодой политик шел по тротуару, он слышал лишь звуки собственных шагов и видел пыль, поднимаемую ветром.

Он был в костюме охотника, какие не редкость в Огонсото. На правом плече висело ружье, на левом лук, на поясе — зачехленный нож. Он шел, не останавливаясь, пока не оказался у ворот одного дома. Ворота были плотно закрыты. Колчаном из бамбуковой трубки, из которой торчали стрелы, он несколько раз постучал по воротам. Стук этот удивил мужчину и его дочь.

— Пойди посмотри, кто это пришел так рано, — сказал мужчина дочери.

Молодой политик увидел, как девушка вышла из боковой двери дома и направилась к нему. У него захватило дыхание, когда он увидел ее лицо. Девушка была прекраснее всех, кого ему приходилось видеть. Может быть, она даже была самой красивой во всем Огонсото.

— Вы кто? — спросила она.

Молодой политик улыбнулся. Жестом правой руки он показал на свою одежду — разве не видно, кто он? Но девушка продолжала стоять, ожидая ответа.

— Охотник, — сказал он. — Я бы хотел пригласить твоего отца поохотиться вместе на оленей.

Услышав ответ, девушка бегом бросилась обратно. Охотник не спускал вожделенных глаз с изящной фигурки девушки, пока та не скрылась в доме.

Охотнику пришлось долго ждать, стоя перед воротами, когда он, наконец, увидел мужчину около пятидесяти лет, который, выйдя из передней двери дома, направился к нему.

— Так значит ты охотник, — сказал он, открывая ворота. — Входи. Поговорим. Но я не уверен, что пойду с тобой на охоту.

От этих слов у молодого политика оборвалось все внутри, но он послушно последовал за мужчиной во двор. Наблюдая за мужчиной сзади, молодой охотник представлял, как его тело, пока еще живое и опускающееся сейчас на пень под деревом, превратится в труп.

— Где ты собираешься охотиться на оленей, — спросил его мужчина, приглашая жестом сесть вместе с ним на пень.

Молодой охотник сел рядом с мужчиной и потом ответил:

— Где же еще, как не в лесах Раи-Рапа. Тигров здесь давно уже нет.

— Тигров... — повторил мужчина.

Молодой охотник повернул к нему голову и внимательно посмотрел на него. Правду говорили люди, харизмы ему не занимать. Высокого роста, сильный и голос уверенный, свидетельствующий о высоком интеллекте, и в то же время не чуждый чувствительности.

— Много лет назад, как то вечером, — продолжал мужчина, сидящий рядом, — один из тигров Гора-Гора перегрыз горло

моей жене, когда я прицеливался в оленя. От ее крика олень убежал, а ружье выпало из моих рук.

Молодой охотник встал и положил руку на правое плечо мужчины. Он не убирал руки, пока не почувствовал, что мужчина успокоился.

— Сейчас тигров больше нет, — сказал мужчина, вставая. Они вымерли в Гора-Гора, исчезли в Футу-Ата, пропали в Раи-Рапа. Японские тракторы, приводимые в движение хищнической политикой развития Огонсото, уничтожили их всех.

— Кроме диких оленей, — заметил молодой охотник. — И если бы в тот вечер много лет назад, ты успел бы убить оленя...

Мужчина посмотрел на молодого охотника и ему представилось стадо оленей, пасущихся на склонах гор в лесах Раи-Рапа.

Мужчина оставил молодого охотника во дворе и быстро прошел в дом, чтобы посмотреть записи в своем дневнике. На следующей неделе он выступает с тремя лекциями, но на этой неделе не было никаких важных политических дел. Так что «если на этого молодого охотника можно положиться, то я возможно, пойду с ним на охоту» — так записал он в своем дневнике.

Молодой охотник ждал его во дворе. Когда мужчина вновь появился, молодому охотнику показалось, что лицо его немного просветлело.

— Но, — услышал молодой охотник слова мужчины, — охотиться на оленей нелегко.

Молодой охотник открыл клапан одного из своих карманов и, достав небольшой альбом с фотографиями, протянул мужчине. Тот тут же открыл его и стал разглядывать фотографии под внимательным взглядом молодого охотника.

— Трофеи моей охоты в лесах Футу-Ата, — пояснил молодой охотник. — Этому оленю два года... А это моя фотография с охотничьими трофеями в лесах Гора-Гора. Я хотел подстрелить только оленя, но этот кабан напал на нас, когда мы возвращались домой. Так что я подстрелил и его. А это...

— О, у тебя уже большой охотничий опыт, — сказал мужчина. — Кажется, уходя на охоту, ты никогда не возвращаешься с пустыми руками.

— Да, — ответил молодой охотник, — каждый раз, когда я иду на охоту, я добываю трофей.

Мужчина, конечно, не знал, что у этих слов молодого охотника двоякий смысл. Для него охотничьим трофеем мог быть только кабан, либо олень.

— Но мы не можем охотиться без лицензии, — сказал мужчина.

Молодой охотник улыбнулся. Мужчина сказал «мы», подумал он. Значит убедить его пойти на охоту будет не трудно.

— Вот, — молодой охотник достал из кармана брюк два листка бумаги. — Это охотничья лицензия на двух оленей-самцов. Лицензия действительна только в течение ближайших трех дней.

— Хм.

— А эту бумагу необходимо заполнить после того, как мы подстрелим оленей: дата, примерный возраст животных, размеры и способ, каким они вывезены из леса. Эту бумагу надо будет передать в управление охоты, предварительно подписав ее.

— Все так четко и ясно, — удивился мужчина. — Я и не думал, что такое возможно в Огонсото. Ну если так, то я пошел собираться.

Молодой охотник слащаво улыбнулся и почтительно поклонился мужчине. А тот, не теряя времени, быстро вернулся в дом.

Его дочь, наблюдая все это время за ними из окна, уже знала, что отец дал уговорить себя пойти на охоту. Так весело и размашисто он шагал только тогда, когда собирался поохотиться. Таким она не видела его уже несколько месяцев, ибо отец постоянно был занят напряженными политическими делами. Собираясь, мужчина, давал разные наставления дочери.

Ожидая возвращения мужчины, молодой охотник вышагивал по двору, размышляя. Он хотел выполнить свою миссию без промедления. Чем быстрее мужчина умрет, тем быстрее взойдет его, молодого политика, звезда на политическом небосклоне Огонсото. А свет ее принесет и положение в обществе, и богатство. И он вспомнил разные несчастные случаи на охоте, когда один охотник случайно убивал другого, принимая его за дичь.

Находившаяся с отцом его молчаливая дочь слышала, как он по телефону договаривался с кем-то, чтобы его и молодого охотника отвезли в лес на джипе. Когда отец собрался уже выходить из дома в полной охотничьей экипировке, девушка только и сказала:

— Не слишком ли быстро ты поверил человеку, с которым только-только познакомился?

Мужчина улыбнулся и затем поцеловал ее в макушку.

— Ты всегда во всем сомневаешься. Я уже испытал его. Он действительно всего лишь охотник. И хороший охотник. Не беспокойся. Самое позднее, через три дня я вернусь из леса с оленевой.

Размышления молодого охотника, оставшегося во дворе, о том, как он совершит убийство, были прерваны появлением мужчины и его дочери. И в это же самое время послышался рев приближающегося джипа.

— Чтобы побыстрее оказаться на месте охоты, нам нужен джип, — сказал мужчина молодому охотнику. — Я попросил своего знакомого отвезти нас туда. Ты, наверно, не знаешь, что в районе первой и второй застав уже нет лесов, поэтому он подбросит нас до третьей заставы. А оттуда мы пешком пойдем до четвертой или пятой и там уже будем искать оленей.

— Я впервые буду охотиться в лесах Раи-Рапа, — сказал молодой охотник.

Старенький облезлый, бывший когда-то черным, джип остановился перед открытыми воротами. Водитель вышел и помог погрузить провиант и оружие, включая топор, который захватил мужчина.

— Топором будет легче рубить туши оленей, нежели ножом, — пояснил мужчина, увидев, что молодой охотник поглядывает на топор.

Погрузив вещи, они сели в джип и поехали. Мужчина помахал дочери. Молодой охотник бросил на нее полный вождения взгляд.

Когда они въехали на мост через речку, водитель вдруг остановил джип и сказал:

— Река эта берет начало возле седьмой или восьмой заставы. На лодке можно доплыть лишь до второй, после этого много порогов. Но от истоков реки плыть сюда легче, особенно если пройдут дожди.

После этого водитель снова тронул джип, и скоро они были возле первой заставы у подножия горы.

По дороге молодой охотник видел лишь голые склоны. Только кое-где просматривались клочки земли, поросшие травой. Мужчина в это время рассказывал, как он охотится тут на лисиц

или зайцев, когда выпадает свободное время. Он говорил о том, какие бывают ветры на склоне горы, как пахнут лисицы, как распознать нору, в которой живет заяц и как заставить его выйти оттуда.

Слушая, молодой охотник продолжал обдумывать свои планы. Мужчина — крепкий орешек. У него зоркий глаз и острый нюх. Наверняка и хороший слух. Но разве это могло остановить молодого охотника? Он уже заразился идеей убийства. Для него было все равно — подстрелить дичь или политического зверя, который угрожает Президенту. Всего лишь одна пуля, и результат — смерть.

Джип приблизился к третьей заставе. Когда молодой охотник посмотрел вверх, то увидел в небе несколько птиц, парящих над верхушками деревьев.

Водитель остановил джип у камня с надписью «Третья застава». Он вышел, а за ним и два его пассажира. Вместе они начали выгружать снаряжение и провиант.

— Как мы уже договорились по телефону, — сказал водитель, обращаясь к мужчине, я оставлю вас здесь, но назад вы будете добираться сами. Вы охотники, народ увлекающийся и за охотой все забываете, не замечаете ни дня, ни ночи, ни голода, ни жажды. В прошлом не раз бывало так, что, договорившись встретиться у третьей заставы в определенное время, вы так и не появлялись. Поэтому лучше не связывать себя никакими обещаниями. Возвращайтесь самостоятельно.

Сказав это, водитель сел в кабину и потрепанный, бывший когда-то черным, джип начал спускаться по склону обратно вниз.

Оставшись вдвоем, мужчина и молодой охотник, начали навьючивать на себя вещи.

— Молодому полагается идти впереди, — вдруг сказал мужчина.

Молодой охотник вздрогнул, но сумел взять себя в руки и не выдать удивления.

— Хорошо, — ответил он и пошел в сторону четвертой заставы, ориентируясь на указатели.

Мужчина следовал за ним. План убийства осложняется, — подумал молодой охотник. Если бы мужчина шел впереди, а он позади, то прицелиться было бы нетрудно. В удобный момент он бы закричал, мужчина обернулся и тогда он бы нажал

на курок. Бум! И мужчина упал бы на землю бездыханный. На теле остался бы след от пули, вошедшей спереди, а не сзади от трусливого выстрела в спину.

Незадачей было и то, что мужчина, как в этом убедился, оглянувшись назад, молодой охотник, не выпускал из рук ружья. Если я повернусь и попробую выстрелить в него, продолжал размышлять молодой охотник, то он может опередить меня и тогда трупом стану я. Он ведь без промаха попадает в лисицу.

Молодой охотник закинул голову вверх. Под серыми облаками кружили с распростертыми крыльями стервятники.

— Птицы ищут, чем бы полакомиться, — подумал молодой охотник. — Что ж, завтра вам будет труп, смердящий до самого неба.

Когда они дошли до четвертой заставы, уже стемнело. Они разожгли костер и сели вокруг него друг против друга. Прислонившись спиной к стволу дерева, молодой охотник надеялся, что мужчина, сидевший напротив, уснет раньше его. Но не тут-то было. Мужчина не только продолжал бодрствовать, но и не выпускал ружья из рук. Он привык спать мало. Чтение книг и его политическая работа не оставляли ему много времени. Обычно он ложился спать в час ночи, а в пять утра уже был на ногах. Так что первым заснул молодой охотник: в часов одиннадцать мужчина увидел, что глаза его сомкнулись и он сильно захрапел.

Молодой охотник проснулся в шесть утра. Мужчина напротив кипятил воду.

— Вы что, совсем не спали? — спросил молодой охотник.

— Спал, — ответил мужчина. — Но ты уснул раньше. Когда я был таким же молодым, как и ты, я спал больше. Сейчас время дорого — надо еще много успеть сделать в жизни.

Молодой охотник криво усмехнулся.

— Давай завтракать, — предложил мужчина. — Я взял воду из ручья. Охотники Футу-Ата верят, что если попить воду из того же ручья, к которому животные приходят на водопой, то учуять их будет легче.

Пока они завтракали, костер, потрескивавший вчера огнем, потух. Более четко стало слышно журчание ручья. Солнечные лучи пробивались сквозь густую крону деревьев на востоке.

— Я чувствую запах оленей, — сказал мужчина.

— Я тоже, — ответил молодой охотник.

Они поставили кружки на землю и тихонько потянулись к своим ружьям.

— Давайте сделаем так. Вы пойдете на восток, а я на запад, — предложил молодой охотник. — Так мы окружим оленей с двух сторон.

— Нет, — ответил мужчина. Охотники Футу-Ата так не делают. За кустами я могу принять тебя за дичь и выстрелить. Мы будем следить за оленями вместе.

Скрепя сердце, молодой охотник вынужден был согласиться, и они вместе пошли туда, откуда доносился запах оленей.

Через несколько минут, продравшись сквозь кусты, они увидели стайку диких оленей. Четыре самца и семь самок паслись на склоне около ручья.

— День-два, — сказал молодой охотник, — олени будут оставаться тут, если их не спугнуть выстрелом. Но спугнуть их, кроме нас, никому, ибо лицензия на охоту есть только у нас.

— Что ты хочешь этим сказать? — спросил мужчина.

— У нас есть время сделать лодку или плот, чтобы потом переправить оленей по реке, — пояснил молодой охотник.

— Ты прав, — согласился мужчина. — Нас не ждут у третьей заставы. Да если бы кто-нибудь и ждал, все равно туда надо как-то добираться. Не на себе же тащить две туши. Так что без лодки нам не обойтись.

Они покинули это место и отошли по берегу ручья далеко от оленей, чтобы не спугнуть их. Они нашли подходящее дерево — с прямым стволом и мягкой и легкой древесиной.

— Дайте мне топор, — сказал молодой охотник. — Я буду рубить дерево.

Мужчина подал ему свой топор. Молодой охотник принялся за работу, в душе надеясь, что падающее дерево придавит мужчину.

Но когда дерево затрещало, готовое свалиться на землю, мужчина отбежал в сторону, оставшись невредимым.

Целый день они выдалбливали ствол, чтобы получилась лодка, способная вместить и их, и две туши оленей. Нос лодки сделали заостренным: так ей легче будет проходить через пороги.

К вечеру долбленка была готова, и они столкнули ее в ручей. Лодка устойчиво держалась на воде. Убедившись, что она выдержит и их, и туши оленей, они причалили ее к берегу.

Вечером, поужинав, каждый из них стал делать себе весло из остатков срубленного дерева. Молодой охотник опять уснул раньше мужчины, и храп его был сильнее, чем в первую ночь.

Когда он проснулся, уже светало. Он быстро схватил ружье, ища глазами мужчину.

Потом почувствовал хлопок по плечу.

— Пора на охоту, — услышал он голос мужчины позади себя. — Вставай!

Мужчина потянул его за левую руку, и остатки дремы покинули молодого охотника.

Они продрались через вчерашние кусты и, наконец, снова увидели оленей, пасущихся на склоне у ручья.

— Мы вместе поползем туда, — сказал мужчина, показывая на островок кустов. — Там мы будем ближе к оленям.

Молодой охотник кивнул и пополз вслед за мужчиной к кустам вблизи диких оленей.

Оказавшись на месте, они выбрали себе по оленю-самцу и начали прицеливаться.

— Зря мы это делаем, — прошептал вдруг мужчина.

— Зря?

— Надо подождать, когда олени спустятся к воде, — пояснил мужчина. Если мы подстрелим их сейчас, нам придется тащить их отсюда к ручью. А если мы сделаем это у воды, нам останется только подогнать лодку и погрузить их в нее.

— Мы подождем, — согласился молодой охотник.

— Стрелять будем по моей команде и одновременно. Я возьму на себя оленя, что поближе к воде, а ты следующего.

— Хорошо.

— И стрелять надо наверняка. Мороки не избежать, если раненый олень убежит далеко от воды. Ты знаешь, куда надо целиться, чтобы убить его с первого выстрела?

— Знаю.

Они продолжали молча ждать.

Во время этого ожидания молодой охотник снова задумался о своей миссии. Сколько времени уже потрачено впустую, — говорил он себе. А охотник еще жив и по-прежнему мне не доверяет. Уж если он мне не верит, то поверит ли его дочь? Ах, какая разница. Все равно она будет моей.



Он стал размышлять, как лучше ему добраться до мужчины в тот же день. Но тут они увидели, как олени, включая трех самцов, направились к воде.

Они тщательно прицелились.

Через несколько мгновений лес отозвался испуганным эхом выстрелов. Два самца лежали на берегу. Оставшиеся олени стремительно убежали в лес. Разлетелись птицы. И только высоко в небе продолжали кружить стервятники.

— Я пригону лодку сюда, — сказал молодой охотник. — А вы подождите здесь.

Он встал, держа ружье в левой руке.

— Нет, — сказал мужчина. — Мы пойдем за лодкой вместе.

Молодой охотник потерял дар речи и... возможность изподтишка застрелить мужчину. Он направился к лодке, мужчина за ним. Через несколько минут они были у стоянки, где ночевали накануне, забрали весла и вещи, погрузили их в лодку. Затем столкнули лодку в воду, положив вещи на корму.

— Ты садись спереди, — сказал мужчина. — а я буду грести сзади.

Ничего не ответив, молодой охотник послушно сел, но лицо его стало пунцовым. Перед этим он решил, что если мужчина будет грести спереди, он ударит его веслом по голове. Но этого не случилось, и теперь надо будет ждать нового удобного случая.

Лодка легко разрезала волну, приближаясь к месту, где лежали туши оленей. Когда они были уже близко от берега, то увидели стервятников, низко круживших над трупам оленей. Корпус лодки коснулся речного дна. Мужчина, увидев, что стервятники вот-вот опустятся на оленей, прыгнул в воду и начал кричать, чтобы спугнуть хищных птиц.

Именно в этот момент молодой охотник размахнулся изо всех сил веслом и ударил мужчину по затылку.

Мужчина замолк и свалился в воду.

Молодой охотник выпрыгнул из лодки. Левой ногой он придавил голову мужчины в воде. Одновременно из кармана рубашки он достал листок бумаги и ручку. Довольно улыбаясь, он записал дату и время убийства, место убийства — берег ручья, орудие убийства — весло, пол — мужской, рост — шесть футов и два дюйма, способ доставки из леса — долбленка. Заполнив бумагу, он посмотрел на тело мужчины в воде. Оно не шевелилось.

— Извини, ты стал моей дичью, — пробормотал молодой охотник, свернул листок и снова положил его в карман. — Может быть, твое весло красивое, но мое зато толще.

Молодой охотник взял весло, отнес его на берег и там забросил в кусты.

Он сидел на берегу, обхватив колени руками, и смотрел на оленей, на ручей, в котором лежал труп мужчины, на качающуюся на воде лодку.

— Олени не имеют значения, — размышлял молодой охотник. — Лицензия на охоту и бумага с данными об убитых животных тоже, ибо все это подделка. Важно одно: он свою миссию выполнил. Критик Президента, мужчина из Ранакита мертв. Сейчас он должен подумать, как объяснить смерть мужчины, чтобы она не помешала ему обосноваться в коридорах власти Огоното.

На следующий день рано утром лодка, на которой он плыл, достигла большой реки. До этого ему пришлось преодолеть несколько порогов. Но молодой политик знал, что до Куала-Ранакита еще несколько часов пути.

Неожиданно он увидел моторную лодку, мчавшуюся вверх по течению реки. Он поднял весло, обхватив его обеими руками, подавая знак, чтобы моторка замедлила ход. Водитель моторки заглушил мотор и продолжал плыть по инерции за счет продолжающих крутиться лопастей винта. Он не понял знака, но его заинтересовала сидящая низко в воде долбленка, на корме которой виднелись две головы оленей, а за гребцом — привязанное к нему неподвижное тело человека.

— Что случилось? — спросил водитель, когда моторка поравнялась с лодкой молодого политика.

— Несчастный случай. Его придавило стволом дерева, которое мы рубили, чтобы выдолбить лодку. Я везу его тело со вчерашнего вечера и все время боюсь, как бы его не вытряхнуло при прохождении порогов.

— Смелый ты человек, — сказал водитель, наморщив лоб.

— Да еще этот стервятник, — добавил молодой политик.

— Стервятник?, — переспросил водитель моторки и посмотрел в небо. — Да вроде не видно. А что?

— Вчера весь вечер лодку преследовал большой стервятник. Он летал низко и пытался клюнуть в плечо погибшего. Я отгонял стервятника веслом, но безуспешно. Сначала он, правда,

улетал, но потом снова появлялся. Тебе приходилось близко слышать шум крыльев стервятника? Шум крыльев и наводящий ужас голодный крик прямо возле уха, словно крик из самой пре-дисподней.

— Стервятники действительно адовы птицы, — сказал водитель, разглядывая содержимое лодки молодого политика.

Кровь на шеях оленей уже запеклась. Лицо мертвого мужчины было синевато-бледным, его подбородок покоился на плече гребца, а рот как будто шептал ему что-то на ухо.

— Давай переложим тело ко мне, — сказал водитель. — Я отвезу его в Куала-Рунакита. Так будет быстрее.

— Нет, — ответил молодой политик. — Это мой знакомый, и мой долг передать его тело дочери со всем моим почтением.

— Ну если так, — сказал водитель моторки, — тогда скажите, где живет эта девушка, я предупрежу ее.

Молодой политик дал ее адрес и попросил еще позвонить в администрацию Президента в Татаману своему другу и сообщить ему о происшествии. Молодой политик знал, что как только весть о смерти мужчины из Рунакита дойдет до президента, сюда сразу же сбегутся журналисты. Его имя станет известно всей стране, и волна этой известности принесет его в коридоры власти Огонсото.

— Ты оставил туши оленей в лесу? — спросил водитель моторки, отплывая от лодки молодого политика.

— До оленей ли тут. Надо было быстрее доставить тело моего знакомого, — прокричал молодой политик, так как моторка была уже довольно далеко.

Вскоре послышался рев мотора. Молодой политик проводил взглядом моторную лодку, которая сначала двигалась медленно, но скоро набрала скорость и стремительно умчалась вниз по течению. А сам он снова продолжил греблю. Крепко сжимая весло в руках, молодой политик вспомнил, как они с мужчиной делали весла. В тот вечер он чувствовал себя совершенно разбитым и хотел побыстрее закончить весло, чтобы лечь спать. Он не гнался за красотой. Главное, чтобы оно было большим и увесистым, способным отправить противника на тот свет. Свое заслуженное весло он выбросил в кусты, а в руках сейчас сжимал весло, сделанное мужчиной из Рунакита, холодный труп которого он привязал к себе сзади. Одного весла для долбленки достаточно, больше и не надо.

Солнце уже было высоко, когда толпа в Куала-Рунакита за-метила лодку, медленно плывущую вниз по течению реки. Дочь мужчины из Рунакита стояла у самого края пристани и тоже смотрела на лениво плывущую долбленку, в которой находилось тело ее отца.

— Действительно ли его придавило деревом? — думала девушка, не спуская глаз с приближающейся лодки.

Она знала, что порой бывала чрезмерно мнительной — на это указывал ей и ее отец. Но вправе ли она подозревать что-либо плохое сейчас, видя эту странную «связку» между молодым охотником и телом ее отца. Только честный и ответственный человек способен выдержать два дня пути, привязав к себе сзади тело мертвого человека, чтобы затем передать его родственникам.

Но потом ее вновь охватили сомнения. И снова она пыталась прогнать их, слушая от людей то, что рассказал им водитель моторки.

Посмотрите на эту маленькую долбленку! Он оставил туши двух оленей в лесу, захватив лишь их головы. Убитая дичь для него безразлична. Он не мог оставить тело мужчины в лесу или похоронить его там. Так поступить мог только честный и ответственный человек. Он знал, что долбленка слишком узка, но сумел доставить тело, не потеряв его при проходе через пороги, привязав его к себе. Во всем Огонсото не сыщешь второго такого смельчака. Мало того, что он плыл день и ночь, не смыкая глаз. Он еще отразил нападение большого стервятника, который норовил вырвать клочок мяса из тела погибшего мужчины. Большие стервятники на всех наводят ужас, но молодой политик не дрогнул и победил.

Честность, ответственность молодого политика, его готовность не щадить себя надолго стали предметом разговоров жителей Огонсото. О нем говорили не только как об образцовом политике, но и как о новом герое страны. Прошли месяцы после того, как тело мужчины из Рунакита было кремировано, и его дочь принесла из крематория домой керамическую урну с прахом отца, а восторги по поводу поступка молодого политика не утихали.

Однажды, когда девушка протирала урну с прахом, она услышала по радио, что молодой политик назначен заместителем министра. Девушка не знала, радоваться этому известию или

нет. Молодой политик, возможно, и заслужил этот пост, но ведь именно он дал отцу уговорить себя пойти на охоту, которая так трагически закончилась для него.

Девушка услышала стук в ворота. Сердце ее тревожно забилось. Вот таким же утром несколько месяцев назад постучал молодой политик, чтобы пригласить отца на охоту. На этот раз в воротах стоял продавец цветов с букетом белых роз. Букет был таким большим, что закрывал все его лицо.

Она внесла букет в дом и прислонила его к стене, затем достала и открыла находившееся в нем письмо. Она сидела в кресле-качалке, смотрела на листок бумаги и словно слышала голос политика, шептавшего ей на ухо.

— Ты наверно уже знаешь о моем новом назначении. Конечно, радостная весть. Да и разве можно не радоваться доверию Президента, который назначил тебя заместителем министра. Высокое положение, которое дает возможность надеяться на получение в будущем и министерского поста. А это почет, уважение, деньги. Но, откровенно говоря, — а я человек прямой и честный (об этом можешь судить по тому, как я вел себя во время происшествия с твоим отцом) — эта радость скоро сменилась грустью, ибо тебя, отрады моего сердца, нет рядом со мной, чтобы вместе разделить эту радость.

Я человек прямой. Повторяю, прямой, и буду с тобой откровенен. Я женат и имею трех наложниц. Но они, отрада моего сердца, по сравнению с тобой, ничто. Если бы мы встретились раньше, до того, как я женился, моей женой стала бы ты. Единственной, на всю жизнь. И никакие наложницы были бы мне тогда не нужны. Но прошлого не изменить. Я женился и завел трех наложниц до того, как встретил тебя. А адат Огонсото не разрешает развода. О, этот жестокий и несправедливый адат! Если бы у меня была власть, то первым, что я бы сделал, так это отменил адат, чтобы ты стала моей женой на всю жизнь. Откликнись на мою любовь не только ради меня, но ради нас обоих. Ты станешь моей наложницей. Не пугайся этого слова — я тоже не люблю его. Ты станешь моей повелительницей, и я больше не взгляну ни на одну женщину в мире.

Взгляни на розы, что я передал тебе. В каждом бутоне — частичка моего сердца. Каждый лепесток говорит о моей любви к тебе. Любви, какой мне не пришлось испытать прежде. Вдыхая

аромат роз, скажи «да». Только этого святого слова ожидает изнывающий от любви человек в столице Татаману.

Девушка улыбнулась, потом сложила письмо. Молодой охотник превратился в молодого влюбленного. И этот молодой влюбленный не забыл написать номер своего телефона в Татаману. Девушка не знала, верить ли ей красивым словам молодого охотника, и оставила письмо без ответа.

На другой день она получила второй букет роз и письмо, не менее страстное, чем первое. Но девушка все пребывала в сомнениях и на письма не отвечала. Однако букеты и записки продолжали поступать ежедневно. Через девяносто девять дней девушка подошла к урне с прахом отца, погладила ее и тихо произнесла:

— Завтра будет сотый день с тех пор, как он начал посылать мне цветы и письма. Разреши своей мнительной дочери ответить ему взаимностью. Может быть, с сегодняшнего дня я перестану сомневаться в людях.

После этого она подошла к телефонному столику и сказала молодому политику в Татаману короткое «да».

Через неделю девушка в новом белом платье ждала молодого политика в его доме в Рунакита. Он обещал быть в девять часов. Она стала его наложницей, и в эту ночь ей предстояло отдать ему свою девственность. Ей было страшно, ибо впервые она обнажится перед мужчиной и окажется с ним в одной постели.

Чтобы отвлечься, она стала кружиться, танцуя перед большим стенным зеркалом. Нижняя часть платья развевалась подобно большой распутившейся белой розе.

Трудно сказать, сколько она так кружилась, когда ее взгляд упал на часы.

— Уже десять часов! — воскликнула она, и сомнения вновь охватили ее.

Не потому, что он опаздывал на час. Ей показалось, что красивые слова, которые он расточал ей в течение девяноста девяти дней, не более чем шутка.

Устав танцевать, она рассеянно открыла один из ящичков стола и увидела там лист бумаги. Это был бланк, заполненный молодым охотником в лесу после убийства. Лицо девушки покрывлось пятнами гнева. Шесть футов и два дюйма — это же рост ее отца. Вывоз подстреленного животного из леса — на долбленке. Кого еще мог вывезти молодой охотник, если не ее отца!

Девушка закрыла двкрь спальни и погасила лампы. Лишь тусклый желтый свет от фонаря в саду проникал в комнату. Девушка сидела на краю кровати, опустив ноги на пол, и смотрела на темную стену.

Она задыхалась от слез, вспоминая все обстоятельства, связанные с охотой. На ум ей пришел рассказ молодого охотника о том, как он отбивался от стервятника, набрасывавшегося на тело отца. Она не знала, верить этому рассказу или нет.

И еще она вспомнила, что по легенде Раи-Рапа, которую она когда-то слышала, стервятники — это души жестоких правителей, которые при жизни и не думали, что превратятся в уродливых хищников, питающихся падалью. Каждый вечер эти птицы летят к воротам ада, стучатся в них и просят, чтобы их превратили в животных, которых любят люди. Но им всегда отказывают, и они спешат обратно, ибо обязаны возвратиться в этот мир до восхода солнца.

Она услышала стук в дверь и мысленно связала его со стуком стервятников во ворота ада. «Может быть, эта комната тоже превратилась в ад», — подумала она, с трудом шагая к двери.

До восхода солнца девушка сидела, бессильно опустив руки, в кресле-качалке у кровати. Молодой политик пытался уговорить ее лечь в постель, но она лишь дрожжала и под разными предложениями отказывалась. В конце концов он лег один и вскоре захрапел.

Солнце взошло уже высоко. Молодой политик проснулся и увидел, что его новая наложница по-прежнему сидит в кресле-качалке у кровати.

Не говоря ни слова, еле сдерживая раздражение, он стал собираться к отъезду в Татаману.

Девушка так и осталась в качалке, когда он покидал дом. Но она знала, что он снова придет, когда наступит ее очередь.

Через пять дней молодой политик опять появился у нее. Но его новая наложница, отказавшаяся лечь с ним в постель в первую ночь, дала себе клятву никогда не подпускать к себе этого молодого стервятника, стучавшего в дверь комнаты ада. Так она называла спальню.

И так продолжалось девяносто девять раз. Предстоял сотый визит молодого стервятника и девушка вспомнила об урне с прахом отца. Неужели, подумала она, я сдамся в сотую ночь

его прихода, как раньше я ответила «да» на его мольбу, получив девяносто девять букетов роз.

Но сотый визит молодого охотника, молодого политика, молодого стервятника так и не случился и не случится больше никогда. Молодой политик внезапно скончался в Татаману от разрыва сердца.

Девушка подумала, что вот она снова свободна. Теперь она больше не наложница молодого политика. Год и четыре мксяца с лишнем она была стражем комнаты ада. Больше ей не придется открывать дверь молодому политику, искавшему утех в ее объятиях.

Она уже собиралась вернуться в свой старый дом — не без чувства вины перед отцом, ибо давно не протирала урну с его прахом. Но в это время в гостиной зазвонил телефон.

Голос женщины на другом конце трубки, представившейся женой молодого политика, дрожал от волнения, но девушка смогла понять то, о чем она говорила.

— Да, молодой политик скончался. Но еще при жизни он сообщил мне и трем своим наложницам, что ты так и не легла с ним в постель. И ты виновата в том, что происходит сейчас. Хотя он умер, его «мужской палец» продолжает стоять. Тебе надо приехать в Татаману и удовлетворить его страсть. Тогда «палец» его опустится вниз. Мы с тремя его наложницами сейчас находимся возле его тела. Срочно приезжай, чтобы можно было кремировать тело. Потом мы обсудим раздел наследства. Я пошлю за тобой вертолет.

— Сотый визит! — прошептала девушка, дрожа от ужаса. — Только что я решила, что молодой политик больше никогда не придет ко мне. А теперь меня просят встретиться с ним снова и удовлетворить его последнюю страсть, чтобы потом можно было кремировать тело.

Она бросилась открывать шкафы с одеждой. Ничего не выбрав, она пошла на кухню, в ванную, затем снова стала рыться в одежде. Через пару минут она сидела за туалетным столиком и красилась, а вокруг на полу валялись ее новые платья.

Вертолет из Татаману приземлился на лужайке перед домом. Пропеллер крутился все медленнее и медленнее. И вот девушка вышла из дома, накрашенная, в белом длинном платье. Когда она подходила к вертолету, ее платье раздулось, как большой бутон распутившейся розы. И это напомнило ей первую ночь,

когда она ждала прихода молодого политика, кружась перед стенным зеркалом.

Именно это белое платье и бросилось сразу в глаза жене и трем наложницам молодого политика, когда девушка вошла в тихую и мрачную комнату. В затхлом воздухе пахло трупом. Четыре пары глаз разглядывали девушку. Теперь им стало понятно, почему молодой политик сделал ее своей последней наложницей. Девушка скользнула взглядом по лицам четырех женщин, одетых в черное. Затем она обратила взор на тело, прикрытое красным покрывалом. Действительно, «палец» его торчал, и покрывало между пупком и коленями выпирало наверх, как небольшая палатка.

— Позвольте мне исполнить его желание без свидетелей.

Левой рукой девушка взялась за край покрывала, а правой стала расстегивать платье.

Четыре женщины вышли из комнаты, закрыв за собой дверь. Они прислонились к стене у двери, прислушиваясь к тому, что происходило в комнате.

Сначала они слышали что-то похожее на стон и представили себе, как девушка бросает свое тело на тело молодого политика подобно стервятнику, набрасывающемуся на падаль.

Через некоторое время стон затих. Они переглянулись. Ну вот, подумали они, страсть усопшего удовлетворена, и красная палатка спала, сровнявшись с остальной частью покрывала.

Открылась дверь. Последняя наложница поспешно вышла, поправляя подол платья. Через открытую дверь они посмотрели на тело молодого политика. «Палец» больше не торчал, сникнув, видимо, под красным покрывалом.

Тем же вертолетом девушка из Рунакита возвращалась, не теряя времени, домой. Позади остались Татаману, тело молодого политика и четыре женщины в черном. С лица девушки не сходила суровая печаль, щеки были влажны от слез, а глаза смотрели на проплывавшие внизу вулкан, долину и реку.

Когда вертолет достиг Рунакита и начал снижаться, она увидела в устье реки, пристань, людей и долбленку на причале. Ту самую.

— Высадите меня у пристани, — попросила она.

Несколько человек, находившихся у пристани, с удивлением смотрели, как из вертолета спускалась последняя наложница молодого политика. Она была в белом платье, как невеста. Еще

больше они удивились, увидев, как девушка стремительным шагом направляется к причалу.

Там она стала внимательно разглядывать долбленку, затесавшуюся среди других лодок. Долбленка уже обветшала, весло тоже. Кое-где дерево начало трескаться. Долбленка напомнила ей об отце, и ей захотелось попасть туда, откуда начинался его последний путь до того, как тело было предано сожжению. Она отвязала веревку и, ступив сначала в соседнюю лодку, оказалась в долбленке. Веслом она оттолкнулась от пристани и скоро была посреди реки, приветствуемая волнами начавшегося прилива.

Она плыла к устью реки, уходя все дальше и дальше от города. Ее платье на фоне серой лодки и свинцовой воды особенно казалось ослепительно белым. Мысли об отце не покидали ее. В сущности он был простым человеком и только его нетерпимость к жестокому Президенту отличала его от других. Теперь, подумала она, в Рунакита стало на один голос протеста меньше. Но может быть, ее голос будет услышан. Она ведь из Рунакита и начинает кое-что понимать в политике.

От мыслей об отце ее отвлек сильный порыв ветра, раздувший белое платье. Девушка подумала, что это всего лишь ветер с гор, ибо он тут же стих. Но затем ветер подул снова, но уже с другой стороны. Когда она оглянулась назад, то увидела приближающуюся к ней птицу с черными крыльями: выгнув шею, та резко толкнула вперед голову и чуть не вонзила свой острый клюв в шею девушки. Девушка ударила веслом, но промахнулась. Стервятник отлетел и скрылся из виду.

Девушка облегченно вздохнула и затем посмотрела на стенки лодки. Может быть, запах тела покойного отца пропитал волокна дерева и стервятник учуял его. Да нет. Зной и дожди вытравили запах мертвого тела. Лодка пахла лишь старым деревом.

Внезапно девушка почувствовала, как платье на поясе раздалось и что-то скользнуло ей прямо на бедро. От неожиданности она вскрикнула, быстро расстегнула платье и вынула белый шелковый платок с «пальцем» молодого охотника. Осторожно она положила сверток на лопасть весла и развязала платок. Другой конец весла она взяла в руки — не сознавая, что весло это сделал накануне своего убийства ее отец — и вытянула его горизонтально. На дальнем конце весла лежал раскрытый «палец» молодого политика.



Глаза ее были устремлены в небо — она ждала появления стервятника.

Начинало темнеть. Еще чуть-чуть и зайдет солнце.

В юго-восточной части неба снова появился стервятник. Он летел размашисто, постепенно опускаясь вниз к лодке. Затем девушка почувствовала сильный порыв ветра, раздувший ее платье, и увидела, как стервятник склевал то, что было на весле, и унес свою добычу с собой.

Белый шелковый платок медленно кружил в воздухе, прежде чем упасть на поверхность воды. Девушка бросила взгляд на платок, а потом снова посмотрела вдаль, где исчезал стервятник.

Небо налилось свинцом, и стервятник был у самой темной тучи. Может быть сегодня ночью, подумала девушка, он полтит к воротам ада и постучится в них, как о том говорится в легенде Раи-Рапа.

## 8

### Мизинец

Несколько лет назад он был учителем математики в средней школе Татаману. Он и сейчас преподавал, т.е. оставался учителем, но уже не в столице. Он переехал в другое место, захватив с собой все свои книги, учебные пособия и, конечно, личные вещи, включая подушку. Эта подушка, по его словам, была для него как космическая станция, посылавшая каждую ночь его душу к планетам грез.

Но никто из его новых друзей и соседей не спрашивал о ночных странствиях его души. Все люди видят сны — что тут необычного. Их больше занимал мизинец, заспиртованный в колбе, которую он привез из Татаману и часто показывал им. Мизинец из трех сочлений с белым ногтем казался совсем живым.

Каждый раз, когда учитель, бывший левшой, показывал им колбу с мизинцем, они посматривали на его руки. На левой все пальцы были цели, но на правой не хватало одного — как раз мизинца.

Им было любопытно узнать, с чем это связано. Может быть, он отрубил себе палец в знак выхода из тайного общества, как

это делают члены группы якуза в Японии? Или проводил какой-либо эксперимент для своих учеников?

Мизинец из трех сочлений, погруженный в консервирующий раствор в колбе! Мизинец учителя-левши! Этот мизинец не давал им покоя. Они даже представляли себе, как это могло произойти, как острым ножом он отсекал его от руки. Острие ножа прошло сквозь ткань, натолкнулось на кость, и она затрещала прежде чем треснуть и залиться кровью.

В конце концов они не могли больше сдерживать любопытство. Однажды в воскресенье, когда у учителя не было занятий, они пришли к нему. И учитель-левша, стоя перед гостями, рассказал им историю своего мизинца.

«Вы вероятно еще не забыли, что несколько лет назад в Огонсото была довольно сильная оппозиция. Ее представители говорили, что демократия в стране пустой звук, ибо ни правительство, ни Президент не принимают в расчет мнения других, в том числе коренных жителей. И помните, как прореагировал на это Президент? Он заверил, что все вправе высказывать конструктивную критику, не опасаясь репрессий ни в отношении себя, ни в отношении своих родственников. Президент заявил, что Республика Огонсото станет образцовой демократической страной, самой демократичной во всей Океании.

В то время я работал учителем в Татаману. В средней школе. Что толку от учителя, если он не стремится пополнять свои знания и тем более, если не побуждает к этому своих учеников. И поэтому я не скрывал от них свои взгляды, свободно обсуждал недостатки, которые, на мой взгляд, имелись в Огонсото. Конечно, это удивляло многих, но даже директор школы молчал и не принимал никаких мер. И я начал верить, что Огонсото, как и говорил Президент, действительно станет образцовой демократической страной в Океании и что ее жители всегда свободно смогут выражать свое мнение.

Вскоре я написал довольно длинную статью для единственной в Огонсото газеты. И дал себе слово, что отрежу мизинец правой руки, если статью эту напечатают и ни со мной, ни с моими родственниками ничего не случится.

Через несколько дней статья появилась в газете.

Ее название было «Земля». Я начал с рассказа об Адаме, который после изгнания из Рая, «искал землю». Некоторые утверждают, что этой землей была Индия.

С тех пор люди постоянно в поисках земли. Огонсото тоже открыли, поскольку искали новые территории. Раньше вся земля в Огонсото принадлежала коренным жителям. А что теперь? Японцы, открыв архипелаг, поселились в Футу-Ата, колонизовав эту территорию. И не только японцы. Все дальновидные люди борются за землю, а недалковидные землю теряют или раздают. Жаль, что политики Огонсото относятся к этой категории людей. Почему я так считаю? Президент, стремясь завоевать расположение своих политических противников или ублажить своих сторонников, дарит им землю, не думая о последствиях.

Бывшие недруги президента, получив землю, обеспечивают себе беззаботную жизнь и отказываются от борьбы с ним. Они осваивают землю с помощью иностранных инвесторов или продают ее американцам и европейцам. Цена на землю подскочила в несколько раз и уже не по карману коренным жителям Огонсото. Я спрашивал в статье, почему правительство на стороне горстки людей, а не на стороне коренных жителей, которым не хватает земли и которые живут впроголодь.

Сторонники Президента, получив от него землю, часто сразу же ее и продают. Они живут сиюминутными интересами, породикованными выборами, проведение которых является единственным признаком демократии в стране. Перед новыми выборами они хотят либо сохранить свое положение, либо подняться выше и нуждаются в деньгах, чтобы обеспечить себе поддержку. Я так прямо и написал, что политики меряют землю лишь пятилетним сроком — от выборов до выборов, — в то время как западные капиталисты просчитывают все на тысячи лет вперед. И я снова подчеркнул, что в то время как другие нации ищут возможности расширить свои земельные приобретения, политики Огонсото выбрали другой путь — растранижируют землю, которых и так остается немного из-за извержения вулканов. Вы знаете, сейчас семьдесят процентов территории Футу-Ата в руках японцев, пятьдесят процентов земель Раи-Рапа — у англичан, американцев, австралийцев и ново-зеландцев, почти сорок процентов Гора-Гора зарегистрировано на имена немцев, швейцарцев и французов. Получив землю, они не выпустят ее из своих рук и будут владеть ею до скончания века.

Таково краткое содержание моей статьи. Я закончил ее словами, что строительство космических станций — это тоже отражение поиска новых территорий в космосе. Начиная с Адама,

люди ищут землю, и этот поиск будет продолжаться бесконечно. Жаль только, что власти Огонсото продолжают раздавать землю иностранцам, игнорируя права коренных жителей.

Я был рад, что статью напечатали в газете. И радость эта переполняла меня через край, как лава в огнедышащем вулкане. Возможно только беспокойство по поводу возможных санкций со стороны властей могло омрачить эту радость

Прошла неделя — и никаких санкций. Я по-прежнему учительствую в средней школе в Татаману. Прошло две недели, потом месяц. И я поверил, что демократия в Огонсото пустила глубокие корни. Статья опубликована, и я как свободный гражданин продолжаю свободно выражать свое мнение. И тут я вспомнил о своем обете отрубить мизинец.

Ах, как же трудно выполнить свое обещание, если оно сопряжено с болью и пролитием собственной крови! Неоднократно я приставлял нож к мизинцу, но рука, руководимая сознанием, отказывалась это делать. Я приказывал себе: режь! Но рука дрожала, и я отводил нож от пальца.

В конце концов я решил пойти в лепрозорий, где находился мой приятель — бывший плотник. Я надеялся, что он мне поможет

Я пришел к нему уже вечером. Там было тихо и мрачно. Несколько человек выглядывали из темных окон, наблюдая за мной. Если я поворачивался к ним, они тут же исчезали. А я продолжал шагать к дому, где жил ожидавший меня приятель — я сообщил ему о своем визите за несколько дней до этого.

Он сидел на длинной скамье под деревом с зажженной сигаретой во рту.

По мере приближения к нему мне становилось отчетливо видно его лицо и тело. Последний раз мы виделись всего неделю назад, но за это время лепра безжалостно сожрала часть его лица и рук, так что я с трудом его узнал. Кожа на лице высохла и покрылась глубокими морщинами, а рот был перекошен — поэтому сигарета торчала криво, почти упираясь в нос.

Я хотел поздороваться с ним за руку, но он отказался.

— Еще заразишься, — сказал он, не вынимая сигареты изо рта.

Он вынул ее лишь несколько мгновений спустя, и я поразился, увидев, что обе его руки были с обрубками пальцев. Он загасил сигарету об обрубок одного из пальцев.

— Кожа огрубела и потеряла чувствительность, — сказал он, смеясь. — Я ничего не чувствую. Эта болезнь меня доканала. Даже сон мне не в радость. Вчера проснулся и вижу — складки на лице увеличились, рот еще более перекосялся, обрубки пальцев стали еще меньше.

Я молчал, посматривая на остатки его пальцев.

— Ты с ума сошел, — сказал он. — Почему ты не дал другого обета. Например, побрить голову.

Я молчал. Приятель тогда сказал:

— Перевяжи туго запястье правой руки А я пойду возьму долото и молоток.

Я достал из кармана брюк длинный резиновый жгут и перетянул им запястье правой руки. Когда приятель вернулся с долотом и молотком в руках, моя правая рука уже занемела и стала пунцовой.

Он попросил меня положить ладонь на стол и растопырить пальцы. Я сделал, как он велел, и отвернулся, поскольку был не в состоянии видеть, как он будет отрубать мне палец.

Я почувствовал острое долота, коснувшееся кожи пальца. Но после этого уже не чувствовал ничего — вероятно, рука без притока крови совсем занемела. Потом я стал слушать то, что рассказывал приятель. Было трудно следить за его речью, ибо каждое слово искажалось его перекошенным ртом. Однако, я слушал и пытался понять то, о чем он говорил.

— Почти каждую ночь мне снится один и тот же сон, — сказал он. — Десять моих съеденных болезнью пальцев, пролились на землю дождем из темного облака. Упав на землю, они стали копаться ее и, наконец, оказались в неведомой мне мрачной стране. В ней все пропало мертвечиной. Миллионы трупов лежат там. Жестокие короли, бесчеловечные правители, просто злые люди — все умершие в древности и в настоящее время, похороненные или сожженные в крематории. Мои пальцы ощупывают их, тревожат их глаза, носы, губы. И все эти трупы знают, что это пальцы прокаженного. Руки у них связаны, но они мотают головами, пытаются избежать прикосновения пальцев, стремятся отбросить их подальше от себя. Однако прокаженные пальцы по-прежнему на их лицах; лезут в глаза, толкаются в губы, забивают нос. Трупы задыхаются и умирают во второй раз. И так повторяется в этой стране миллионов трупов, где пахнет мертвечиной и где нет ни дни и ни ночи, бесконечно, пока я не проснусь.

Не знаю почему, но я улыбался, слушая рассказ приятеля. Он потерял пальцы, но по крайней мере видит хотя бы во сне, куда они отправляются ночью.

— Все, сказал приятель, — закончил.

— Что, рассказ?

— Нет, — ответил он смеясь. — Палец твой отрубил.

Я с трудом поверил ему, ибо не чувствовал никакой боли. Я посмотрел на правую руку. Мизинца на ней не было — он лежал рядом, а из руки лениво текла кровь.

— Твое место не здесь, — сказал я ему, засовывая палец в колбу, которую захватил с собой. — Тебе бы работать палачом. Рубить головы людям или вешать их. Или сажать преступников на электрический стул. Их души были бы благодарны тебе, ибо ты делаешь это без боли.

Приятель рассмеялся. Он вытер окровавленный конец долота носовым платком.

— Грешники умрут в муках, и души их попадут в страну моих снов, — ответил он, наблюдая, как я завязывал рану и потом снимал жгут с запястья правой руки.

— Ты просто выполнил свой обет, глупый обет. Поэтому никакой боли.

Через две недели рана на правой руке подсохла. А я получил предписание покинуть Татаману в двадцать четыре часа. Так что не по своей воле я перехал в Кури. Я понял, что возмездие за мою статью неотвратимо.

Я быстро позвонил своим родственникам и сообщил им об этом неожиданном предписании. Многие из них были сердиты на меня, ибо были уверены, что их тоже ждет наказание. И действительно. Так и случилось. Одних переселили подальше от столицы, других понизили в должности, третьих вообще уволили с работы. Одним словом, начались настоящие репрессии. Чтобы другим было неповадно. С этого времени я часто смотрю на мизинец в колбе и на правую руку, оставшуюся без пальца. Наказание за статью пришло уже тогда, когда я пожертвовал своим пальцем. Была ли жертва напрасной?

Никто из гостей, бывших у него в то воскресенье, не ответил на его вопрос. Опустив голову, они медленно разошлись по домам, унося с собой историю об обрубленном мизинце.

Учитель разглядывал свой мизинец в колбе. Вот уже год, как он заспиртовал его. И уже почти год он не виделся со своим

приятелем из лепрозория. Его мизинец никогда не приходил к нему во сне в отличие от пальцев приятеля, которые проливались с неба дождем, разрывали землю и попадали в мрачную, пахнущую мертвечиной, страну трупов.

Прошло еще несколько недель, и население Кури было чрезвычайно взволновано, узнав, что консорциум трех компаний из Турции, Японии и Германии собирается вырубить здесь участок леса и соорудить площадку для гольфа. Об этом можно было прочесть на огромной доске, установленной на окраине леса.

Люди, посещавшие учителя без мизинца на правой руке, снова пришли к нему за советом.

— Это какое-то безумие! — в сердцах воскликнул учитель. — Из-за истребления лесов и сокращения площади сбора дождевых вод мы уже раз испытали девятимесячную засуху. Помните, какое это было ужасное время?

Они кивнули головой.

— Конечно вы помните, ибо вам посчастливилось, пережив ее, остаться в живых. Сотни людей погибли в ту долгую засуху. Некоторые были вынуждены пить собственную мочу, чтобы не умереть от жажды. Сумасшедшая жара, говорили мы тогда. Но не жара сумасшедшая, а люди, которые не хотят беречь природу. Лишь после той засухи правительство Огонсото стало прислушиваться к советам экологов. Страдания учат. Лишения — лучший учитель.

— Насколько я знаю, — сказал один из пришедших, — мнения экологов никто и не спрашивал. Но разве можно начинать проект, не изучив возможные последствия его для природы.

— Да, — ответил учитель. Никто не проводил экологической экспертизы проекта. Я это точно знаю. Капиталисты из Турции, Японии и Германии думают, что могут делать в Огонсото все, что угодно, раз у них есть деньги. Но если экологи составят доклад и обнародуют его, то этим толстосумам придется убраться восвояси, не тронув ни одного дерева нашего леса.

— Значит, — послышался еще один голос, — мы сможем сохранить лес и тогда больше не будет такой засухи, как в прошлом?

— Верьте мне, — сказал учитель. — Как только доклад экологов будет опубликован, проект будет закрыт. И наш лес не превратится в площадку для гольфа. Готов отдать на отсечение свой средний палец, если будет по-другому!

Все удивленно посмотрели на учителя, сначала на его лицо, потом на его правую руку. Если власти по-прежнему будут гнать его, куда ему податься. Раньше его сослали из Татаману в глухой район Кури, но отсюда ссылать больше некуда. Однако какова у него воля! Он уже потерял мизинец, поверив в демократию. Жертва его оказалась напрасной, но несмотря на это, он готов пожертвовать еще один палец!

Сам учитель все чаще рассматривал свою правую руку с обеих сторон. Осталось четыре пальца, но один самый длинный, средний палец тоже поставлен на карту. Неужели ему придется лишиться его, спрашивал он себя. Нет, этого не будет. Девятимесячная засуха преподнесла хороший урок властям. Дальше вырубать лес нельзя, в том числе и в Кури. Иностранным компаниям придется отступить, а это значит, что средний палец его правой руки останется целым.

Через неделю группа экологов из Кури официально выступила против проекта. В своем семидесятипятистраничном докладе они обрисовали тяжелые последствия для Футу-Ата в случае осуществления проекта. Доклад был направлен представителю Президентского совета в Кури и властям в Татаману.

Учитель с удовлетворением следил за развитием событий. Он посмотрел на свои пальцы и решил, что ногти стали слишком длинными. Он взял щипчики и стал подстригать ногти, начав с безымянного пальца. Такая у него была привычка с детства, оставшаяся на всю жизнь. Сначала безымянный палец, потом мизинец, за ним средний и указательный и в конце — большой. Но с тех пор, как его приятель отрубил ему мизинец, он после безымянного сразу переходил к среднему.

Он посмотрел на колбу с мизинцем. Ноготь на мизинце был тоже большой. Он покачал головой. Надо было подстричь ногти прежде чем отправляться тогда к приятелю в лепрозорий. Пальцы должны быть всегда аккуратно подстрижены. А теперь из-за моей небрежности мизинец так и останется с длинным ногтем.

Когда дошла очередь до среднего пальца, учитель внимательно посмотрел на него. Ноготь был такой большой, что начинал уже трескаться, но кожа на кончике пальца была нежнее, чем на пальцах левой руки. Там кожа была грубой и сухой из-за школьного мела. Пыль от него, смешиваясь с потом, как бы цементировала кожу.

Он поместил кончик ногтя среднего пальца между лезвиями щипчиков и надавил на них. Кончик ногтя отделился, подпрыгнул вверх к голове учителя и только потом упал на пол. Учитель тут же забыл о нем, ибо все его внимание было сосредоточено на том, что в этот момент передавало радио. Правительство Огоното приняло решение отменить проект в Кури.

От радости учитель-левша забыл обо всем на свете, в том числе об оставшихся неподстриженными пальцах. Он поднялся и начать кружиться в танце, подняв вверх правую руку. Такое событие надо отпраздновать, — подумал он. Тем более, что теперь уже ничто не угрожает его среднему пальцу. Он загнул пальцы руки вниз, оставив прямым лишь средний палец. Этот известный жест, подумал он, как нельзя лучше подходит для капиталистов из Турции, Японии и Германии, которым теперь придется убраться из Кури.

Жители Футу-Ата, особенно в Кури, после этого успокоились. Лес, от которого и так осталось немного, теперь в безопасности. А это значит, что по-прежнему будет прохладный ветер, дующий с гор в долину и на побережье; будут тучи, приносящие дождь; будут жить растения и животные. Теперь они и учитель-левша могут спать спокойно, не опасаясь за будущее, не страшась прихода новой долгой засухи.

Ночь. Кабинет в большом доме в Татаману. Видны пальцы верного сторонника Президента, постукивающие по стеклянной поверхности стола. Пальцы как бы танцуют, извлекая музыкальный ритм.

Затем пальцы потянулись к черному телефону. Кончик указательного пальца вошел в отверстие номерного диска, повернул диск направо. Когда палец вышел из отверстия, диск с легким шумом вернулся на прежнее место. Шесть раз указательный палец набирал цифры перед тем, как верный сторонник Президента начал разговор с кем-то на другом конце провода.

— К счастью, проект в Кури еще и не начинался, — сказал он, постукивая пальцами по столу.

В кабинете горела лишь настольная лампа, свет от абажура образовал светлое пятно на столе. И пальцы танцевали в этом круге света, как прима-балерина в свете прожектора.

— Да, ты прав. Не дело это отдавать большой проект чужим, не людям президента.

Пальцы приподнялись, затем снова опустились, и коснувшись стекла, снова заплесали в свете.

— Да, он уже наказан. Понижен в должности. По-моему, наказание слишком мягкое. Его вообще следовало уволить или посадить в тюрьму. Но... Да. В конце концов это не так важно. Самое главное, что Президент отменил проект, ссылаясь на возмущения экологов.

Пальцы замерли вертикально над столом.

— Не волнуйся. Днем я пролучил распоряжение Президента. Он считает, и я думаю, ты согласишься с ним, что строительство площадки для гольфа на шестьдесят лунок — очень прибыльное дело. Мы говорим лишь о строительстве. Членские взносы и аренда поля принесут доходы лишь в будущем.

Пальцы снова стали постукивать по стеклу, сдвинулись к краю стола и вновь вернулись к светлому пятну.

— Да, так. Президент просил нас подготовить все необходимое для того, чтобы снова заняться проектом в подходящее время. Ты же знаешь, основное препятствие сейчас — эти проклятые экологи. Президент сказал, что надо подождать, пока успокоится народ или...

На мгновение пальцы замерли. При этом рука упиралась на большой палец и мизинец, в то время как другие пальцы были приподняты над столом. Медленно пальцы собрались в кулак.

— Твоя догадка верна. Очень верна. Так мы и сделаем. У нас есть свои люди. Экологи, работающие на нас, подготовят восьмидесятистраничный доклад в поддержку проекта, предусматривающего вырубку леса.

Этим утром учитель, как всегда, в последнее время, проснулся в хорошем настроении. Из окна дома он увидел, что доска с объявлением о проекте, находившаяся у кромки леса, исчезла. Ее убрали. А может быть, разделили на три части и отдали на память туркам, японцам и немцам.

Он вспомнил, что завтра суббота. Он планировал пригласить вечером соседей и знакомых на обед, чтобы отпраздновать победу. Лес теперь будет спасен, а его средний палец правой руки останется целым.

Наступила суббота. В полдень соседи стали помогать ему расставлять столы и стулья. На каждом столе была белая скатерть, стояли тарелки, лежали столовые приборы. На кухне под-



эжаривали хлеб, готовили суп и салат. Во дворе один из соседей освеживал острым ножом барашка, разрубал кости и клал их на поднос. Недалеко другой сосед разжигал угли для жаркого. Густой белый дым уносился ветром в сторону леса.

Обед прошел торжественно, как и надеялся учитель-левша. На окне, выходящем во двор, стоял радиоприемник. В этот день транслировали латиноамериканские мелодии. Некоторые не удержались и, побуждаемые зажигательными ритмами, стали танцевать на зеленой траве. Другие, наслаждаясь жарким из баранины, много разговаривали и шутили. Учитель тоже немного танцевал, но в основном был занят с гостями. Было видно, как он показывал им свою правую руку и что-то говорил им при этом.

Музыка стихла, и все захопало, приветствуя три танцевавшие пары. Ждали следующей песни.

Но вместо нее по радио стали передавать сообщение из президентского дворца. Планы строительства площадки для гольфа в Кури будут продолжены. Проект передан двум транснациональным корпорациям: одна из них из Америки, а другая — из Шотландии. Таким образом в Огонсото появится поле для гольфа самых высоких международных стандартов, которое ничем не будет уступать полям, имеющимся у развитых стран. Правительство Огонсото пришло также к заключению, что доклад экологов из Кури содержит серьезные ошибки. Поэтому правительство взяло за основу доклад экологов из Татаману, согласно которому природа в Кури, Футу-Ата и Огонсото в целом в результате осуществления проекта не пострадает ни в краткосрочной, ни долгосрочной перспективе.

Учитель-левша замер на месте, все взоры были устремлены на него. Кто-то выключил радио. Стало совсем тихо. Все вокруг стремительно погружалось в сумерки — солнце почти зашло за горизонт.

Наконец, кто-то заговорил:

— Ну вот. Проект, несмотря ни на что, будет продолжен. И мы бессильны что-либо сделать. Но ты не отрубай палец, как это сделал раньше. К чему новые страдания и жертвы?

Учитель посмотрел в сторону говорящего и ответил:

— Я не из тех, кто отступает от своих слов. Уж если я что-то обещал, то непременно сделаю. Скоро вы увидите мой средний палец вместе с мизинцем в колбе.

Учитель-левша внимательно посмотрел на гостей и продолжил:

— Вы подождите здесь. Мне надо позвонить.

Он быстро вошел в дом и набрал номер телефона лепрозотрия. Ответ был коротким:

— Ваш друг скончался три дня назад. Родственники не захотели взять тело, и мы отправили его в крематорий.

Учитель-левша положил трубку. Лицо его стало скорбным. Он вдруг почувствовал глубокую тоску по приятелю, ушедшему в другой мир. Одно утешение — может быть его душа попадет не в мир страха с запахом мертвечины, который ему снился, а в счастливую страну, полную солнца.

Он вспомнил о волшебном прикосновении его долота, с помощью которого он без боли отсек ему палец, рассказывая одновременно о стране своих снов.

Он прошел на кухню. Взгляд его упал на небольшой топор и нож, которые использовались для разделки туши барашка. Помытые, они лежали на деревянной доске.левой рукой он схватил топор. Потом положил средний палец на доску, спрятав остальные пальцы под нее, и высоко занес топор.

Гости во дворе внезапно услышали сильный стук на кухне и крик учителя-левши.

Они бросились к двери, вошли в дом и устремились на кухню. На полу повсюду была кровь. В углу лежал учитель-левша, очевидно без сознания. Пальцами левой руки он сжимал отрубленный средний палец, словно мел в классе. Окровавленный конец пальца касался стены. На ней в нескольких футах от головы учителя они увидели написанные кровью слова TERRA FIRMA!<sup>1</sup> Точка восклицательного знака тянулась вниз, следуя за отрубленным пальцем.

Во дворе запела птица. Она как бы с любопытством разглядывала столы и стулья, разбросанные на траве. В небе и на земле, погружаемой во тьму, было тихо. Птица покинула двор и полетела в сторону леса, снижаясь к своему гнезду.

---

<sup>1</sup> лат. - Сильная, Надёжная Земля; Суша, Материк

### Экспериментальная камера

Сначала из Нарита до Нагойи. А теперь в самолете компании «Микронезия Эйр» возвращался он домой в Татаману. Он разглядывал камеру, которую купил в электрогородке Акихабара в Токио. Жаль только, что необдуманно засунул все приставки к камере в чемодан. Этот чемодан, зажатый вещами других пассажиров, лежит теперь в багажном отделении. Если бы он взял все приборы с собой в салон, то за длительное время полета собрал бы свою экспериментальную камеру.

Все три кресла ряда занимал только один пассажир. Он сам. Кресла других рядов были почти полностью заполнены пассажирами из Японии и Америки. Иногда он сидел у окна, иногда посредине. А руки постоянно ощупывали черную камеру из Акихабара.

Четыре месяца назад его направили учиться в Токио по программе «Молодые исследователи Азиатско-тихоокеанского региона». Откровенно говоря, он и не надеялся на это по ряду причин. Во-первых, он не из столицы Татаману, где и без него полно способных ученых, а из провинциального Рунакита, известного, к тому же как центр антиправительственной оппозиции. Но самое главное, его старший брат был ярким активистом движения за права человека. Он, правда, пропал неизвестно куда, и о нем уже длительное время ничего не было известно.

И вдруг в последний момент выбор представлять Огонсото пал на него. Он был, конечно, страшно удивлен, но ему было некогда поразмышлять над этим. Надо было срочно фотографироваться, оформлять загранпаспорт, запрашивать визу в японском посольстве, покупать теплую одежду. Не успел он закончить сборы, как пора было мчаться в аэропорт Татаману на самолет «Микронезия Эйр», летевший в Нариту через Гонолулу и Нагойя.

Его направили в политехнический институт на окраине Токио под начало одного, весьма именитого профессора. С понедельника по пятницу его жизнь протекала в аудиториях и лабораториях института. Там однажды холодным вечером через окно в лаборатории он впервые увидел, как падают на землю хлопья снега. К ночи весь студенческий городок был покрыт белым снегом.

В субботу и воскресенье он был свободен. Иногда он отправлялся в Хараджуку, Сибуйя или Синджуку — места тусовки молодежи в Токио. Или посещал электрогородок Акихабара. Порой ходил в онсен<sup>2</sup>, чтобы окунуться в горячий бассейн с испарениями серы. Время от времени смотрел кабуки или театр но<sup>3</sup>.

В Огонсото в школе его не учили понимать искусство и наслаждаться им. Да и позднее он был весьма далек от него. Очень трудно было привыкнуть к тому, что он видел. Например, на спектаклях традиционного тетра «Но» он засыпал уже после первых сцен, быть то это эпизоды перехода актеров по мосту *хасигакари*<sup>4</sup> или когда они находились на основной сцене *бутай*<sup>5</sup> или когда передвигались назад на *атоза*<sup>6</sup> с задником *кагами-ита*<sup>7</sup>. Если что и запомнилось ему в театре «Но», так это маски, в которых выступали актеры, особенно ситэ<sup>8</sup>. Так и стояли перед его глазами маски ханья<sup>9</sup>, ко-бесими или ко-омоте. Наверно так и в жизни, подумал он как-то, люди носят маски, скрывая истинные лица. И устыдился своим мыслям. Может быть, он не прав. Он же не разбирается в искусстве.

Четыре месяца в Токио, думал он сейчас, пролетели, как две недели. Он вспомнил свои последние дни. Подсчитав деньги, оставшиеся от стипендии, которую ему платило японское правительство, он решил, что их вполне достаточно, чтобы купить себе что-нибудь на память о Японии.

И он отправился в электрогородок Акихабара, имея в виду купить приборы для экспериментальной камеры. В то время Акихабара был небольшим кварталом в четыре улицы. По обеим сторонам каждой улицы находились магазины с электронными товарами, производимыми в Японии, два ресторана японской кухни и один общественный туалет. Он обошел все магазины

<sup>2</sup> горячий источник

<sup>3</sup> традиционный театр Японии

<sup>4</sup> галерея, открытая для зрителей и ведущая за кулисы (вход прикрыт занавеской, которая поднимается при появлении актера), является дополнительной сценической площадкой.

<sup>5</sup> квадратная площадка, открытая с трех сторон

<sup>6</sup> «зеркальная» (причины такого названия неизвестны) стена

<sup>7</sup> с изображением на золотом поле зеленой раскидистой сосны (символ долголетия, благожелательный привет зрителям).

<sup>8</sup> основное действующее лицо, ведущее рассказ о жизни смертных и духов, богов и демонов, сражениях и т.п. древней Японии.

<sup>9</sup> маска мстящего демона

на одной улице, потом на другой. Наконец, купил несколько приборов для экспериментальной камеры: черную камеру, миниатюрный магнитофон, радиотранзистор, электронный термометр, электронный улавливатель движения воздуха, электронный справочник погоды в мире, электронный календарь и разные провода.

Жаль только, что в салон на время полета из Нариты до Татаману он взял с собой только черную камеру. Он сидел и ругал себя за эту оплошность. Можно было бы не терять попусту время ночного полета через Тихий океан. Если бы он взял в салон все эти приборы, что купил в Акихабара, он бы собрал экспериментальную камеру и может быть даже испробовал бы ее. Он отбросил подлокотники кресел назад — получилось нечто вроде софы. Потом растянулся на них, накрылся двумя пледами и вскоре уснул.

Ему приснилось, что он в онсене в серной воде, но глаза его устремлены на лес и горы, покрытые снегом. Теплая вода и серный запах пара обволакивали его тело, а он продолжал любоваться природой. Вдруг со стороны леса появились сотни фигур в масках ханния, направлявшихся в сторону онсен.

Рога ханния казались очень острыми. Их яростные лица разглядывали его, в раскрытом рту видны были клыки. Один из них, самый большой, внезапно выбросил вперед левую ногу и полетел. Тело его задрожало, когда он покинул онсен, ибо снаружи было холодно. Лес и снежные горы оставались далеко внизу.

На следующий день, пройдя таможеню в аэропорту Татаману, он сразу же купил газету. Четыре месяца он не имел возможности читать эту единственную в Огонсото двенадцатиполосную газету. Ему хотелось узнать, что произошло за эти четыре месяца. Он истосковался по жаре и хотел бы сразу окунуться в лучи солнца, даже если это грозило бы ему ожогами.

В такси по дороге домой он с увлечением перелистывал страницы газеты. Но увы, в ней было мало интересного. И лишь когда он уже сворачивал газету, в глаза ему бросилось странное объявление, занимавшее четверть страницы. Сверху была фотография мужчины, бывшего командира армии Огонсото, а внизу текст: «Прошу всех простить меня за проступки, которые я совершил за время службы в вооруженных силах Огонсото».

— Странно, раньше мне не приходилось видеть такого в Огонсото, — произнес он вслух.

— Это ты об объявлении бывшего командира?, — спросил водитель такси, обернувшись к нему.

Соломенная шляпа на таксисте обветшала. В правой части рта торчала зубочистка.

— Да, — ответил юноша. — Все люди совершают ошибки. Это обычное дело. Зачем помещать такое объявление?

Он свернул газету и положил возле себя.

— Возможно, проступки были серьезными, — продолжал водитель такси, улыбаясь.

Зубочистка переключивалась в левую часть рта.

— Ну разве что.

— Ты же еще не знаешь, — снова сказал таксист, оглядывая на пассажира. — Уже две недели, как он болен и бредит. Многие приезжают его навестить: и соседи, и знакомые, и чужие люди, узнав историю его жизни.

— Смотри вперед на дорогу!

Таксист посмотрел вперед и спокойно вписался в крутой поворот. Затем снова оглянулся на пассажира.

— Не волнуйся. Я знаю все повороты на улице, как свои пять пальцев, и могу проехать здесь с закрытыми глазами. Я тоже ходил к нему. Он лежит, не вставая. Вот несчастье, светофор здесь уже четыре дня не работает. Так и не починили до сих пор. Поэтому на перекрестке всегда толчея. Но ни один из его детей не хочет ухаживать за ним. Рядом только жена, старая, разбитая параличом женщина. Смотри, крыса! И когда эту дорогу заасфальтируют? Шин не напасешься. Ты знаешь, он все время кричит и молит кого-то простить его. И я слышал, как он просил своего соседа поместить это объявление.

— Слушай, может быть ты сперва отвезешь меня к нему?

— Но тебе придется заплатить за время стоянки. Пятнадцати минут хватит?

— Да, я думаю.

— Тебе приходилось видеть умирающего человека?

— Нет.

— А я видел дважды. Прямо в такси.

Водитель рассмеялся.

Юноша нахмурил лоб, посмотрев на таксиста. Ему почему-то стало жутко.

— Один старик ловил такси. Я остановился, взял его. Он попросил отвезти его в музей. В такси он с увлечением рассказывал о старинных масках племени Раи-Рапа. Потом вдруг затих. Оказалось, умер. Бедняга! Я бесплатно прокатил его до morga!

— А второй?

— Я остановился, чтобы справить малую нужду в общественном туалете. И не запер двери такси. Даже мотор не выключил. Когда вернулся, смотрю, в машине сзади сидит человек. Там, где сейчас ты. Он хотел, чтобы я отвез его в больницу. Только мы тронулись, он как закричит! Потом лег на спину и начал кричать сильнее. Говорит, что видит наверху фотоаппарат с карточкой, на которой запечатлены его прошлые грехи. Он даже приподнялся и пытался царапать верх машины. И при этом рыдал. Я схватил его за руку. Он упал, застонал и замолчал. Я отвез его в больницу. Конечно, бесплатно. Надеюсь, больше никто не умрет у меня в машине — одни убытки от этого. Ну вот мы и приехали. Смотри, перед домом военный джип. Наверно, друг приехал навестить.

Такси, старенькая японская машина, замедлило ход, прежде чем остановиться в тени дерева чуть подалее от дома бывшего командира.

Юноша вышел из такси и направился в сторону старого неказистого дома. Калитка забора была открыта. Двор весь зарос травой, цементная дорожка потрескалась. Дверь и окна дома были распахнуты настежь.

Он подошел к двери, хотел войти, но остановился, услышав стоны и причитания. Он подошел к окну, чтобы посмотреть, что происходит в доме.

Старый мужчина, бывший командир, лежал на кровати и стонал. Его парализованная жена сидела на цементном полу у кровати. Около нее виднелись разбросанные по полу подушка, одеяло, термос, чашка, блюдо и сахарница. Перед бывшим командиром стоял мужчина с военной выправкой.

— Ты глупец, — говорил мужчина с военной выправкой. — Что толку просить прощения? Каким бы виноватым и грешным ты себя ни чувствовал, просить прощения надо у Бога. Он умеет прощать. Попроси у Него прощение — и делу конец.

— Тебе легко говорить, — ответил бывший командир со стоном. — Не ты грешил, а я. В последние недели мои грехи не дают мне покоя. Все мои жертвы перед глазами. Мне кажется,

они ожили и требуют ответа. Рубят меня на куски, посыпают раны солью и бросают в кратер вулкана.

— Ты самый глупый командир, какого только знала наша страна, — ответил мужчина с военной выправкой. — Тебя ведь учили никогда не сожалеть по поводу сделанного. Все, что мы делаем, это ради Президента и Республики. Если ты раскаиваешься в чем-то, проси искупления грехов у Бога. Вот и все.

— Легко тебе говорить, — снова сказал бывший командир и застонал.

— Ну хватит, хватит, — вмешалась старуха, сидевшая на полу. — Оставьте мужа в покое.

— Вот смотри! — закричал бывший командир, показывая на потолок. — Он ожил, этот активист, боровшийся за права человека. Я помню, как в новогоднюю ночь пять лет назад... У вулкана Гора-Гора. Я сделал это по приказу Президента.

Внезапно мужчина с военной выправкой схватил бывшего командира и взял его на руки.

— Я отвезу твоего мужа в военный госпиталь, — сказал он. — А через два-три часа придут люди и заберут тебя в дом престарелых.

Юноша тихо спрятался за дерево и наблюдал, как мужчина с военной выправкой нес бывшего командира в джип. Бывший командир продолжал кричать и бить кулаками по телу мужчины. Но тот шел, не обращая на это никакого внимания. Он открыл дверцу джипа левой рукой и опустил бывшего командира на сиденье. Вскоре джип загудел и, набрав скорость, быстро исчез из виду.

Когда юноша подошел к такси, водитель спал. Голова была запрокинута назад, шляпа закрывала глаза. Рот раскрыт. Юноша тихонько отворил дверцу, сел и затем громко хлопнул, закрывая ее.

Водитель проснулся, поправил шляпу и завел мотор.

— Ну, ты видел, в каком он состоянии? — водитель обернулся назад, одновременно нажимая на газ.

— Да, видел.

— Он все еще бредит? — спросил водитель и затем посмотрел вперед на дорогу.

— Да, — ответил юноша. — Он увидел что-то страшное на потолке. Нечто вроде оживших картинок прошлого. А что если кто-то еще увидит то, что видел он? Ну, скажем, с помощью

специальной камеры, которая может фиксировать события прошлого?

Он ждал, что ответит таксист. Но тот на этот раз промолчал. Он не сказал больше ни слова, ведя свой старенький автомобиль сквозь окутывавшую город жару.

Оказавшись у себя в холостяцкой квартире в Татаману, юноша начал собирать экспериментальный аппарат, присоединив сначала к черной камере электронный календарь. Год 0000, месяц 00, число 00. Цифры календаря можно менять, устанавливая нужную дату от 0001 года до настоящего времени, или даже, если необходимо, до 9999 года.

Затем была подсоединена электронная книжка с информацией о погоде, собранной со всего мира. С ее помощью можно было узнать, какая погода была в определенном месте в определенное время. Все эти данные были увязаны с данными других приборов, в частности, электронного определителя движения воздуха.

После этого он подключил электронный термометр, показывающий температуру тела. Если его показания превышали температуру тела одного человека, нужно было нажать на кнопки x2, x3, x4, чтобы вызвать изображения не одного, а двух, трех или четырех человек.

И, наконец, самым сложным было подсоединить к уже собранному аппарату радиотранзистор и магнитофон. Он опасался, что их подключение может закоротить систему, и весь аппарат сгорит. Он очень аккуратно и осторожно подводил провода. На лбу выступили капельки пота. Он знал все о дифракции звука и света, а также интерференции вторичных волн, которые могли повлиять на изображение, передаваемое линзами камеры, и изменить ретроспективную картину, вызываемую из прошлого в будущее.

Наконец, экспериментальная камера была готова. Он проверил, чтобы уровень показания всех приборов соответствовал друг другу.

Он облегченно вздохнул. Сейчас, подумал он, время начинать эксперимент.

Он вспомнил последний день в этой комнате накануне отъезда в Японию четыре месяца назад. Быстро поставил день, месяц и год на электронном календаре камеры. Табло с датой на задней стенке замигало, показывая, что он забыл поставить

время от 00.01 до 24.00. Он зафиксировал 13.25 — время накануне отъезда в аэропорт Татаману четыре месяца назад.

Он ждал результата с бьющимся сердцем. Динамик молчал. Но через несколько секунд он услышал нарастающий звук волны. Да, подумал он, электроны забегали.

Линзы камеры автоматически настроились на погоду, движение воздуха и свет. Показания термометра превысили температуру тела одного человека. Он нажал на кнопку x2 и вспомнил, что в тот день к нему приходил товарищ помочь собрать вещи.

Показания термометра вернулись к нормальному состоянию.

— Нам пора идти. Я провожу тебя в аэропорт. Самолет улетает в пять вечера, — услышал он голос своего товарища. Лента в магнитофоне начала вращаться.

Он взглянул на экран камеры. Там появилось черно-белое изображение, сначала неясное, потом более четкое: его товарищ с большой сумкой направлялся к открытой двери; а сам он, нагнувшись, засовывал книгу в рюкзак.

Щелк! И, проявив пленку, он получил два снимка размером с почтовую карточку. Один для себя, другой для товарища. Надеюсь, подумал он, товарищ не упадет в обморок и не умрет от страха, получив в подарок этот снимок.

Для него самого этот снимок был дороже любого японского сувенира: брелка с изображением Фудзиямы, авторучки с подмигивающей гейшей или чайной фарфоровой чашки, разрисованной листьями бамбука.

И вот он отдал снимок и пленку с записью товарищу. В обморок тот не упал и уж, конечно, не умер со страху, но долго не мог прийти в себя от неожиданности.

— Потрясающий аппарат! — сказал он, наконец, переведя дыхание, достал носовой платок и вытер пот со лба.

Юноша рассказал ему, что сумел подслушать, находясь у окна дома бывшего командира. Тот в бреду рассказал о том, что произошло у кратера Гора-Гора в новогоднюю ночь пять лет назад, упомянув активиста в защиту прав человека.

— Может быть, это мой старший брат? — спрашивал юноша. — Может быть, слухи о его бегстве в Америку, всего лишь ложь? Может быть, он и есть та жертва, которую бросили в жерло вулкана?



— Давай поднимемся на вулкан Гора-Гора, — предложил товарищ. — Пусть камера поможет нам разобраться в этом.

Им понадобилось два дня, чтобы добраться до вершины вулкана, и полтора дня, чтобы спуститься обратно вниз. Когда они были наверху, то видели несколько черно-белых изображений на экране камеры и щелкнули затвором несколько раз.

По дороге назад, наступая на камни, выброшенные вулканом, проходя через лес и крутые склоны горы, они говорили об изображениях, которые появились на экране камеры, и надеялись, что они сохранятся.

Проявив пленку, они получили только три изображения. Они их распечатали на бумаге размером А4.

Юноша, создавший экспериментальную камеру, вскрикнул, узнав в молодом человеке с завязанными глазами на снимках своего старшего брата.

Фото 1

Старший брат

(Глаза завязаны тряпкой. Руки в наручниках заведены назад.)

Военный

(Придерживает тело старшего брата у края кратера вулкана Гора-Гора.)

Командир

(Держит пистолет у спины старшего брата.)

Запись на пленке

Старший брат:

— Нет, нет, не делайте этого!

Военный:

— Замолчи! Хуже будет!

Фото 2

Военный

(Уже отошел от старшего брата. Слева на фотографии видна лишь часть его тела)

Старший брат

(На коленях на самом краю кратера вулкана Гора-Гора. Позади виден огонь и серый дым.)

Командир

(Стоит прямо в пяти футах от старшего брата. Пистолет направлен в голову старшего брата.)

Запись на пленке

Старший брат:

— Не убивайте меня! Я требую суда!

— Бум!

Фото 3

Военный

(Пинком ноги пытается сбросить старшего брата в кратер вулкана Гора-Гора.)

Старший брат

(Голова уже свешивается в кратер. Отчетливо видны только ноги.)

Командир

(Засовывает пистолет в кобуру.)

Запись на пленке

Шум ночного ветра и наводящие ужас потрескивания огня в жерле вулкана.

Они прослушали пленку несколько раз, внимательно рассматривая фотографии. Теперь создатель экспериментальной камеры знал, что его старший брат не прячется в Америке. С ним безжалостно расправились, сбросив в кратер вулкана Гора-Гора.

— Может быть, надо передать это дело в суд, как того и хотел твой старший брат? — спросил неуверенно товарищ.

Юноша подумал и ответил:

— Думаешь, мы чего-нибудь добьемся?

Товарищ промолчал. Уверенности не было у обоих.

— Возможно стоит попробовать, — произнес, наконец, юноша. — Но прежде я хочу написать инструкцию, как пользоваться камерой. Если со мной что-то случится, я передам камеру тебе. А если что-то случится с тобой, ты передашь ее кому-нибудь еще, кому доверяешь.

Юноша взял листок бумаги и заложил его в пишущую машинку. Когда инструкция была готова, он сделал несколько копий, передав одну из них товарищу.

Товарищ прочитал инструкцию. Управление камерой было очень простым. Глаза его задержались на последних строчках инструкции.

«Аппарат позволяет вызывать события прошлого и фиксировать их как визуально, так и на слух. Камера регистрирует все прошлые поступки человека, как совершенные открыто, так и тайно, включая твои собственные!»

Закончив читать, он увидел, что создателя экспериментальной камеры уже нет. Он ушел, унеся с собой и снимки, и пленку с записью. Он знал, куда отправился его друг в поисках справедливости. Осознавая опасность, которой он себя подвергает, он взял камеру, вышел из комнаты, запер ее и покинул дом.

Одно из зданий в Тагаману. Приемная прокурора. Пусто. Кроме юноши, никого нет. Он сидит один в черном кресле у стены уже три часа. Он ждет ответа на свое заявление, вместе с которым передал копии трех снимков и пленку с записями в качестве улики. Справедливость должна восторжествовать, и бывший командир с военным, запечатленные на фото, должны предстать перед судом. Только они знают, совершено ли убийство по приказу Президента или по их собственной инициативе. Виновные должны понести наказание. Душа старшего брата найдет успокоение, если он сумеет восстановить справедливость.

Двое военных подошли к нему. Он встал, думая, что они принесли ему ответ.

Но один из них сказал:

— Ты арестован!

— Но почему? — удивился юноша.

Другой военный надел на него наручники.

— Потому что применял аппарат, использование которого пока не разрешено в Огонсото. Серьезное преступление!

От потрясения юноша потерял дар речи и весь обмяк. Военные взяли его под руки с обеих сторон и поволокли в коридор. Ноги юноши волочились по полу. Чуть позже его втолкнули в военный джип.

Он не знал, что пока сидел в приемной, со снимков и пленки, которые он передал, сделали несколько копий. Одну из них срочно отправили в военный госпиталь, где лечился бывший командир.

Когда снимки показали бывшему командиру, тот закричал от страха и упал без сознания. Когда он очнулся, ему прокрутили пленку с записью. Он застонал, взвыл и снова упал в обморок.

Так продолжалось два дня и две ночи. Наконец, бывший командир затих, его раскрытые глаза не мигали.

Позвали врача, который констатировал, что рука смерти пришла забрать душу из обессиленного тела бывшего командира и что дальше держать его в госпитале бессмысленно.

Вызвали такси отвезти его домой. Старенькая машина свинцового цвета, трясаясь, поднималась вверх по дороге, ведущей к госпиталю. Водитель такси видел раньше бывшего командира и узнал его, хотя тот сильно похудел и совсем ослаб — был не в состоянии даже двинуть рукой.

— Я знаю, где он живет, — сказал таксист военному, который помогал ему затащить бывшего командира в машину. — Но он совсем плох, поэтому прошу заплатить за поездку вперед. Вы знаете, уже дважды пассажиры умирали у меня в такси. Я уверен, при них были деньги, но разве можно брать плату с трупов? Вы, конечно, понимаете меня?

Военный сунул ему несколько бумажек и сказал тихо:

— Отвези его домой, если он еще будет жив, а если умрет — то прямо в крематорий.

Такси свинцового цвета лихо помчалось вниз с холма. Ветер врывается в открытые окна. Водитель сплюнул на дорогу, выбросив одновременно зубочистку. На мгновение он бросил взгляд назад, где лежал пассажир.

Чтобы заглушить ужас перед неизбежной смертью пассажира, он стал напевать мелодию. Это была народная песня о древних масках племени Раи-Рапа, которую он знал с детства. В ней говорилось о семи масках, которые просили своего создателя вдохнуть в них жизнь. Но тот отказывался, считая, что маски должны оставаться масками. Однако маски настаивали, утверждая, что должны иметь душу, ибо выражают характер и чувства тех, кто их носит. Тогда создатель масок принес их на морской берег накануне шторма и бросил в волны, которые унесли маски в океан. А сам он, застигнутый штормом, захлебнулся в воде, и его утащило на дно.

Оказавшись в камере, юноша безумно хотел спать. В теле была слабость, и глаза закрывались сами собой. Надо бы поспать, думал он, тем более, что завтра будет слушаться его дело. Он помнил, что находится в камере два дня, а суд должен состояться на третий после ареста. Но крепкого сна не было. Разные мысли одолевали его. Он думал о своей экспериментальной камере. В чьих бы руках она ни была, она способна фиксировать события прошлого. Собрать ее было нетрудно. Можно было бы теперь и усовершенствовать ее, сделать более миниатюрной и запустить в массовое производство — тогда ее можно будет купить где угодно. И еще подумалось ему:

странно, что не сообщили, когда же будет слушаться дело его брата.

Вдруг он почувствовал запах серы и ему показалось, что он снова в бассейне онсен в Изу, где часто купался в горячей воде, разглядывая лес и покрытые снегом горы. Ему хотелось, чтобы прошлое вернулось, но фигура в маске ханния, крепко сжимая левую руку, уносила его с собой в ночное небо.

## 10

### Ковчег

Мужчина пятидесяти с лишнем лет, будущий шкипер ковчега, стоял на марсе высокой прямой мачты в десяти метрах от палубы. Он был здесь один. Сильный ветер бил в лицо, его просторная одежда оранжевого цвета трепетала как флаг.

Завтра, когда появится Богиня зари, ковчег покинет гавань и отправится в море, — подумал он. Он знал прогноз на каждый день следующего месяца — в этом он опирался на исчисления стариков Огонсото. Завтра — самый благоприятный день. Лишь только Богиня зари появится на небе, ковчег будет спущен на воду. Два явления, полные общего смысла. Богиня зари пробудит новый день, ковчег — искать новую землю.

Он посмотрел вниз на берег. Барак, в котором жили строители в ста метрах от верфи, уже разобран. Остались лишь следы фундамента. Все столбы, пол и крыша снесены и сложены кучей на земле.

Лишь небольшой сарай, в котором хранился такелаж, оставался на старом месте в десяти метрах от верфи. Но весь такелаж уже на судне. Сарай пуст и, конечно, в нем тихо.

Колодец, который вырыли, чтобы не ходить далеко за водой, тоже остался рядом со снесенным баракком. Несколько человек снуют на ковчег и обратно, делая запасы воды.

Глаза мужчины остановились на парусе, отвесно свисавшем на десять метров вниз к палубе. А внизу суетились люди. Одни регулировали положение паруса, другие затягивали канаты. Мужчина перевел взгляд на изумрудную поверхность моря, расстилавшегося возле носа ковчега у верфи. Несколько темных пятен в глубине беспокойной воды как бы плясали, напоминая ему о черепахе, благодаря которой собственно и был построен ковчег.

Почти год назад незадолго до захода солнца он на лодке с балансиром возвращался домой, потихоньку приближаясь к берегу. Небо на западе было багровым. Кроме него в заливе никого не было, и его одинокая лодка тихо разбивала спокойную поверхность моря. Дул приятный ласкающий ветер, гнавший лодку к берегу. Вода здесь была такой прозрачной, что были видны неровные горки песка на дне.

Внезапно он увидел, как что-то движется в воде в его сторону. Сердце его забило сильнее. Он знал, это морская черепаха. Но черепаха необыкновенно больших размеров. Гигантская темнозеленая черепаха с черными пятнами спокойно продолжала плыть. Вот она оказалась под лодкой, выплыла с другой стороны, как бы ничего не замечая. Так большой мерседес мчитя по дороге, оставляя позади маленькие автомобили.

Он сидел в лодке, не шелохнувшись, не отрывая взгляда от гигантской черепахи, удалявшейся к коралловому острову.

Спокойная поверхность моря отливала фиолетовым цветом заката, затем все погрузилось во тьму наступившей ночи.

Достигнув берега, мужчина направился в харчевню, где обычно по вечерам собиралась мужская часть деревни. Здесь при свете лампы «летучая мышь» обменивались новостями. Здесь не смолкали шутки и анекдоты, а в воздухе постоянно стоял запах кофе и табака.

За столом сидели пятеро мужчин. Четверо из них над чем-то смеялись. Пятый, постарше, молча курил, не обращая внимания на то, что происходило вокруг.

Будущий шкипер сел рядом с молчаливым мужчиной и рассказал о гигантской черепахе, которую видел в море.

Но никто не поверил ему. Четверо мужчин, которые перед этим громко разговаривали и смеялись, даже начали подтрунивать над ним. Дескать он слишком восхищается немецкими машинами, которые были у политиков Огонсото, и поэтому черепаха размером в один обхват показалась ему гигантской, как мерседес. Слепое восхищение и воображение подвели его. И они начали шутить по поводу того «большого» и «маленького», что волнует всех мужчин. И это продолжалось до тех пор, пока они не ушли, оставив после себя в чашках гушу от крепкого кофе и запах табака в ночном воздухе.

— Никто не верит, — сказал мужчина медленно, как бы пытаясь убедить себя в чем-то.

Владелец харчевни начал убирать со столов.

— Мне не приходилось видеть гигантскую черепаха, — вдруг сказал молчаливый мужчина.

— Значит, и ты не веришь мне.

— Но я слышал рассказ своего деда, а тот в свою очередь слышал от своего деда...

— Значит, сотню лет назад, — сказал мужчина.

— Может, и тысячу, — ответил молчаливый мужчина. — То, что черепаха уплыла к коралловому острову, это неважно. Под островом есть пещера. В ней она и живет. А важно будет то, если черепаха навсегда покинет свою пещеру.

— Почему?

— Потому что, как рассказывал мой дед, только гигантская черепаха может заранее ощущать толчки в земной коре накануне землетрясения. Почувствовав их приближение, она уплывает далеко вглубь в неизвестном направлении.

— Да, верно. Тысячу лет назад здесь произошло исключительно сильное землетрясение.

— Говорят, тогда исчезло много островов, — снова заговорил молчаливый мужчина. — Остались лишь Гора-Гора, Футу-Ата, Раи-Рапа и несколько небольших атоллов. Вот и все.

— Нам потребуется большой ковчег, — сказал мужчина. — Ковчег, который сможет вместить как можно большее число жителей Огонсото.

— Шкипер! Шкипер! — услышал он голос снизу. — Что делать с досками от разобранного барака?

Ветер дул с моря. Он чувствовал это по тому, как трепетала его оранжевая рубаха в направлении кормы.

— Сожгите! — крикнул он.

Вскоре куча досок от разобранного барака занялась огнем. Чем дальше, тем больше и яростнее становились языки пламени, пожирившие доски и сухие пальмовые ветки. Серый дым косо пошел в сторону холмов.

Внизу под клубами дыма можно было видеть, как люди один за другим направляются к ковчегу. Шкипер все еще стоял на марсе мачты, довольно улыбаясь. Жители Огонсото в конце концов поверили ему. Вот они выстроились в очередь, чтобы записаться, прежде чем получить разрешение подняться на борт. А ведь сначала они не только не верили в рассказ о появлении гигантской черепахи, но и смеялись над его планами построить ковчег.

Однако он продолжал рассказывать всем о гигантской черепахе. Да, он видел ее. Да, появление гигантской черепахи — знак большой беды. Чтобы избежать катастрофы, которая обрушится на Огонсото, все должны покинуть это место. Для этого нужен ковчег. Большой ковчег.

Лишь несколько недель спустя у него появились первые сторонники, которые поверили в его рассказ. Сначала пришел тот молчаливый мужчина из харчевни. А с ним и несколько отшельников-реси, которые часто уединялись в лесу, чтобы очистить там свои души путем медитации. После этого число сторонников стало прибавляться. Но в собственной семье он неожиданно натолкнулся на сопротивление со стороны сына. Юноша, который учился и жил в общежитии в Татаману и лишь изредка приезжал домой, сказал:

— Отец, ты ошибаешься. Огонсото находится далеко от вулканического пояса Тихого океана. Большое землетрясение возможно в Токио. Возможно в Калифорнии. Наконец, даже далеко в районе Ньирагонго. Но не здесь!

Сопротивление со стороны собственного сына не удивило его. Он знал, что чувства и мысли детей и их родителей не всегда совпадают. И ему, полуграмотному человеку, нелегко было втолковать своему образованному сыну, что кроме правды науки есть еще и правда жизненных наблюдений, правда, идущая от опыта предков. Ну как ему убедить сына, что гигантская черепаха действительно существует, что ее появление сулит большую беду и что избежать этой беды можно только, построив ковчег?

Ковчег действительно был необходим. А это значило, что нужно было доставать лес, искать строителей, сооружать верфь. И барак для рабочих, и сарай для хранения снастей, и колодец возле барака. Вода необходима была для питья, приготовления пищи, стирки, купания. И все это следовало сделать быстро. Вопрос с сыном предстояло решить по-семейному.

Сторонников становилось все больше, но с заготовкой леса возникли проблемы. Он не понимал ухищрений бюрократии Огонсото. Везде ему отказывали, и он был в растерянности, не зная, что делать дальше. Растроенный, с горящими от гнева глазами вышел он из учреждения последней инстанции и решил тогда обратиться за помощью к японской фирме в Футу-Ата.

Японская фирма загорелась идеей строительства традиционного ковчега Огонсото и выделила большие средства, в том числе и для «умиротворения» политиков и бюрократов. Через неделю мужчина, увидевший гигантскую черепаху, имел официальное разрешение на строительство ковчега. Кроме того, он получал право в течение двух лет заготавливать лес на территории в пятьсот акров на севере Футу-Ата. Ковчег, по решению правительства, должен плавать под флагом Огонсото.

Получив разрешение, они тут же отправились смотреть лес на севере Футу-Ата. Еще тридцать лет назад это были девственные непроходимые джунгли с деревьями толщиной в шесть обхватов. Теперь почти все большие деревья исчезли, но, к счастью, осталось несколько сот подходящих для строительства ковчега. И еще можно было найти с пяток высоких прямых стволов с легкой древесины, пригодных для мачт. Обрубив верхушки и основание ствола трех из них можно было соорудить три приличные мачты с основанием в три фута.

Им повезло, что они получили в свое пользование на два года эти пятьсот акров леса. Собственно другого и не было во всем Огонсото. Они поставили цель справиться за год. Чем быстрее, тем лучше: гигантская черепаха в любой момент могла навсегда покинуть свою пещеру под коралловым островом.

Мужчина возглавил и строительные работы. Вырыли колодец, построили барак рабочим и склад для хранения оснастки, разметили строительную площадку для верфи близко от берега, но так, чтобы не заливало даже в самый сильный прилив.

Затем только стали заготавливать круглый лес для строительства верфи. Вырубали все, чтобы затем можно было спускать бревна для корпуса ковчега, палубы, мачт. Он определял, какие стволы годятся для основания корпуса, какие пойдут на обшивку, какие для приготовления смолы и деревянных гвоздей. Ему пришлось вспомнить искусство строительства традиционных судовов, какие не строили уже двадцать лет. После того, как лучший корабель Огонсото скончался двадцать лет тому назад, старая верфь пришла в негодность, а он первый ученик того корабельщика снова стал рыбаком.

День и ночь он и его сторонники не прекращали работ по строительству ковчега. Ему даже некогда было поговорить с сыном, не было времени, чтобы попытаться убедить других людей присоединиться к нему. В сутках только двадцать четыре часа.

Он торопил время, чтобы опередить гигантскую черепаху. Надо было, чтобы ковчег уже был на волнах, когда гигантская черепаха покинет свою пещеру и отправится в дальний путь.

Шкипер услышал внизу шум. Кажется, там ругались. Он быстро спустился с марса. Оказавшись на палубе, он попросил одного из своих людей подняться наверх.

— Немедленно! — сказал он. — И захвати с собой бинокль. Сверху хорошо виден коралловый остров. Вода прозрачная. Как только заметишь, что черепаха выплывает из пещеры, сразу же сообщи мне.

— Хорошо, господин шкипер! — ответил тот, выхватывая бинокль у другого члена команды, и быстро стал подниматься наверх к марсу мачты.

Шкипер спустился на берег и направился к возбужденной кучке людей.

— Что случилось? — спросил он.

— Да вот они, — сказал занимавшийся регистрацией пассажиров его сторонник, показывая на двух женщин и мужчину, — больны. И, видимо, серьезно. Я не разрешил им подняться на ковчег. Вот они и сердятся.

— Ты все сделал правильно, — поддержал его шкипер. — Вы же трое пока пройдите в этот пустой сарай. Отдохните там. А я подумаю, как с вами быть, и дам вам знать о своем решении до отплытия ковчега.

— Ну если так, тогда другое дело, — ответила одна из женщин.

Затем, показывая на мужчину, занимавшегося регистрацией, она сказала:

— Этот нам говорил не так. Нельзя, и точка.

Она закашлялась и сплюнула густую красную кровь.

— Иди, открой им сарай, — сказал шкипер своему стороннику.

Тот сразу направился к сараю и открыл дверь.

Шкипер проводил мужчину и двух женщин, опиравшихся при ходьбе друг на друга, к сараю.

— Как долго вы болеете? — спросил он.

— Два дня, — ответил мужчина. — После того, как вернулись со званного обеда в президентском дворце.

— К врачу обращались?

— Врач тоже был на этом обеде, — ответила женщина, шедшая посередине, еле волоча ноги по земле. — Да, мы ходили



к нему. Он дал нам то же лекарство, что принимал сам. Сегодня утром мы снова были у него в клинике. Он лежит, не вставая...

— Входите в сарай, — сказал шкипер, когда они подошли к открытой двери. — Примите свое лекарство. Отдохните. Я приду к вам перед тем, как ковчег покинет берег.

— Вы должны позволить нам троим подняться на корабль уже сейчас, — возразил вдруг мужчина, повернувшись к шкиперу.

— Нет! — отрезал шкипер.

— Тремя больше, тремя меньше, — сказал больной мужчина.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Я заглянул в список пассажиров, — тяжело дыша, ответил больной мужчина. — Там значатся имена пяти человек, которых я знаю. Они уже на борту. И знаете что? Они тоже были на обеде в президентском дворце.

— Назови их!

— Нет, господин шкипер, — ответил мужчина, усмехнувшись.

— Если им позволено плыть, то позвольте и нам.

Для шкипера ответ этот прозвучал как угроза. Он быстро поднялся на корабль. Может быть, через пару часов или пару дней эти пять обитателей ковчега перезаразят всех, находящихся на ковчеге.

Шкипер пошел пообщаться с пассажирами, стараясь скрыть свое волнение. Он представился им: Я шкипер, который поведет ковчег на поиски новой земли. Во время плавания команда судна, состоящая из первых сторонников, будет следить за вашей безопасностью. Три раза в день вас будут кормить. Но, конечно, еда будет не такая вкусная, какую подают в президентском дворце.

Однако никто из пассажиров не поддался на уловку шкипера относительно еды в президентском дворце.

Сын шкипера следовал за отцом. Видя, как тот разговаривает с каждым пассажиром, он стал что-то подозревать. Отец, вероятно, что-то ищет. Подозрения усилились, когда шкипер стал обходить пассажиров по второму разу.

— Мне нужно отобрать несколько человек, чтобы переместить их на палубу. Таков древний обычай Огонсото.

Отец говорил очень строго, и никто не посмел возразить ему.

Шкипер, встречаясь с каждым пассажиром, внимательно рассматривал их глаза и цвет губ. Всех с побелевшими глазами и побелевшими губами он просил перейти на палубу. Ему стало страшно, когда он увидел, что их не пять, а восемнадцать. Кто знает, может быть тринадцать из них не были на обеде в президентском дворце и заразились уже здесь?

Шкипер сам повел их на палубу и не разрешил сыну больше следовать за ним.

На палубе их разместили в кормовой части. Когда ковчег отправится в путь, думал шкипер, ветер будет относить заразу назад, где будет только открытое море.

— Шкипер! — закричал мужчина на марсе, энергично махая рукой, чтобы привлечь его внимание. — Это наверно то, чего ты ждал!

И он показал в сторону кораллового острова.

Шкипер быстро взобрался по веревочной лестнице на марс и, взяв бинокль, направил его в сторону кораллового острова.

Гигантская черепаха, подобно большому темно-зеленому с черными пятнами мерседесу плыла в десяти футах от поверхности воды на восток от кораллового острова. Ее движения в прозрачной изумрудно-зеленой воде казались быстрыми и уверенными.

Это была черепаха, которую он увидел впервые около года назад. Черепаха, которая спокойно проплыла под дном его лодки.

— Ты оставайся здесь, — сказал шкипер, отдавая мужчине бинокль. — Ковчег необходимо немедленно спускать на воду.

— Мы отплываем?

— Нет, — ответил шкипер. — Но что-то мне подсказывает, что необходимо спустить ковчег именно сейчас. Мы поплывем завтра, когда покажется Богиня зари.

Шкипер проворно соскользнул вниз по веревочной лестнице. Оказавшись снова на палубе, он отдал распоряжение команде спускать ковчег на воду. Все бросились отвязывать металлические тросы и канаты, которыми был привязан ковчег к стапелям.

Ковчег должен держаться устойчиво на воде, подумал шкипер. Он употребил для этого все свои знания. Почти год сотни его сторонников и строителей работали, не покладая рук, чтобы осуществить свою мечту. И вот ковчег готов. Сто двадцать ме-

тров от носа до кормы, двадцать пять метров в ширину и пятнадцать метров в высоту.

Все, включая шкипера, услышали сильный свистящий звук, когда дно ковчега соскользнуло со стапелей и стремительно понеслось к морю. Плюх! Качнувшись несколько раз из стороны в сторону, ковчег спокойно замер на месте.

— Спустить якоря! — отдал приказ шкипер. — Мы отправляемся в плавание завтра утром. Убрать паруса! Приготовить канаты!

Стоя на палубе своего ковчега, шкипер довольно улыбался. Он радовался не только тому, что ковчег благополучно был спущен на воду. Завтра ковчег отправится вслед за гигантской черепахой, покинув архипелаг. Уйдет от большой беды, которая случится. Он отправится с появлением Богини зари — ни раньше и ни позже. Так ему подсказывала интуиция.

Этой ночью, когда все спали, каждый видя свои сны, шкипер сидел в своей каюте. Лампа «летучая мышь» освещала каюту приглушенным желтым светом. Я все-таки сумел убедить его, подумал шкипер о своем сыне. Три дня назад он, наконец, сдался. Всего три дня назад. Сколько сил это ему стоило! Он боялся, что сын так и не поверит ему. Остаться же на берегу означало верную смерть. К счастью, сын дал себя уговорить. Сейчас он на борту и потом вместе с отцом отправится искать новую землю. Теперь осталось решить, что же делать с теми двумя больными женщинами и мужчиной в сарае. Бросить их здесь — дать им погибнуть в предстоящей катастрофе. Взять — подвергнуть опасности заражения других пассажиров. Болезнь может убить всех, находящихся в ковчеге, и тогда ковчег, оказавшись без управления, будет дрейфовать в океане с мервецами на борту.

Но нечто важное ускользнуло от внимания шкипера. Его сын в это время писал в своем дневнике:

«Уже поздняя ночь. Отец, ты сообщил о большой беде, которая постигнет Огонсото в ближайшее время. Но откуда ты знаешь об этом? А если ничего не случится еще в течение пяти-десяти лет? И потом вечером ты отделил восемнадцать пассажиров. Они больны. Я знаю это, отец. Именно они могут стать бедой для ковчега. Корабль — это все равно что остров, а пассажиры его жители. Начав распространяться, болезнь убьет всех на этом созданном тобой острове, отец. Ставка в твоём предприятии: вера или жизнь.

Очень скоро Богиня зари, которую ты с нетерпением ждешь, отец, появится на небе. Я видел, как ты отправился на лодке к берегу, а потом пошел к сараю. Ты решил взять с собой этих трех больных. Отсчет времени до большой беды на плавучем острове начался».

Юноша закрыл дневник и направился в каюту шкипера. Дверь была не заперта. Он вошел и оставил дневник возле лампы. Затем быстро вышел из каюты, по-прежнему освещенной бледным желтым светом лампы.

— Осторожно садитесь в лодку, — сказал шкипер двум больным женщинам и мужчине.

Они неуверенно ступили в лодку. Время от времени шкипер посматривал на восточную половину неба.

И вот все трое устроились в лодке. Шкипер отвязал веревку. В это время из темноты появился высокий, одетый в белое мужчина. Он запыхался от быстрого бега.

— Возьмите меня в ковчег! — сказал он умоляюще. — Если не возьмете, я поплыву туда сам.

Его голос прерывался от усталости.

— Садись, — сказал шкипер.

Высокий мужчина в белом быстро сел в лодку. После этого шкипер быстро столкнул лодку в воду, прыгнул в нее и стал грести к ковчегу, который чернелся в воде, как большой плавучий остров. Эти две женщины и двое мужчин — последние пассажиры, — подумал шкипер. Что бы ни случилось, их тоже надо спасти от надвигающейся большой беды.

— Вы трое, — сказал он, показывая на больных, — останетесь на палубе. Мои люди займутся вами. Может быть, болезнь скоро пройдет. Три раза в день вас будут кормить. Только еда эта, понятно, не такая вкусная, как в президентском дворце.

— Может быть, я смогу помогать на кухне, — вдруг отозвался высокий мужчина в белом. — Я работал шеф-поваром.

— Ах, вот оно что, — ответил шкипер, продолжая грести и искоса посматривая на восточный горизонт. — После того, как мы отведем больных на корму, ты пройдешь со мной в каюту шкипера.

Через двадцать минут они были на палубе. Трое больных пассажиров заняли место на корме.

Шкипер бросил взгляд на восток. Ожидаемая им Богиня зари уже приподняла розовый шлейф света на горизонте.

— Поднять якоря! — крикнул шкипер, отдавая команду. — Поднять паруса!

Послышались приглушенные голоса членов экипажа, выполнявших распоряжение шкипера. Как раз в этот момент сын шкипера прыгнул в воду и поплыл к берегу.

Ковчег пришел в движение. Через несколько минут он повернул на восток. Туда, куда вчера поплыла гигантская черепаха. Парус, флаг и сигнальные флажки стали окрашиваться в красный цвет — это Богиня Зари продолжала подниматься в небе на востоке.

Движения ковчега становились все более ритмичными. Шкипер передал управление кораблем своему молодому помощнику и повел высокого мужчину в белом в свою каюту.

— Значит, вы — шкипер, — сказал смущенно мужчина.

Шкипер только улыбнулся.

— Если бы я знал это, — продолжал мужчина, — я бы не был с вами так груб на берегу.

Шкипер внимательно прислушался к голосу мужчины. Он был мягким и чуть напевным, как у женщины. Движения рук тоже напоминали жесты, характерные для женщин во время разговора.

— Это неважно, — сказал шкипер. — Ты — шеф-повар. Об этом я и хотел поговорить. Ты можешь быть полезным на ковчеге.

— Конечно, господин шкипер, — ответил мужчина. — Более десяти лет я проработал в президентском дворце...

— Погоди, погоди, — перебил его шкипер. — Так это ты готовил еду для званного обеда несколько дней назад?

— Вы знаете об этом? — высокий мужчина начал всхлипывать, как женщина.

Ну совсем, как женщина!

— На ковчеге восемь человек, заболевших после твоего обеда, — сказал шкипер. — Это я знаю точно. Но возможно их и больше.

— На этом ковчеге? — взвизгнул мужчина.

Затем застонал. И стон этот выдавал в нем женщину.

— Не волнуйся, — сказал шкипер, успокаивая его, как если бы успокаивал женщину. — Кроме нас в каюте никого нет. Все, что ты расскажешь, буду знать только я один. И больше никто. Рассказывай!

Шкипер протянул ему сигарету и прикурил ее от спички.

Высокий мужчина затаился сигаретой, вскинул голову вверх и медленно выпустил дым. Выпяченные губы и этот дым напомнили шкиперу о вулканах Гора-Гора, Раи-Рапа и Футу-Ата. Сердце его тревожно забилось.

— Им бы только вкусно поесть, — начал свой рассказ высокий мужчина. — Они живут и здравствуют только благодаря вкусной еде. Человек не из их круга для них ничто. Пусть он питается падалью, пусть страдает. Такой человек для них лишь объект злых шуток, которые они отпускают во время своих обильных трапез.

Недавно они захотели, чтобы я приготовил традиционное блюдо — кашу по-огонсотски. Господин шкипер знает, что это за каша? Смесь таро и пшеницы с кальмарами и мясом оленя, приправленная овощами.

Ну где сейчас найти оленя на Огонсото? Я просто не знал, что делать. И ведь боялся послушаться тоже. И вдруг за день до званного обеда зашел ко мне в дом мужчина. Ему нездоровилось. Я приказал ему помыться. Он помылся. Я приказал ему лечь. Он лег. Он делал все, о чем я его просил. Я приказал ему лечь на спину и закрыть глаза. Он лег на спину и закрыл глаза. Тут-то я и отрубил топором ему голову. Затем разделал. Только кишки выбросил. Остальное прокрутил и добавил в кашу. Через два-три дня все, кто отведал ее, заболел. Включая Президента. Мне стало страшно, но, как говорится, сам заварил кашу.

Прошлой ночью я открыл кошелек этого несчастного. О, Господи! Там была справка из больницы. Он страдал серьезной половой болезнью. Я слышал о вашем ковчеге и побежал к нему.

Неожиданно в животе у шкипера закрутило. К горлу подступила тошнота. Вот-вот вырвет. Он глубоко вздохнул и стиснул зубы — через несколько минут тошнота отступила.

— Твое место на корме, — сказал жестко шкипер.

Высокий мужчина был на палубе перед этим вместе со шкипером. Он знал, что там размещались больные люди, и знал, что просить у шкипера, хозяина ковчега, лучшей участи бесполезно.

— Хорошо, — сказал он.

Голос его стал совсем тонким. Он сдернул накидку с головы и расправил свои длинные волосы, так что они касались его

плеч. Он начал расстегивать пуговицы белой рубашки и снял с себя белые брюки.

Перед шкипером предстала стройная, хрупкая женщина. Маленькие плоские груди прикрывало синее платье нежных тонов, зауженное на бедрах и спускавшееся вниз до самых пят.

— И помалкивай! — крикнул шкипер вслед удаляющейся женщине.

Стало совсем светло. Когда женщина выходила через открытую дверь, ее стройная фигура в свете солнечных лучей казалась тенью.

Шкипер посмотрел на еще горящую лампу, а мысли были заняты другим. Если кто-нибудь видел, как из его каюты выходила женщина, что подумают о нем на судне?

Размышляя об этом, он подошел к лампе и тут заметил лежащий возле нее дневник. Он открыл его, предчувствуя недоброе, и начал читать то, что написал его сын. Еще не дойдя до конца записей, он уже догадался о том, что сделал его сын. Ведь он не видел его возле себя с полуночи. Его нет в ковчеге!

Шкипер весь затрясся. С трудом волоча обмягшие ноги, он вышел из каюты.

На палубе он бросил взгляд на корму и дальше к горизонту — Гора-Гора исчез позади Фута-Ата и Раи-Рапа, а последние виднелись вдаль двумя точками, из которых валил дым.

Дым вулканов, как три короткие серые линии, шел вертикально в небо, сливаясь с облаками. Красный свет утреннего солнца окрасил дым и облака на западе, но море по-прежнему отливало свежей голубизной, разрезаемой большим ковчегом, оставившим за собой белую дорожку из пены. Эта дорожка потом расплзалась вдаль, прежде чем исчезнуть в голубых водах океана.

Внезапно послышался страшных грохот, как будто одновременно ударили тысячи громов. Все находившиеся в ковчеге бросились на палубу, устремив взоры на запад.

Дым вулканов Гора-Гора, Фута-Ата и Раи-Рапа, раньше наминавший три тонкие линии, уходившие к облакам, начал разрастаться и увеличиваться в размерах. Они слышали бесконечный грохот и только грохот. Затем перед их взором предстала картина, поразившая всех.

Ветер с запада быстро развеял густой дым, который, соединившись с облаками, образовал темное покрывало в пятистах

футов над океаном. Море вдруг затихло. Огромная высокая волна появилась к западу от Огонсото. Она обрушилась на архипелаг, смывая все на своем пути, круша здания и все живое. Волна продолжала двигаться на восток.

— Поднять штормовые паруса! — громко скомандовал шкипер. — Всем пассажирам держаться за канаты безопасности.

Огромная высокая волна приближалась. Ее высота, по оценке шкипера, в шесть раз превышала десятиэтажный дом в Татаману.

Волна походила на гору и была все ближе. Шкипер надеялся, что гребень этой безумной волны пройдет точно под кормой. Если нет, то ковчег накренится и пойдет ко дну.

— Да! — радостно закричал шкипер.

Гребень волны прошел точно под кормой.

Ковчег подбросило на шестьсот футов в воздух. Пассажиры закричали, многих тошнило. На мгновение ковчег соединился с облаками и дымом, окутавшим Тихий океан.

Медленно ковчег соскользнул вниз по склону волны. Посмотрев в сторону Огонсото, люди не увидели там ни клочка суши — три точки и три короткие линии тоже исчезли.

— Вот и нет больше островов Огонсото, — пробормотал про себя шкипер, вспоминая своего сына.

Но его шепета никто не слышал. Все бросились в носовую часть палубы, наблюдая за удалявшейся волной. Она уходила все дальше на восток, и будет так идти, пока не замрет где-нибудь у западного побережья Южной Америки.

Ковчег продолжал плыть. Небо все еще было окутано облаками, смешанными с серым дымом. Океан был спокоен. Шкипер посмотрел вверх. Если бы ковчег плыл на уровне облаков, то было бы легче заметить землю.

Шкипер прошел на нос ковчега. Волна была далеко у восточного горизонта. Похожая раньше на гору, она теперь казалась размером с ту гигантскую черепаху, которая отправилась искать новые берега.

Затем он вернулся на корму посмотреть, как чувствуют себя отделенные от других пассажиры. Все они, за исключением женщины в синем платье нежных тонов, лежали на палубе. Женщина стояла и смотрела на океан. Далеко, где раньше находились острова Огонсото. Длинные волосы развевались на

ветру, закрывая уши и часть щек. Она вероятно, вспоминала о своей работе на кухне во дворце в Татаману.

Может быть надо их высадить на первом же попавшемся острове, подумал шкипер. Тогда здоровым пассажирам ничто не будет угрожать. Но если остров необитаем и на нем нет пищи, то тогда мое решение будет означать для них верную смерть. И потом, может быть, болезнь и не распространится. Я уже потерял сына. Мой долг спасти этих больных на корме.

Несколько недель ковчег бороздил воды океана. И все это время не видно было ни луны, ни солнца. Свет небесных светил не в состоянии был пробить толщу облаков и дыма. Облачное покрывало, смешавшись с дымом, висело в сотнях футов от поверхности океана. А ковчег продолжал плыть, поддерживаемый ладонями океана и прикрываемый серым зонтиком туч. Люди устали и молчали — никто не хотел больше разговаривать. Слышался только свист ветра, дувшего в паруса, скрип канатов, тершихся о древесину и мачты, звуки ударов волн по караблю.

Шкипер ждал. С нетерпением ждал голоса. Голоса, который вдохнет в них новую надежду. И, наконец, однажды утром человек на марсе крикнул:

— Господин шкипер! Земля!

## Эпилог

### Цунами

Когда «Каваи Мару» бросил якорь в водах этого острова, ковчег с Огонсото уже находился там несколько дней. Он был пришвартован близко к берегу. Хотя ковчег не шел ни в какое сравнение с «Каваи Мару», его размеры все-таки были поразительны, особенно если учесть, что ковчег был сработан вручную.

Мы прибыли к острову с разных сторон, но в равной степени испытали ужас перед цунами и встретившись здесь, на суше, только о нем и говорили. Конечно, ничего нового мы не могли сообщить друг другу и поэтому без конца повторяли одно и то же. Внезапно появилась волна величиной с гору, как будто с поверхности океана поднялся во весь свой пятисотфутовый рост водяной великан. Не оглядываясь ни назад, ни по сторонам, он покатился вперед вслед за жутким извержением Гора-Гора, Раи-Рапа и Футу-Ата. Архипелаг был полностью уничтожен. Великан безжалостно пожирал дома, здания, небольшие лодки. Все прошло через его ненасытный желудок, прежде чем оказаться на морском дне. К счастью, ни «Каваи Мару», ни ковчег не пострадали.

Десять человек с ковчега погибли. Их тела похоронили у подножия горы. Больные и немощные были доставлены в больницу. Других разместили в специально построенном лагере, где они ждали решения правительства острова. Ему шкипер вверил свою судьбу и судьбу своих сторонников. Разрешат им остаться здесь — хорошо, не разрешат — тоже не беда. Ковчег цел и невредим и может выдержать еще не одно морское путешествие.

Несколько недель «Каваи Мару» стоял там на рейде и поэтому мы часто встречались со шкипером и его людьми. За это время мы подружились и познакомились с еще живыми героями наших рассказов про острова Огонсото. Как и мы, они постарели. Старые стали еще старше. Некоторые ходили сторбившись, опираясь на палочку. Из того, что они поведали нам, рассказы об Огонсото пополнились новыми подробностями, стали цельными, как еще живая, неразделанная рыба.

И эти рассказы мы уносили с собой на корабль. Перед сном, когда «Каваи Мару» покачивался на волнах, эти рассказы всплывали в нашей памяти. Нас уносило в мир туманных и



волнующих грез и уже трудно было разобрать, то ли это «Каваи Мару» покачивает нас на волнах, то ли мать укачивает своего малыша, и рассказ свободно льется из ее уст.

Десятки лет прошли с тех пор. Мне самому, например, уже восемьдесят, и вот уже двадцать лет, как я не плаваю на «Каваи Мару». Все мои ровестники тоже давно покинули работу на корабле. Но я не забыл цунами, который случился, когда мне было сорок пять лет и десять дней. Цунами обрушился на нас как раз через десять дней после того, как мне исполнилось сорок пять. Это я помню хорошо. А наша встреча со шкипером и его людьми произошла, когда мне исполнилось сорок пять лет и два месяца. И мы без конца говорили о сташном цунами, с ужасом вспоминая, какая большая беда обрушилась на нас, и благодарили судьбу, что остались живы.

Уже давно я не плаваю в море. «Каваи Мару» нашел нам замену в лице более молодых и образованных людей. Этот гигант из стали все еще бороздит воды Тихого океана. Я не знаю, жив ли господин Каваи или уже покинул этот мир. Как-то я послал в «Каваи Мару» телекс, спрашивая, как поживает господин Каваи. В ответе говорилось, что Каваи все еще в Тихом океане. Неясно, сам он или его корабль. В любом случае он жив, пока живет его корабль. Ведь он отдал ему не только свое имя, но и всю душу и чувства.

Многие мои товарищи вернулись в родные места. И обнаружили, что жить им там непросто. Не осталось ни друзей детства, ни хороших знакомых. Родные места стали для них чужими. Не с кем поболтать и пошутить, как это бывало на «Каваи Мару». Жизнь на старости лет на родине оказалась тихой и скучной в отличие от веселой и бесшабашной жизни на корабле. Оказалось, что они никому не нужны и неоткуда было ждать дружеской поддержки, которую они всегда ощущали на «Каваи Мару».

Хорошо, если у кого-то были дети, которые могли ухаживать за ними, или жены, которые терпеливо сносили чудачества своих старых мужей. Но не все жены с пониманием относились к ним. Они привыкли жить свободно, как им заблагорассудится. И вдруг появляется старый муж, который кроме жизни на корабле ничего не знал. Ему становилось тесно в четырех стенах дома и скучно без привычных друзей. И вот он начинал ходить по пятам за женой. На кухню, на базар, в прачечную,

в парикмахерскую, в дешевый магазин. Он, как старый лист, слетевший осенью с дерева и прилипший к подошве прохожего. Когда жене это надоедало, дело кончалось разводом.

Я не вернулся в родную деревню, хотя там очень красиво. Из дома родителей на склоне горы можно любоваться тихой долиной, окруженной горами. Недалеко несколько бассейнов онсен. Осенью я любил погружаться в открытый онсен и разглядывать оттуда багряно-золотистые листья деревьев. Летом я ловил рыбу в чистом ручье, который протекал как раз посередине деревни, деля ее пополам. Если я погружался в онсен зимой, когда он был окружен белым снегом, я ждал прилета снегурей, которые танцевали вокруг парами.

В деревне меня никто не ждал. Известие о смерти жены я получил тридцать лет назад, когда «Каваи Мару» находился в Мариинской впадине. Детей у нас не было. Поэтому, уйдя с корабля, я поселился в Доме для престарелых в районе Кита города Токио. Жилой комплекс дома расположен в глубине большого парка. Если кто-то заходил сюда извне, то удивлялся, как тихо было здесь в любое время суток. Ведь стоило выйти за пределы парка, как на вас обрушивался весь шум города Токио: говор людей, грохот электричек, скрежет машин.

Прошлой ночью я сидел один на скамейке. Желтый свет фонаря отбрасывал на меня тени ветвей и листьев сакуры. Весенняя ночь была прохладной, но приятной. На следующей неделе зацветет сакура, и парк из зеленого станет бело-розовым.

Хотя врач запретил мне курить, я затаился сигаретой. Было тихо. Струйка дыма и запах табака уносили меня на самое дно одиночества. Тлеющий конец сигареты напоминал мне botaru, светлячков, которые летают ночью в моей родной деревне.

Ближе к полуночи я вернулся в дом и сразу же лег спать. Единственная радость, оставшаяся в жизни, — это сладкий сон до того, как луч солнечного света снова упадет на пол моей комнаты через оконное стекло.

Но в прошлую ночь мне не спалось. Может быть, потому, что я не хотел ничего вспоминать и думать о прошлом. Я не напрягал память, и глаза мои не чувствовали усталости. Я лежал, растянувшись на кровати, в тихой комнате. Спокойный и одинокий.

Внезапно я услышал печальную мелодию, звучавшую из катафалка, покидавшего Дом престарелых. Кто-то умер. Его тело

вели в тишине опустившейся ночи. Чем дальше, тем приглушенной была эта печальная мелодия. Все удаляющийся катафалк с музыкой напомнил мне о том маленьком «цунами», который уносит душу каждого человека в другой мир.

Открыв в какой-то момент глаза, я увидел, что первоначальное видение изменилось, превратившись в больничную палату. При дыхании я чувствовал боль в груди. Через прозрачную трубочку в нос текла жидкость. У кровати сидела медсестра, отмечая что-то в истории болезни. Она мягко улыбнулась.

— Operetion wa yoku dekimashita. Omedeto gozaimasu, Noorusan. Tabun konshu no owarigoro ni okaïri ni nagimasu. (Операция прошла успешно, господин Нур. Возможно, в конце недели вы сможете вернуться домой).

Тут я вспомнил, что ее зовут Аяко.

А сам я только что из операционной. Очнулся от анестезии. Ушел от самого себя в Доме престарелых в районе Кита. Но действительно ли я ушел от всего этого — места действия и чувств героя? Кто этот старик, слышавший удаляющиеся звуки печальной мелодии? Кто этот старик, вспоминавший о страшном цунами?

Аяко вышла из палаты. Через матовое стекло я видел, как она закрывала за собой дверь и потом пошла направо, прежде чем скрыться из виду.

Несколько дней назад я сказал ей по-японски:

— Я родом из Окигава.

Это буквальный перевод названия моей деревни Кали-Бесар<sup>10</sup>. Я пытался шутить, скрывая свое беспокойство. Мне предстояла операция. Я лежал на кровати, а Аяко брила мне усы и мою жиденькую бороду. Черные волосы, смешанные с белой пеной, падали на бумажную салфетку, которую Аяко положила мне под подбородок.

— Окигава? — Аяко выпрямилась.

Она продолжала сжимать в руке бритву с желтой ручкой.

— Окигава это в Японии или в твоей стране, Нур-сан?

— Да нет, не в Японии, — ответил я.

И потом пояснил, что это название моей родной деревни в переводе на японский. Деревни, в которой я не был уже много лет.

— Вы не волнуйтесь, Нур-сан, — сказала Аяко.

Эта короткая фраза успокоила меня и вселила надежду. Я долго скрывал свою болезнь от родных и друзей. Но, к несчастью, когда я приехал в Токио работать в одну из тихоокеанских региональных организаций, болезнь усилилась. И я вынужден был сдать на милость хирурга, вознося молитвы Богу.

В палате тихо. Окно чуть приткрыто. Виден парк. Легкий ветерок колышет розовые цветы сакуры.

Я закрыл глаза, вспоминая свою деревню. И услышал журчание реки Кали-Бесар, воды которой бьются о мангровые деревья пролива. Далеко. Очень далеко. В Малайе.

Завершено в эпоху Хейсей.

год 12, месяц 3, день 31

в Наказато Комагоме,

район Кита, Токио

Перевод сделан по изданию:

Anwar Ridhwan. Naratif Ogonshoto. Luala Lumpur: "Matahari", 2001

---

<sup>10</sup> «Большая река», мал.

## Содержание

<i>Творческие поиски Анвара Ридвана</i> .....	3
«Каваи Мару». <i>Пролог</i> .....	7
Колонизатор .....	11
Генерал .....	26
Переодетый Президент .....	40
Айсберг .....	50
Игра .....	61
Толкователь .....	78
Стервятник .....	93
Мизинец .....	112
Экспериментальная камера .....	124
Ковчег .....	136
Цунами. <i>Эпилог</i> .....	151

## **БЫЛИ И НЕБЫЛИ ОСТРОВОВ «ОГОНСОТО»**

Анвар Ридван

Редактор

Подписано в печать . Формат 84×108 <sup>1</sup>/<sub>32</sub>.

Гарнитура Ньютон.

Бумага . Заказ .



**Анвар Ридван (Anwar Ridhwan)** — один из самых заметных современных писателей Малайзии. Родился в 1949 г. в Сабак-Бернам, штат Селангор. Окончил университет «Малайя», в 1986 г. обучался в рамках Международной писательской программы в университете Айова (США). В 1997-2000 гг. преподавал в Токийском университете иностранных языков. Автор многочисленных повестей и рассказов. Отдельные произведения переведены на английский, арабский, венгерский, итальянский, китайский немецкий, русский, французский языки. Лауреат четырех национальных премий и Литературной премии ЮВА (2002). Повесть «Были и небыли островов Огонсото» отмечена в 2003 г. премией Мастера, присуждаемой международным жюри АСЕАН.



**Виктор Погадаев** (род. 1946), выпускник МГУ и впоследствии преподаватель малайского и индонезийского языков в этом же университете. В настоящее время работает в Куала-Лумпуре в Университете Малайя, где ведет курс русского языка и художественной культуры России. В его переводе в Малайзии опубликованы «Сказка о рыбаке и рыбке», а также «Барышня-крестьянка» Александра Пушкина, повесть Льва Толстого «Хаджи Мурат», стихи Беллы Ахмадулиной, Михаила Матусовского и другие произведения российских авторов. На русский язык перевел поэзию малайзийских поэтов Кемалы, Баха Заина, Рахимидина Захари, Азиза Дерамана, прозу Анвара Ридвана.